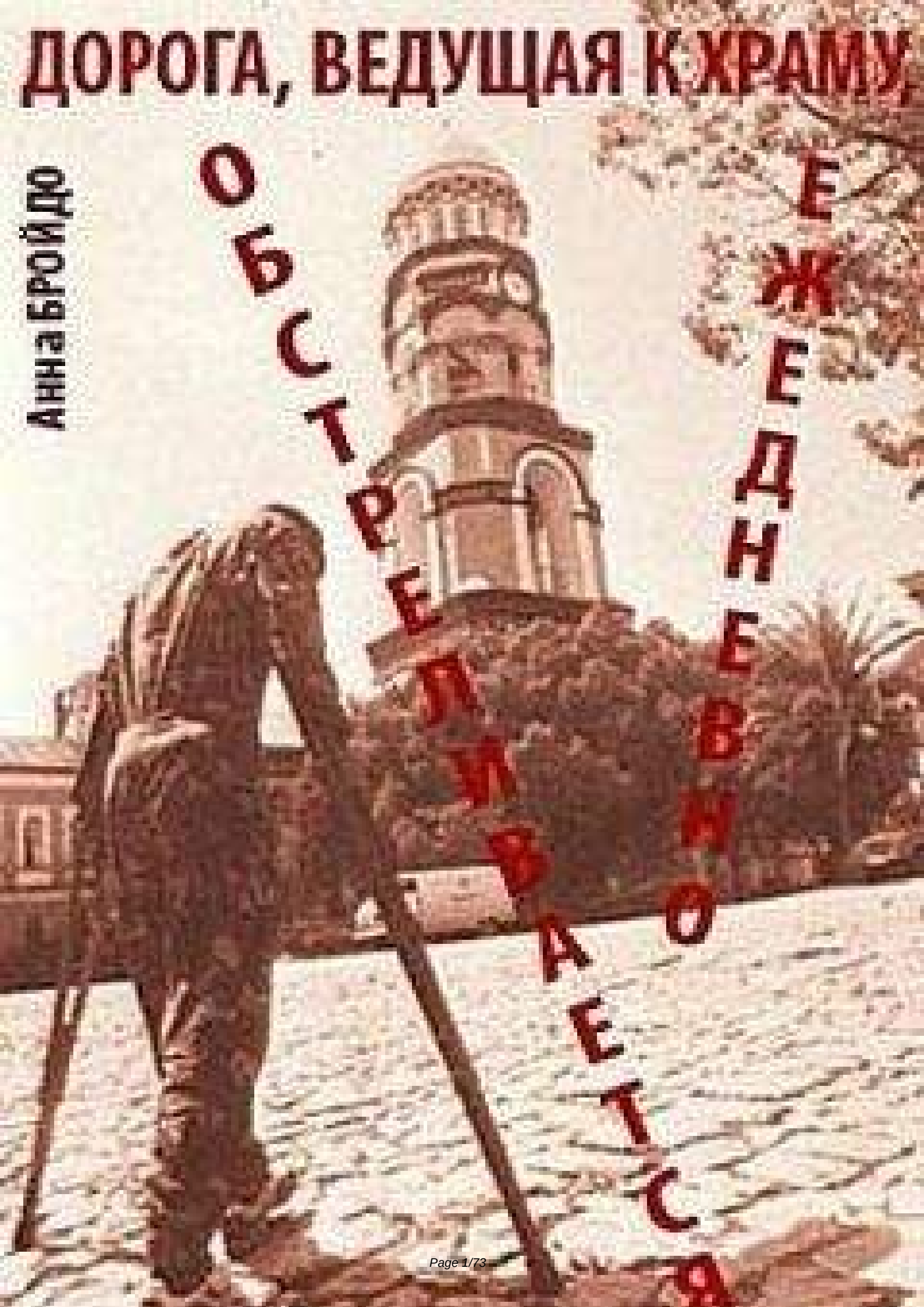
ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ К ХРАМУ

Анна БРОЙДО

Анна Бройдо

* * *

Дорога, ведущая к храму, обстреливается ежедневно

Памяти моего друга —

убитого при освобождении Сухума

фотокорреспондента Андрея Соловьева,

с которым мы когда-то решили

сделать книжку об этой войне.

Честно говоря, сначала это было просто любимой присказкой: «Вот кончится война, обязательно надо будет книжку написать, с фотографиями!».

А потом Андрей погиб. И шутливый треп вдруг обернулся долгом. Пришлось написать.

Написать, «чтобы не уподобиться молчальникам, свидетельствовать в пользу тех, кого посетила Чума, чтобы хотя бы память оставить о несправедливости и насилии, совершенных над ними, да просто чтобы сказать о том, чему учит нас година бедствий: есть гораздо больше оснований восхищаться людьми, чем презирать их».

Предисловие

Горькая дорога

Абхазия всегда была в моем сердце и в моей судьбе.

В начале шестидесятых уже прошлого века я вышла замуж. Друг мужа, очень популярный тогда абхазский писатель Георгий Дмитриевич Гулиа, пригласил нас в своеобразное свадебное путешествие — в Гульрипш, под Сухум, в свое родовое гнездо. Еще жива была мама Георгия Дмитриевича, Елена Андреевна, вдова великого Дмитрия Гулиа, чудная женщина, грузинка по национальности. Кто бы тогда подумал о возможности кровавого межнационального конфликта…

Мы вернулись в Москву загорелые, счастливые, надышавшись воздухом моря и дружбы, а через положенное время у меня родился сын, который в шутку называл себя абхазцем и нежно полюбил Апсны, эту замечательную «страну души».

А я, плененная ее языком, наполненным звуками природы, историей, обычаями, культурой, начала переводить стихи абхазских поэтов: Баграта Шинкуба, Иуа Когониа, Нелли Тарба, Кумфа Ломиа, Киршала Чачхалиа, Ивана Тарба. Не раз за эти годы я была свидетелем, как

Абхазия пыталась добиться восстановления своих попранных прав — мирно, в рамках Грузинской республики. И видела тщету этих попыток.

А в девяносто втором разразилась трагедия войны, которую можно было бы не допустить.

Московская журналистка Анна Бройдо, военный корреспондент, ставшая в минуту необходимости сестрой милосердия, написала об этой войне документальную повесть, своеобразный «Абхазский дневник»: честный, без пафоса и искажений, рассказ о человеческом благородстве и подлости — без различия по национальности. Это — свидетельство участницы событий, которой довелось перевязывать и абхазские, и грузинские раны. Но это еще и настоящая, талантливая русская литература, написанная свободным, ярким, поэтическим языком.

Поэтичен и центральный образ книги: Дорога Грешников. Так в Абхазии издавна называют крутой и трудный путь на вершину горы, к знаменитому Новоафонскому монастырю, ставшему на время войны прифронтовым госпиталем. Каждый день, под прицельным артиллерийским огнем с грузинских позиций, туда везли к спасению погибавших людей. И Анна Бройдо сумела разглядеть в этой пыльной дороге с разбитым снарядами тусклым асфальтом ту самую Дорогу, Ведущую к Храму: горький путь грешных, земных людей к свету и очищению через страдания и смерть. О них, с кем рука об руку прошла этот путь, о павших и живых, и написала она свою замечательную повесть, наверное, лучшую на сегодняшний день книгу об этой войне.

… Два с половиной года назад мы с сыном снова побывали в Абхазии, на посвященных покойному Георгию Гулиа юбилейных торжествах. Горько было увидеть все близкое и любимое, искалеченное войной. Горько встретиться со многими дорогими друзьями уже на кладбище, у их дорогих могил.

Абхазия победила в войне, отстояв свою свободу, и я понимала ее правоту, несмотря на то, что и в Грузии у меня много близких, друзей. Жестоко мучило сознание: сколько горя и страданий причинили людям недальновидные политики!

В щедром, добром и грустном застолье сыну предложили произнести тост. И он сказал: «Вы были национальностью. А стали — НАРОДОМ».

Да, это — истина! А с народом шутки плохи. «Народ суров, когда, восстав, не просит, а берет», писал мудрый Шандор Петефи.

Не надо доводить народ до крайности, толкать на силовое решение жизненных задач.

И я, и мужественная Анна Бройдо очень надеемся, что победят здравый смысл, справедливость, человечность.

И — да будет так!

Римма КАЗАКОВА,

Поэтесса,

Первый секретарь

Союза писателей Москвы.

Документальная повесть

Судьбы многих погибших неизвестно за что

взыскуют о смысле случившегося. Одно дело -

погибнуть, завершая и впервые своей гибелью

устанавливая смысл (например, в освободительной

борьбе), и совсем другое — сгинуть в слепом

одичании, так что после гибели нужно еще

доискиваться ее смысла.

Мераб Мамардашвили

Август. 1992

Студент юрфака сухумского университета, боец армии Республики Абхазия Темур рассказал: в минувшем августе с горы Баграта в Сухуми спустился волк. Его жуткий вой подхватили все городские собаки. А еще тем летом необыкновенно пышно цвели кусты черной Королевской розы. И то, и другое — старинные приметы близкой войны, вот только вспомнили о них, когда война уже началась.

Темур уверен: эти случаи — еще одно доказательство, что «там» пути человечества давно определены («А как бы иначе Нострадамус смог все так предвидеть?») и роль каждого из нас тоже уже написана. «Что же, от самого человека ничего не зависит?» — «Но ведь одну и ту же роль можно сыграть по-разному. Задача в том, чтобы сыграть ее без фальши…» * * *

14 августа 1992 года я, парламентский корреспондент Агентства новостей ИМА-пресс, спасалась от полуденного солнца в душном номере адлерского пансионата и от нечего делать слушала по радио новости, хоть и зарекалась: в отпуске — никакой политики. Среди прочего услышала о вводе войск Госсовета Грузии на территорию автономной республики Абхазия — для «борьбы с террористами» — сторонниками экс-президента Грузии Звиада Гамсахурдиа.

Честно говоря, тогда об Абхазии я знала не больше, чем, к примеру, о Нигерии. Так уж получилось, что никогда там не отдыхала, ни с одним абхазом знакома не была. Зато, по доброй российской традиции, испытывала слабость к Грузии, на холмах которой лежит ночная мгла, дружила с грузинами — одноклассниками и однокурсниками, восхищалась их поэтами, актерами и соратником по демократическому движению Эдуардом Шеварднадзе. О предыстории начинающегося конфликта я тоже понятия не имела. Насторожила лишь неадекватность повода и принимаемых мер: сразу вспомнилось, как однажды президент Горбачев решил бороться с преступностью на городских улицах совместными с милицией

армейскими патрулями и БТРами.

Окончательно простившись с отпускными зароками, я отправилась на переговорный пункт. Москва ответила, что посылать меня под пули совесть не позволяет, но «хорошо бы чего-нибудь передать. Сегодня пятница, газеты выйдут только во вторник, поэтому езжай в понедельник, если до тех пор не устаканится».

До понедельника не только не «устаканилось», но и появились сообщения о первых жертвах — российских военнослужащих и отдыхающих, загоравших на обстрелянных грузинскими вертолетами сухумских пляжах. О погибших из числа местного населения умалчивалось. Войска Госсовета, пройдя Гальский и Очамчирский районы Абхазии, на подступах к ее столице Сухуми натолкнулись на сопротивление спешно собранного абхазского ополчения. Заключено первое соглашение этой войны — о разводе противников на оговоренные позиции за городской чертой Сухуми. Конфедерация горских народов Кавказа объявила о готовности прийти на помощь абхазам.

Местные милиционеры, отчаявшись поколебать мою решимость — «А вы знаете, что с вами, журналистами, делают в Югославии?» — посоветовали добираться морем. Утром 17 августа в сочинском порту творилось нечто невообразимое: жители Абхазии всех национальностей, стремясь воссоединиться с оставшимися дома семьями, штурмовали кассы. Чудом мне удалось попасть на борт перегруженного катера. Когда мы отплывали, к соседнему причалу подошла «Комета» из Абхазии — с ранеными и убитыми.

До Сухуми мы плыли часов десять (против обычных трех): капитан, опасаясь стрельбы с берега, старался держаться от него подальше. Прибыли уже затемно. По большой улице мы вместе с несколькими попутчиками двинулись к центру города. Через пару кварталов увидели первых сухумчан — сидевших на бордюрных камнях девчонок в белых халатах: «Вы что, с ума сошли — по городу сейчас гулять, тут снайперов полно! Скорей к нам заходите!»

Зайдя, мы оказались в приемном отделении 2-й городской больницы. Девочки позвонили главврачу Вячеславу Абухба, тот распорядился разместить путешественников на ночь. Мои спутники расположились на свободных койках, а я решила не терять времени и попытаться разобраться в обстановке.

В приемном отделении мы просидели до рассвета. Я узнала, что на 14 августа было намечено заседание Верховного Совета Абхазской АССР, где планировалось обсудить проект договора о новых взаимоотношениях с Грузией: от автономии — к субъекту конфедерации. Именно стремление Абхазии к суверенитету в рамках единого с Грузией государства, а не «борьба с террористами» было истинной причиной ввода войск в республику. Впрочем, впоследствии Тбилиси выдвигал еще немало столь же уважительных и достоверных причин — от «охраны железной дороги» до «угрозы исламского фундаментализма». Выяснилось, что регулярной армии Госсовета противостоят только сотрудники местного УВД с табельными Макаровыми да добровольцы с берданками и бутылками с зажигательной смесью. Слухи, что у Форума — абхазской национальной организации — припасено оружие, оказались блефом. Вечером госсоветовцы, нарушив заключенное накануне соглашение, заняли часть города. Без боя — абхазская сторона осталась на оговоренных в нем позициях.

«Если чеченцы сюда придут, такая манная каша заварится! — качали головами медсестры. — Но ведь, кроме ребят с Северного Кавказа, некому за нас заступиться…». Оказывается, исторически и этнически Абхазия относится не к Закавказью, а к Северному Кавказу, адыги, кабардинцы, черкесы — абхазам и вовсе кровные братья. Убедительное доказательство сидело напротив: медсестричка Гунда, которую мне продемонстрировали, как образец классической абхазской внешности — вылитая моя московская подруга Маринка, внучка черкешенки. Тогда же — под общий хохот — я получила первые уроки абхазского языка

(звуков в нем вдвое больше, чем в русском и многие невозможно не только произнести, но и расслышать) и попыталась выучить фамилию Председателя Верховного Совета Республики Абхазии Вячеслава Ардзинба («Ну этот, ваш, главный, на букву „А“»).

Среди моих собеседников были люди разных национальностей и убеждений, поэтому оценки происходящего были различными. Но все сошлись в одном: «Горе пришло на нашу землю». * * *

Утром оказалось, что больница расположена в самом центре города, прямо напротив внушительного здания Совета министров республики. По совету главврача Абухба я отправилась туда за информацией: «Руководство выехало в Гудауту, но в своем кабинете находится первый вице-премьер Сергей Багапш, которому поручено заниматься эвакуацией отдыхающих из города».

На 12 этаже опустевшего здания, кроме Багапш, я обнаружила вице-премьера Зураба Лабахуа, председателя Госкомимущества Беслана Кобахия и еще нескольких человек: «Глава грузинского государства Шеварднадзе неоднократно заверял, что войска введены не с целью пресечь попытки Абхазии обрести суверенитет, обещал, что население и правительственные здания не тронут. Веры ему никакой нет, но мы решили до конца оставаться на рабочих местах. Если нас убьют, ему уже от нашей крови никогда не отмыться. А теперь убегай, а то еще и ты погибнешь».

Оружия не было, но люди вели себя спокойно и достойно. В это время здание уже плотно обстреливалось грузинскими снайперами — одна из пуль пролетела буквально у виска Багапш. Прибежала чудом проскочившая молоденькая секретарша Ира Лободенко, принесла из дома кофе. Зураб Акакиевич сетовал: «Лучше бы ты бритву мне принесла! Увидят мою щетину, будут злорадствовать: „Ай-ай-ай, как опустился Лабахуа!“»

Происходящее за окном однозначно вставало в один ряд с трагедиями последних лет: в Вильнюсе, Риге, Баку, Тбилиси. Можно по-разному относиться к проблеме самоопределения нации, но недопустимо решать политические споры с помощью танков. Именно тогда я и сделала свой главный выбор.

«Но если меня не убьют, я хотя бы смогу рассказать, как вы погибли», — по моей просьбе Сергею Васильевичу удалось заказать разговор с Москвой и я начала передавать первую информацию в ИМА-пресс. Тем временем на площадь, выворачивая бетонные плитки дорожек, выехали танки и БТРы под малиновым грузинским флагом. Танки развернули башни в сторону здания. На полуслове меня оборвал грохот: снарядом саданули по металлическому гербу Абхазии, укрепленном на фасаде примерно на уровне кабинета Багапш. Сергей Васильевич бросился ко мне, загородил собой от окна, потом, схватив за шиворот, вместе с телефоном запихнул под стол, откуда и пришлось продолжать диктовку.

Обстрел шел еще несколько минут: откровенно «психическая атака» — ведь последние желающие покинули Совмин на моих глазах, так что нападавшим было доподлинно известно и число находившихся в здании, и отсутствие у них вооружения. Потом спектакль «Взятие рейхстага» продолжился: размахивая автоматами, с боевыми криками гвардейцы бросились на крыльцо.

Зураб Лабахуа по «вертушке» позвонил Эдуарду Шеварднадзе. Тот опять начал убеждать, что правительственные здания не тронут. «Как не тронут, когда они бьют по нам прямой наводкой и уже захватили первый этаж!» — закричал Лабахуа. «О чем с ним разговаривать, разве тебе еще не ясно, чего стоят его обещания!» — возмутился Багапш. Лабахуа бросил трубку.

Тем временем гвардейцы сорвали с крыши государственный флаг Абхазии и, торжественно салютуя, водрузили свой. Потом они ворвались к нам. Главный пожелал остаться наедине с

Багапш и Лабахуа для переговоров, остальные заявили, что хотят снять недорасстрелянный герб Абхазии. Заставили Иру открыть ее рабочий кабинет, но из его окна можно было дотянуться только до нижнего края герба. От соседних комнат ключей не было, тогда гвардейцы стали с разбегу вышибать двери. При этом — должно быть, из патриотических чувств — хватали все, что попадалось под руку. Прикарманили, например, наручные часы, лежавшие на столе у Лабахуа. Рыжебородый верзила стрельнул у меня сигарету, а потом, вышибив ногой соседнюю дверь, взял со стола дамские щипчики для бровей, наверное, принадлежавшие тамошней секретарше: «На — обменяемся подарками!»

Потом победители спустились вниз, выволокли из вестибюля на крыльцо бюст Ленина, сфотографировались, поставив на него ноги, потом привязали за голову к микроавтобусу и, жизнерадостно гикая, принялись таскать по двору. Из гранатомета шарахнули по стоявшей перед зданием статуе Ленина — повредили плечо. Кстати, наличие в Сухуми изображений Ильича потом послужило Тбилиси поводом для объявления Абхазии еще и «посткоммунистической Вандеей». На самом деле на них просто никто не обращал внимания, да и не принято на Кавказе сводить счеты с мертвыми. Что же до коммунистов, я за полтора года в Абхазии их так и не обнаружила — тем более, что во время войны была приостановлена деятельность всех политических партий. Не забыты и старые счеты: ведь Абхазию, союзную республику, лишили независимости и сделали грузинской автономией в 1931 году, когда советской властью были грузинские большевики Джугашвили и Берия.

Ира и Зураб Акакиевич вышли в коридор, где наткнулись на гвардейца, который, демонстративно поигрывая гранатой, поинтересовался у Лабахуа, не Ардзинба ли он. Тем временем начался «пир победителей»: из кабинетов стали выносить факсы, телевизоры, уволокли японский пылесос. Тогда Багапш позвонил командиру Национальной гвардии Грузии Тенгизу Китовани и потребовал, чтобы тот распорядился принять меры для прекращения мародерства.

«Теперь ты видишь — Бога нет», — печально сказала Ира. — «Был бы — не допустил бы такого».

В половине второго Багапш и Лабахуа пригласили на переговоры с прибывшей делегацией Госсовета. Потом Сергей Васильевич рассказал мне, что их главной задачей было выиграть время, дать абхазскому ополчению развернуть линию обороны в районе реки Гумиста. Мы спустились вниз. Пол вестибюля почему-то был усыпан распотрошенными пачками импортных макарон. На крыльце гвардейцы поставили огромный, метров пять в высоту, портрет демократа и миротворца — нет, члена Политбюро ЦК КПСС Эдуарда Амбросиевича Шеварднадзе. Такие серо-коричневые полотняные портреты руководителей партии и советского народа вывешивали в дни демонстраций на фасадах правительственных зданий. Видно, и этот дожидался своего часа где-нибудь в подвале Совмина.

Я вернулась к своим — во Вторую больницу. Врачи, не чаявшие уже увидеть меня живой, с волнением расспрашивали о новостях. По городу на дикой скорости носились машины с гвардейцами, щедро тратившими боезапас — веером во все стороны. От шальных (и не только) пуль пострадало несколько жителей, неосторожно выглянувших на улицу. Не было перестрелок — только стрельба. «Чистый хипеж», — резюмировали сухумчане. Впрочем, некоторые женщины-грузинки смело выбегали с букетами роз и кидали их на танки: «Наши пришли!» Опять поблизости шарахнул гранатомет: выглянув, мы обнаружили, что злосчастный памятник Ленину все-таки добили — снесли голову. * * *

Вечером, сидя у телевизора в квартире главврача Вячеслава Абухба, пригласившего меня в гости, я узнала из программы «Вести»: оказывается, на самом деле статую Ильича свергли уставшие от абхазского прокоммунистического режима сухумчане. На экране — бандитского вида гвардейцы в темных очках и перчатках без пальцев, палящие в белый свет, как в копеечку, и радостный текст: «Сухуми взят под контроль войсками Госсовета Грузии, в городе

установлен порядок».

За полтора года войны у меня не раз спрашивали: «Вот ты журналист, из России, скажи — ну почему о нас пишут такую ложь!» Перефразируя Мандельштама, утешавшего жену: «А кто тебе сказал, что ты должна быть счастлива?», отвечала: «А кто вам сказал, что на свете есть справедливость?». Самое печальное, что этот аргумент признавался вполне убедительным.

Диктор тбилисского ТВ зачитал приказ командующего войсками Госсовета Георгия Каркарашвили о прекращении сопротивления. В противном случае пригрозили перебросить в Абхазию из Южной Осетии батальон карателей «Белый орел». Цитировалось позавчерашнее выступление Шеварднадзе: «Как и наши великие предки, в борьбе за сохранение территориальной целостности нашего государства мы ни перед чем не остановимся. Ради этого готовы погибнуть сами, но и уничтожить всякого, кто будет пытаться расчленить наше государство». В тот же день, 18 августа, один из отрядов грузинской военизированной организации «Мхедриони» высадился в районе российско-абхазской границы и захватил Гагру. Эта боевая операция также ознаменовалась массой подвигов: старику Михаилу Пасания отрубили конечности, еще живого облили бензином и подожгли. Виктора Шершелия, раненного, приняли за грузина (из-за созвучия фамилий) и доставили в городскую больницу. Но там его узнала медсестра-грузинка, его соседка. Раненого за ноги выволокли на улицу, бросили в мусорную яму, облили бензином и сожгли на глазах работников больницы.

Жена Вячеслава рассказала, что в округе уже вовсю идут грабежи. Кое-кто из соседей бегал по дому, показывая, где живут абхазские семьи. Сама она весь день просидела с пятилетним сыном Жориком в ванной комнате, спасаясь от шальных пуль — все-таки второй этаж. Жорик плакал: «Мама, если тебя убьют, кто же мне будет покупать мороженое?» Теперь, успокоившись, он катал по полу игрушечную машинку, грозно приговаривая: «Едут военные дудуськи!». * * *

Утром мы с Вячеславом шли по проспекту Мира — местному «Бродвею». Изредка попадавшиеся навстречу абхазы сообщали новости: того убили, того избили, этого ограбили, у того «реквизировали» машину. Между тем немало встречных расхаживали гоголем. С главврачом, известным в городе человеком, они были явно знакомы, но подчеркнуто не здоровались. «Это грузины, — пояснил Вячеслав, — и даже сейчас видно, кто есть кто — честные, увидев меня, глаза опускают». На проспекте грабили магазины, тянуло дымом, из универмага «Гумиста» через разбитые витрины люди тащили какие-то ящики. По дороге мы встретили замминистра здравоохранения республики Отара Осия, вместе с Вячеславом они договорились направить несколько медицинских бригад на продвинувшуюся к реке Гумисте линию фронта.

Происходящее казалось диким, нереальным, напоминало советский фильм про налет махновской банды — крики женщин, выстрелы, горящие дома. Даже матерились по-русски. Для полноты картины не хватало только пуха, летящего из вспоротых перин.

Собравшиеся в кабинете главврача заведующие отделениями горячо спорили. «Давайте оставим политику и займемся делом», — распорядился Вячеслав. Началась планерка. Я вышла на улицу. «Будьте осторожны, у вас очень не местный вид», — напутствовали медсестры. «Ничего, еще увидимся», — успокоила я.

Мы действительно встретились — год спустя.

На улице я столкнулась с одним из своих ночных собеседников, доктором Марленом Папава: «Вы еще здесь?! Немедленно идите в порт, еще можете успеть — российские военные корабли эвакуируют отдыхающих. Один раз вам повезло, но оставаться в городе дальше слишком опасно».

В порту шла посадка: женщины с плачущими детьми, просидевшие ночь в порту под

обстрелом. Когда битком набитый корабль отходил от берега, стоявшие на пирсе грузинские гвардейцы, гогоча, салютнули в воздух автоматными очередями. Малыши с криками упали на палубу, прячась за чемоданы. Немолодая женщина рядом тихо сказала: «Сколько раз читала в газетах, что где-то идет война, кого-то убивают, и думала: „Это все далеко, меня не касается!“ Вот Бог и покарал…»

Через пару часов с нижней палубы прибежали дети, радостно крича: «Есть давать будут!» Действительно, моряки накормили сутки не евших ребят кашей с тушенкой и киселем. За деньги. В сорок пятом русские солдаты угощали кашей немецких детей бесплатно.

В сочинском порту за мной увязался юный местный житель: «Блендинка, что сегодня дэлаешь? Откуда ты такая малчаливая?» — «Из Сухуми». — «Э-э-э», — протянул он. И отвалил.

Апрель. 1993

3 сентября 1992 года в Сочи было подписано трехстороннее российско-грузино-абхазское соглашение по урегулированию конфликта. Результат — нулевой.

15 и 16 сентября Верховный Совет Абхазии постановил: считать вооруженное нападение войск Госсовета Грузии и оккупацию части территории республики актом агрессии, а массовый террор, физическое уничтожение людей, пытки пленных и заложников, осуществляемые ими — актом геноцида абхазского народа.

25 сентября ситуацию в Абхазии рассмотрел российский парламент. Депутаты осудили действия руководства Грузии и поручили правительству Егора Гайдара ввести против РГ ряд экономических санкций. Исполнительная власть поручение просто проигнорировала.

6 октября абхазская армия освободила Гагру. Тела погибших грузинских военнослужащих, которые абхазы готовы были вернуть родственникам, пришлось захоронить близ города — Эдуард Шеварднадзе фактически отрекся от них, объявив, что в Гагре находились только мирные жители. Между тем около 50 «несуществующих» пленных гвардейцев были впоследствии обменены.

А вот в футбол отрубленными головами грузин на стадионе не играли. Это у кого-то в Тбилиси воображение распалилось, ну, и подхватили — яркий образ, ничего не скажешь.

В конце декабря абхазская армия предприняла неудачное наступление на Сухуми.

15-16 марта 1993 года — вторая неудачная попытка.

23 марта — только через восемь месяцев после начала войны — Верховный Совет Абхазии обратился к российскому парламенту с просьбой о возвращении республики в состав или под покровительство России. Совет национальностей Верховного Совета РФ рассмотрел обращение и дал ему положительную оценку. На этом дело и кончилось. * * *

Российско-абхазская граница проходит по реке Псоу. На мосту — БМП и фанерная табличка: «СТОЙ СТРЕЛЯЮТ ОПАСНАЯ ЗОНА».

Абхазские пограничники проверяют паспорта у желающих перейти границу. Желающие — в основном женщины — шумно, по-птичьи, скандалят: всю жизнь ходили просто так, а теперь документы подавай! Мальчишки-пограничники сначала вскидываются, но тут же отмахиваются: «Женщины…» Багаж — товар для сочинского базара: фрукты и барахло из

дома.

В бывшей школе рядом с границей — застава. В соседнем классе парень в камуфляже, расставив ноги параллельно клавиатуре, играет на раздолбанном фортепиано «Лунную сонату».

С улицы слышен залп — добровольцы из Нальчика проводили до границы гроб с телом погибшего товарища. Прощальный воинский салют.

Игорь Миканба из Нового Афона. После ранения откомандирован в тыл — начальником погранпоста:

— Вот как вы думаете — почему пять миллионов грузин не могут победить сто тысяч абхазцев? А потому, что с их стороны воюет не народ, а уголовники, а с нашей — не только абхазцы, а весь народ Абхазии. А когда это было, чтобы уголовники могли Народ победить!

Тревога — к границе на полной скорости несется легковушка. Затормозив, объясняют: ребенок повредил глаз, везут в сочинскую больницу. Пропускают вне всякой очереди. * * *

Гудаута — военная столица Абхазии — небольшой захолустный городок. Все присутственные места расположены в центре и в нескольких шагах друг от друга. Средоточие общественной жизни — площадь перед зданием городской администрации (втихую именуемая русскими добровольцами «площадью дураков», а по-местному — «брехаловка»), там граждане тусуются и обмениваются новостями. Еще одно излюбленное место встреч и бесед — расположенная поблизости традиционная абхазская кофейня, где пьют крепчайший кофе из крохотных чашечек. Тут же продают свежие газеты: московские и местные.

Настроение у людей после недавнего неудачного наступления мрачное. Очень много женщин в глубоком трауре. Нагоняет тоску и необыкновенно холодная для апреля погода.

Через улицу скачет ничейная собачка на трех лапах. Вместо четвертой — культя: тоже инвалид войны. * * *

Иногда словесные штампы обретают неожиданно новый смысл. Все помнят «дорогу, ведущую к Храму», которую искали герои фильма «Покаяние» грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе, нашумевшего на заре перестройки. Знаменитый Новоафонский православный монастырь стоит высоко на горе, и ведущая к нему от подножия невозможно крутая и извилистая дорога именуется Дорогой Грешников, символизируя долгий и трудный путь, на который встает человек, идущий к Богу. Сегодня в Новоафонском монастыре расположен военно-полевой госпиталь и эта самая «дорога, ведущая к Храму» ежедневно обстреливается из установок «Град». Бьют прицельно, потому что по Дороге Грешников то и дело проезжают санитарные машины с Гумистинского фронта, а сам госпиталь спасают только толстые монастырские стены и высота святой горы. Впрочем, в Абхазии считают, что есть и еще одна защита: «недавно прямо на двор монастыря упали две мины и не разорвались — Бог не допустил».

Раньше в монастыре размещалась турбаза «Псырцха», местное гнездо пьянства и разврата, что даже неверующие афонцы считали кощунством. А вот идея разместить там госпиталь понравилась всем: испокон веков при монастырях устраивались больницы и другие богоугодные заведения. Гудаутский батюшка отец Виссарион Пилия освятил все помещения, благословил раненых и персонал.

Госпиталь рассчитан на 60 коек, однако прошло через него вчетверо больше раненых, чем предполагалось вначале. Главный хирург Владислав Аргун сообщил, что с 12 октября по 14 апреля сделано 424 операции, в основном по 4–5 в день.

Медико-санитарная служба, пожалуй, наиболее организованное подразделение абхазской армии. Если в первые дни войны ее формирование шло фактически стихийно, независимо от Министерства обороны, то к апрелю сложилась стройная система из нескольких звеньев: медико-санитарный батальон, действующий непосредственно на линии Гумистинского фронта и в партизанских отрядах Очамчирского района, санитарный поезд, эвакосортировочные пункты в Верхней и Нижней Эшере, прифронтовой госпиталь в Новом Афоне и тыловые госпитали в Гудауте и Гагре.

Начальник медслужбы Гумистинского фронта Лев Аргун (кстати, младший брат Владислава) рассказал, что предусмотрены различные варианты работы — как для позиционных боев, так и для активных боевых действий. К примеру, во время мартовского наступления полевые операционные размещались непосредственно на передовой. Эвакуация раненых на сортировочные пункты осуществляется санитарными машинами. Оттуда те, кто не в состоянии перенести дальнюю дорогу, доставляются в Новоафонский госпиталь, остальные — на санитарном поезде — в тыл.

Ходим по палатам, знакомимся с ранеными. Худенький стриженый паренек — Олег Рагимов. На его тумбочке яркая фотография смеющихся ребятят:

— Я из Сухума, у меня трое маленьких детей, и я за свой дом пошел воевать. Сам я азербайджанец, есть родственники в России, но родился-то здесь, у меня нет другой родины. Когда мы наступали 15 марта, меня ранило в бок, пуля вышла на спине. Легкое пробило — я дышал и слышал, как на спине хлюпает — рука не действовала, ребра сломаны. К вечеру пришел в себя, перевязал, как мог, рану шарфом и пополз к своим. У меня только мои дети были в голове, я думал, что ради них буду ползти. Полз прямо по минному полю, и ни одна не взорвалась, на мое счастье. Через четыре часа добрался до речки, стал кричать нашим: «Братцы, ребята!». Несколько дней в реанимации был, медсестра мне потом сказала — «на тебя Аллах посмотрел», то есть — смилостивился Всевышний. Сейчас я уже стал ходить, скоро поеду к детям, в Пицунде они, в эвакуации… А когда окрепну, опять пойду воевать.

Для госпитальных хирургов выздоровление Олега Рагимова — предмет профессиональной гордости. Несмотря на острую нехватку медикаментов (в том числе обезболивающих, их берегут только на операции), отсутствие оперирующего окулиста, нехватку нейрохирургов, анестезиологов, реаниматологов — и вообще всех! — врачи добиваются фантастических результатов. Лев Аргун, работавший до войны в Минздраве республики, свидетельствует, что в мирное время по хирургическим операциям подобной сложности показатель выздоровления составлял 85 процентов. Сейчас — до 95, более 80 процентов возвращается в строй. * * *

Чингиз Бигуаа — из Пицунды, ранен в ходе мартовского наступления:

— Говорят, что мы сепаратисты, но ведь до недавнего времени мы не ставили вопрос о выходе из Грузии, хотя ее руководство сделало все, чтобы подтолкнуть нас к этому! Впрочем, только в беде мы узнали наших настоящих друзей: наша диаспора, Башкирия, Северный Кавказ, Юг России, да и вся Россия — мы очень быстро пошли навстречу друг другу. И сегодня Абхазия — ключ к стабильности на Кавказе. Одна надежда на истинных россиян — я не имею в виду «Память», РНС и им подобных. Конечно, я не хочу войны России с Грузией, чтобы горе пришло и в русские дома, но продемонстрировать Грузии свою мощь Россия может — остановил же бойню в Приднестровье генерал Лебедь! А мы всегда тянулись к России, хотя служили лишь разменной монетой для великих держав. И если это у вас не возьмут в прессу, объясните хотя бы своим знакомым, как здесь обстоят дела и кто есть кто…

Слово «сепаратизм» воспринимается в Абхазии вообще довольно болезненно. Скорее всего, дело в том, что в советские времена оно считалось «ругательным» — как, к примеру, «космополитизм». Особенно вскипают страсти, когда его употребляет кто-нибудь из

иностранных коллег, беседующих через переводчика: с одной стороны — взрыв обиды, с другой — искреннее недоумение. Приходится улаживать недоразумение, объясняя: «сепаратисты» — это не бандиты, а те, кто хочет отделиться, поэтому вы и есть сепаратисты, и ничего однозначно дурного в этом нет. Поворчав, бойцы соглашаются, но дальнейший разговор все-таки отличается некоторой напряженностью. * * *

Во дворе греются на солнышке выздоравливающие. Совершенно седой молоденький хирург Вадик (мама одного из раненых говорила: «Дай Бог здоровья этому мальчику, такой душевный, заботливый, даже собственные тапочки моему сыну отдал, когда тот на ноги стал вставать») рассказывает:

— Видите, на скамеечке дедушка сидит? Он грузин, его из Нижней Эшеры раненого привезли. Сейчас он уже здоров, можно бы и выписать, но просто по-человечески жалко — куда ему идти, дом его разрушен да еще и обидит кто старика…

Начальник госпиталя — Георгий, или, как все его называют, Марик, Миканба, посовещавшись с товарищами, передает мне обращение для публикации в прессе: «Я, Георгий Миканба, выпускник Московского медицинского стоматологического института, хочу обратиться от лица медиков Новоафонского прифронтового госпиталя и от всех медиков Абхазии ко всем коллегам и всем людям доброй воли с большой просьбой о гуманитарных поставках медикаментов, выделении бригад хирургов через общество Красного Креста. И мне хотелось бы сказать россиянам, что из-за, прямо скажу, фашиствующего руководства Республики Грузия и развязанной им агрессии все тяготы и лишения, связанные с войной, приходится делить в равной степени, как абхазскому народу, так и русскоязычному населению Абхазии».

— А что касается неразорвавшихся мин, — улыбаются врачи, — то это легенда, к нам на высоту они не долетают. Впрочем, пусть будет так — и легенда красивая, и место действительно святое… * * *

Спешу на рассвете к вершинам в тумане

Лечу за сияньем звенящей волны.

Меня мои горы в пути не обманут —

Они мне навеки, с рожденья даны.

О, горская песня — орлиные крылья,

Ты мне подарила любовь и покой.

О, горская песня, старинные были,

Ты к сердцу стремишься поющей волной.

Умчусь от тебя я, вдали затеряюсь,

Но только сквозь эхо кавказских хребтов

К тебе все равно я домой возвращаюсь

Мой край самый добрый и самый святой…

Кавказ седоглавый, овеянный славой,

Другого такого нигде не сыскать!

В нем жизни истоки, в нем к сердцу дороги,

Кавказ седоглавый спешу я обнять.

— Мы очень хотели похоронить его здесь, но когда из Москвы за телом приехали родители, мы сначала не решались попросить их об этом. А потом решились и они дали свое согласие, чтобы он остался в Абхазии, которую так любил. Вместе с матерью прошли по городу, выбрали место, и вот здесь, в парке, и похоронили его, бедного. Весь город проститься пришел. А когда кончится война, обязательно поставим Саше красивый памятник…

К могиле поэта Александра Бардодыма нас привел санитарный шофер Виссарион Аргун, а мог привести и любой житель Нового Афона, потому что ее знают все. В Абхазии весна, на деревянный крест и невысокий холмик, выложенный морской галькой, медленно, как шаги бесшумного караула, падают бело-розовые лепестки магнолий, а вокруг радужный свет, какого не бывает, и понимаешь, откуда у московского хлопца абхазская грусть…

— Я Сашу еще до войны знал, — говорит Виссарион, — он часто приезжал, и все его любили, он был такой деликатный, настоящий аристократ. И в то же время очень простой: вот я — сын крестьянина, но он со мной говорил так, что мы друг друга понимали, он с каждым умел найти свой язык. Он в Москве ходил в папахе, черкеске, это так нас радовало, ведь даже наши ребята стеснялись носить национальную одежду. А когда началась война, он пришел через перевал с добровольцами из Чечни, был в диверсионном отряде, они ходили к противнику в тыл. И ребята, которые с ним воевали, просто изумлялись, говорили: это необыкновенный человек — он совсем не знает страха!

По старинному абхазскому обычаю, о погибших в бою не плачут — оплакивают тех, кто умер тихой смертью, а о героях слагают песни и легенды. И вот уже сложена Легенда о Бардодыме, не знавшем страха, который не просто легенда, а символ России и надежды на Россию. Но все-таки и плачут — потому что жалко, да и кто сейчас соблюдает старые обычаи! И завуч пицундской школы Светлана Тарба говорит, что племянников ее убили — и то так не горевала, и если б можно умереть, чтобы Саша жил, то с радостью согласилась бы, потому что такой необыкновенный мальчик был. А Легенда не тает, и в передаче Абхазского телевидения ее подхватывает молодой бард из Чечни Имам Абдусултанов:

— Весть о смерти московского добровольца Александра Бардодыма ускорила мой приезд сюда и усилила боль в моем сердце. Я написал песню на стихи Бардодыма, русского парня, который умер за свободу Абхазии. Я не хочу, чтобы плакали матери всех народов, абхазские матери, грузинские матери, и поэтому я сегодня здесь, с гитарой, иначе мне грош цена:

Над грозным городом раскаты,

Гуляет буря между скал.

Мы заряжаем автоматы

И переходим перевал.

Помянем тех, кто были с нами,

Кого судьба не сберегла.

Их души тают над горами,

Как след орлиного крыла…

Теперь эту песню поет вся Абхазия, а сухумский поэт Игорь Хварцкия вспоминает, как предложил простуженному Саше отлежаться у него дома, а он бы тем временем воевал с его автоматом, и тот ни за что не согласился: «ты, говорит, еще не обстрелян». Как перевел Саша его стихи «Судьба», про растение агаву, которое живет двадцать пять лет, раз в жизни цветет пркрасными белыми цветами и, оставив семена, умирает:

Пускай на нем лежит проклятье

И гибельно его цветенье,

Весна приходит и опять он

Живет надеждой на спасенье.

Живет среди других, страдая,

Когда весна вокруг ликует,

Своей судьбы не принимая,

На светлом празднике тоскует.

Но он дышал весной безбрежной,

Когда однажды, на рассвете,

Оделся в траур белоснежный

И умер, смерти не заметив.

Он был рожден, годами мучась,

Соединить в одном мгновенье

Свою немыслимую участь —

Печаль могилы и цветенья.

— И теперь я понял — он не случайно выбрал именно эти стихи для перевода. Наверное, предчувствовал свою судьбу: в 26 лет, как метеор, вспыхнув, пролетел в небе над Абхазией и сгорел. И думаю, что именно здесь, а не в Москве, начнется его путь к бессмертию, к славе, к которой он никогда не стремился, но жизнь делает свое, обычно это так и бывает. Русский поэт погиб в Абхазии — как будто все очень просто. Но это все не так просто…

Конечно, не просто — легко умирать за идею, но только поэтам дано умереть за любовь. И не надо памятников, милый Виссарион, нет лучше памятника для Саши, чем деревянный крест в весеннем парке и восковые магнолии, потому что мы идем сквозь револьверный и минометный лай, чтобы никто не тужил о песне, потому что эту песню теперь поет вся его Абхазия… * * *

От линии фронта до Нижней Эшеры — два-три километра по петляющей дороге, а напрямик — еще ближе. В бывшем военном санатории, где сейчас расположен эвакосортировочный пункт для раненых, из-за ежедневных обстрелов не осталось ни одного целого стекла — как мрачно шутит Лев Аргун, «избушка без окон, без дверей». У входа — штабель окровавленных носилок. Хозяйка «избушки» — начальник штаба медико-санитарного батальона Виктория Хашиг.

Медико-санитарный батальон — это 65 женщин-санинструкторов, шоферы «Скорых», также владеющие приемами оказания первой помощи и персонал сортировочных пунктов. Из полевых сестер только четверо — профессиональные медсестры, остальным пришлось обучаться по ходу дела. Все добровольцы, возраст — от восемнадцати и старше, почти все потеряли родных. Воинские подразделения на Гумистинском фронте сменяются каждые две недели, но санинструкторы до последнего времени неотлучно находились на передовой, многие — с первого дня войны.

Если для парней в войне есть некая доля романтики, то к этим девушкам она оборачивается самой тяжелой и страшной стороной. Вика считает, что ужаснее всего, когда война становится привычкой, героизм — повседневностью:

— Но без этой привычки было бы совсем невозможно работать — ведь каждый день под обстрелом. Нам достается все, мы разве что не стреляем, ведь Красный Крест и оружие — несовместимы. Конечно, если будут убивать меня или раненого, придется защищаться, однако направленно стрелять я не пойду, и никто из наших девчонок не пойдет. Я считаю, что лучше спасти одного нашего раненого, чем убить 20 гру… солдат противника.

(Кстати, запинка у Вики очень характерная. Ее коллега, анестезиолог Новоафонского госпиталя Андрей Тужба говорит: «наши оппоненты». Вообще здесь, в непосредственной близости от фронта, люди красивы и сдержанны: они заняты делом. Пылкие речи о патриотизме и ненависти — это все в тылу).

— Вика, война никогда не улучшала нравы, а тут девушки одни среди мужчин. Не обижают их?

— Наоборот, носят на руках, пылинку с них готовы сдуть, потому что в самых тяжелых

ситуациях девчонки рядом — и ребята уже так не боятся. Наши девочки все героические, даже не знаю, о ком тебе рассказать. Вот Инга Габния — худенькая, маленькая, лет двадцать ей, не больше. Во время боевых действий в Верхней Эшере перетащила по сплошь обстреливаемому мосту на наш берег семерых раненых. Или Виолетта Тонесян — она вместе с шофером под гранатометным огнем раненых выносила, когда их «Скорую» на мосту подбили.

— Один боец рассказывал мне про санинструктора их батальона: «Она и раненого, и пулемет его тащит, одной рукой перевязывает, другой отстреливается — не женщина, а чистый Рэмбо, слушай!»

— Это, наверное, про Иру Завьялову! Они с Мзией Бейя с самого начала, еще когда шли бои в Сухуме, пошли в санинструкторы, потом перебрались в Очамчирский район — к партизанам. Отряду Мзии пришлось держать оборону на дороге. Ее ранило в ноги и в плечо, она сама себя перевязала, перевязала парня раненого, взяла его автомат и отстреливалась вместе с ребятами. А сейчас уже даже незаметно, что хромает, рвется назад в строй. У нее мужа убили прямо на ее глазах, тело не удалось из-под огня вытащить… Шесть наших девочек погибли: Гунда Квициния, Лолита Гвинджия, Саида Делба, Жанна Гвинджия, а Ира Курская и Лика Топуридзе раненые в плен попали — замучили их. Много, конечно… А обстрел какой! Тут неизвестно, кто уцелеет. Но сейчас об этом пока нельзя говорить: мы делаем одно дело и, пока оно не закончено, все мертвые — в числе живых. А потом уже будем считать наших погибших.

Сама Вика — хрупкая русоволосая девушка — тоже с первых дней на войне. Кстати, тогда, в августе, ей было куда уезжать — имелась виза на постоянное жительство в США:

— Знаешь, я ведь по медицинской специальности стоматолог, в Москве институт закончила, и как все студенты, проклинала военную кафедру. Тогда казалось, ну нам-то, стоматологам, зачем эта «организация военно-полевых госпиталей»! Кто ж знал, что так пригодится, я теперь даже хочу благодарность за науку нашим преподавателям с «военки» отправить…

— Я не могу Вику в ее присутствии сильно хвалить, — строго замечает Лев, — скажу только, что со своей задачей она справилась. Мы до войны были почти незнакомы, но когда началось формирование медслужбы, я предложил ей стать моим заместителем: ведь Вике, как женщине, проще найти с санинструкторами общий язык. И очень рад, что не ошибся в выборе.

Викины помощницы — сестры Катя и Саида Тыркба. Любимец девчонок — толстенький щенок Сабрина:

— Эх, чтобы я так жил, — меланхолически ворчит командир медсанбата Гурам Шоуа. — Нашли ее на Гумисте, в грязи, а теперь: кормят три раза в день, купают через день, спит она на их постели! Эх, чтобы я так жил, как эта собака…

На «Скорой» приезжает санинструктор Первого батальона Инга Барцыц. Да, есть женщины в абхазских селеньях… Моего московского коллегу, затеявшего было подыскать жену из местных девушек («они привыкли к мужчинам относиться с почтением»), Инга в пять минут так «построила», что он навсегда отказался от своего светлого намерения. * * *

Территорию российской воинской части в Гудауте, где дислоцируется Гвардейский 345-й парашютно-десантный полк, украшает транспарант еще советских времен: «Постоянная боевая готовность — закон жизни войск». Актуально как никогда.

Офицеры полка — люди бывалые: прошли Афганистан и практически все горячие точки Закавказья. 19–20 августа прошлого года — через несколько дней после начала войны — полк был переведен в Гудауту, чтобы обезопасить продвижение потоков беженцев вдоль

побережья в Россию. Сейчас боевая задача — охрана санатория Московского военного округа в Сухуми и российской военной лаборатории в Нижней Эшере.

В Москве об этой лаборатории ходят фантастические слухи, вплоть до того, что там проводятся испытания сейсмического оружия. Старший офицер по работе с личным составом полковник Вячеслав Голубев объясняет, что все гораздо проще: пристальное внимание грузинских войск вызвано очень удобным стратегическим расположением лаборатории — на высоте, как раз между двумя противоборствующими сторонами.

— От нее уже, по сути, ничего не осталось, кроме подвала, где и сидят наши ребята. Тем не менее, она постоянно подвергается обстрелам — недавно осколком миномета убит сержант Виталий Вульф, выскочивший из подвала исправить связь. Мы представили его к званию Героя России. Причем эти обстрелы никак нельзя считать случайными: в грузинской армии толковые офицеры-артиллеристы — выпускники Тбилисского артиллерийского училища. Явная провокация, направленная на то, чтобы вызвать ответные действия со стороны России. На наши неоднократные протесты, переданные руководству Грузии через командование Сухумского гарнизона, практически никакой реакции нет — после пары дней затишья все начинается сначала. Однако ответные удары мы наносить не можем, хотя и считаем, что надо бы действовать пожестче. Нам известно, что грузинские военные специально размещают артиллерийские установки в густонаселенных кварталах и оттуда ведут стрельбу — знают, что русские не будут отвечать, подвергать опасности мирное население.

Начальник штаба полка полковник Владимир Зайцев:

— Мы должны быть готовы ко всему: ведь если регулярно обстреливают лабораторию, то нет никакой гарантии, что завтра не будет открыт огонь по нашим аэродромам. Не думаю, конечно, что армия Грузии решится вступить в открытый конфликт с российской армией, но если отважится, то отпор получит хороший, мало не покажется. До октября минувшего года они регулярно бомбили мирные города, но после прилета нашей авиации, войск ПВО это было прекращено — не допускаем бандитских налетов.

— Какие у вас отношения с руководством Абхазии?

— Нормальные. В основном они касаются вопросов охраны объектов, обеспечения жизнедеятельности наших подразделений. С абхазской стороны себя подло никто не ведет. Они с надеждой смотрят на Россию, видят в ее лице спасителя. И хочется, чтобы надежды их оправдались, ведь великий русский народ всегда стоял за то, чтобы защищать малые народы. Тяга к России и стала одной из причин начала этой варварской агрессии, охрана железной дороги — лишь надуманный повод. В самом ее начале, в августе минувшего года, мне лично приходилось видеть листовку, где было написано: «Абхазы, не верьте русским свиньям, в составе Грузии вам будет жить лучше!». Жалко абхазов — не то слово, ведь самый настоящий геноцид идет. У них никогда не было профессиональной армии, но войска, вошедшие в Сухуми, начали с расправы над мирным населением, поэтому неудивительно, что поднялась вся республика.

— Возьмите хотя бы Гагру, — подхватывает Вячеслав Андреевич, — там проживало 20 процентов русских, 20 процентов армян, абхазов же всего 4 процента — это многонациональная страна. Но, когда там были войска Госсовета Грузии, они не щадили никого. И сейчас в Сухуми русских, армян заставляют собирать после боевых действий трупы, выгоняют из квартир, нет ни воды, ни газа, ни электричества, все прекрасные южные деревья вырублены на дрова. Люди на грани истощения. А грузинская сторона — по неизвестной нам причине — разрешает мирным гражданам покидать Сухуми только при условии выписки из города. Вчера мы эвакуировали оттуда на вертолете человек двадцать, многодетные семьи. Одну семью — интернациональную, он — таджик, она — украинка,

девять детей у них, мы отправили в Москву к родственникам. Я беседовал с родителями, говорил: сейчас в Москве тяжело, оставайтесь здесь, руководство Абхазии вам предоставит жилье. Они только в голос плачут: «Ни за что, мы слишком боимся грузин». Так что дай Бог, чтобы все это было остановлено и тут вся надежда на мудрость наших политиков.

По мнению офицеров полка, главная проблема абхазских вооруженных сил — отсутствие опытных военных руководителей. Большая часть командиров — это бывшие начальники цехов, председатели колхозов, учителя — люди авторитетные, но не обладающие собственно военными знаниями. Конечно, в ходе войны появляются «самородки», такие, как Мушни Хварцкия. Ученый-археолог, с начала войны он провел немало отличных военных операций, стал одним из организаторов партизанского движения в оккупированном Очамчирском районе — и погиб как раз в день назначения его командующим этой военной группировкой.

— Взятие Гагры, — объясняет полковник Зайцев, — было осуществлено за счет героизма, а не военного искусства — абхазы шли открыто, в лоб, многие в буквальном смысле с голыми руками. Кроме того, грузинский десант не организовал оборону города — только на основной дороге стояли надолбы и пулеметные точки, а вокруг можно было спокойно обойти. Но неудачное наступление на Сухуми 15–16 марта показало, что на одном энтузиазме войны не выиграешь. Пока не наладится система военной подготовки, абхазам не приходится рассчитывать на серьезные успехи. Больной вопрос, как всегда бывает в народном ополчении — дисциплина, во многих подразделениях она поддерживается только благодаря авторитету командира.

— Еще осенью прошлого года в Нальчике мне приходилось слышать: если Россия отдаст Абхазию на произвол судьбы, это стимулирует центробежные процессы в северокавказских республиках.

— Я полностью с этим согласен. Россия просто обязана представлять интересы малого народа здесь, в Абхазии: добиться решения проблемы путем переговоров, но непременно с участием абхазской стороны, а не так, как было до сих пор — без главных заинтересованных лиц. Нам не положено оценивать действия своего руководства, мы люди военные. Но на наш взгляд, вопрос о прекращении уничтожения малого абхазского народа ставится недостаточно жестко. Вместе с тем, бесспорно, что политика России способствует установлению стабильности в регионе.

Офицеры 345 полка уверены, что когда-нибудь абхазы и грузины будут жить мирно — время затягивает раны:

— Была же у нас война с фашистами, а сейчас с Германией неплохие отношения. Главное — не убить в человеке доброе, человеческое. * * *

Абхазия стала христианской страной одной из первых в Европе: Благую весть ей принесли Святые Апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит. Но официальной датой принятия христианства считается IV век: в 325 году епископ Пицундский Стратофил принимал участие в Никейском Вселенском Соборе, авторитетном собрании церковных иерархов.

До сегодняшних дней абхазы сберегли множество уникальных памятников православной архитектуры, самые древние датируются II и III веками. Руслан Барцыц, заместитель начальника топографической службы фронта, в мирной жизни — археолог, директор Пицундского историко-архитектурного заповедника «Великий Питиунт», рассказал, что перед войной самые интересные памятники изучали представители ЮНЕСКО с целью внести их в список Всемирного культурного наследия: «После войны мы продолжим эту работу, вот только сумеем ли спасти сами памятники… В Новом Афоне стоит прекрасный Храм IX века, воздвигнутый на месте гибели Апостола Симона Кананита. Но недавно — в конце

цивилизованного двадцатого века! — он был серьезно поврежден „Градом“». * * *

Абхазы возмущаются:

— Каждый день по Афону бьют, а ведь знают, что в монастыре нет солдат — только жители и госпиталь. За это Бог их покарает!

— Конечно, вот только Он почему-то не тех все время карает…

Впрочем, мне рассказали пример справедливой кары: митрополит Давид Сухумский — очень известный человек, почетный гражданин нескольких американских городов — один из первых заявил о своей готовности идти воевать добровольцем за территориальную целостность Грузии. Через два дня энтузиаст скончался от инфаркта.

«Грузинские источники» упорно твердят: абхазы — мусульмане. Ведь так удобно внушать невежественному мировому сообществу: мол, грузины-христиане сражаются с исламской угрозой, передовым отрядом международного терроризма. Еще заманчивей объяснить порыв северокавказских добровольцев пресловутым «исламским фактором». Огорчительней всего, что этот бессовестный расчет оправдывается: и в Москве, и в Нью-Йорке невежд достаточно, многие верят.

На самом деле абхазов-мусульман от силы процентов двадцать — потомки насильно обращенных во времена турецкого завоевания, в XVII–XVIII веках. Впрочем, и это не мусульмане, а одно название, достаточно сказать, что на территории Абхазии нет ни единой мечети. Только летом девяносто третьего в Гудауте, по просьбе северокавказских добровольцев-мусульман, выделили им под молитвенный дом помещение Дома культуры.

Трудно понять, почему в последние годы в мире повелось определять уровень цивилизованности народа временем принятия им христианства. По крайней мере, абхазский приоритет в этом вопросе довольно болезненная вещь для грузин, вера которых вообще отличается некоторой декоративностью и демонстративностью. Руслан Барцыц, смеясь, рассказал еще довоенную историю — один из сторожей его заповедника, дабы не ударить в грязь лицом, торжественно объявил: «Пусть вы христиане и с четвертого века, зато мы, грузины, — христиане с пятого века до нашей эры!».

Но самое главное: все абхазы — и православные, и мусульмане — сохранили в душе уголок и для родной, местной веры. Невероятно, но обитатели этой седой земли сумели сберечь до наших дней действующие древние святилища, уникальные праздники и самобытные традиции. А главное, несмотря на такое многоцветье, в Абхазии царит удивительная по нынешним временам, поистине античная веротерпимость.

Впрочем, «терпимость» — неточное слово, скорее это глубокое уважение к Вере ближнего, готовность признать и воспринять все святое и лучшее. На православную Пасху нас пригласили в абхазский дом, где за праздничным столом сидели родственники и соседи: русские, абхазы, армяне, еврей, грузинка и украинка. Так повелось испокон веков — древнее предание гласит, что старший из абхазских языческих Богов, Анцва, узнав о пришествии Иисуса Христа, решил: «Что ж, достойный Бог, добро пожаловать к нам в семью, братом будет». * * *

В Абхазии досадуют, когда события, начавшиеся 14 августа прошлого года, называют «грузино-абхазским конфликтом»: «Какой конфликт, если это самая настоящая война!». Председатель Комиссии по делам военнопленных и защите прав гражданского населения республики, мой августовский боевой товарищ Беслан Кобахия объясняет, что дело не в «несолидности» определения: придание происходящим событиям статуса войны повлечет за собой и признание пленных солдат обеих армий военнопленными, что сделает возможным официальное применение международных гуманитарных конвенций. Пока же все

договоренности держатся, как говорится, на честном слове.

По словам Беслана, бывало, что в ходе обмена пленными, получив своих бойцов целыми и невредимыми, грузинская сторона отдавала трупы, в том числе и со следами издевательств — отрезанные уши, гениталии. Документально подтвержден результатами экспертизы факт, когда в обмен на живых солдат абхазская сторона получила еще теплые трупы.

Перед этим нам рассказывали, что в Очамчирском районе, где идет ожесточенная партизанская война, случалось, что, обнаружив в процессе обмена у своего солдата увечья, абхазские партизаны тут же причиняли аналогичные повреждения грузинскому пленному. Жестокий метод, но после его применения противник резко улучшил обращение с военнопленными. Впрочем, — что подтвердил присутствующий при нашем разговоре представитель аналогичной Комиссии правительства Республики Грузия тбилисский студент-филолог Малхаз Топурия — такие факты единичны и осуждаются самими же абхазами.

Что же касается пленных, захваченных в ходе боевых действий на Гумистинском фронте, то их обмен происходит на уровне правительственных комиссий. При этом в более выгодном положении оказываются грузинские солдаты, поскольку в абхазской армии сведения о захваченных пленных и сами пленные поступают «наверх» незамедлительно. В армии Грузии контроль руководства над подразделениями несравненно более слабый, что и обуславливает большое количество «пропавших без вести» абхазских солдат.

— По прогнозам военных специалистов, — говорит Беслан, — после мартовского наступления в плену должно было оказаться около 50 человек. Однако до сих пор ни одного официального подтверждения от грузинской стороны о наличии у них военнопленных нет. Между тем, по моим неофициальным данным, наши пленные содержатся непосредственно в батальонах, ротах, а сведения о них просто не дошли до командования грузинской армии.

— Я не уверен, что эти пленные существуют, — возражает Малхаз Топурия, — слишком жестокие были бои. Но, если они есть, я тоже допускаю такой вариант: это делается с целью прямого обмена — на случай, если в плен попадет человек из их подразделения.

— Единственный из них, — продолжает Беслан, — о ком хоть что-то известно, это 18-летний Рауф Гривапш: недавно он, лежащий в сухумском госпитале, был показан по грузинскому телевидению. Мы немедленно запросили условия его обмена, однако ответа не получили. После повторного запроса из Сухума сообщили, что в ночь после этой телепередачи Рауф был похищен прямо из госпиталя неизвестными вооруженными людьми. Похоже на правду: если бы его не хотели отдавать, проще было бы сказать, что он скончался от ран. Но этот факт еще раз доказывает — военные власти Сухуми не владеют ситуацией в городе.

Уже после освобождения Сухуми выяснилось, что раненый юноша действительно был похищен гвардейцами и в ту же ночь после жестоких пыток расстрелян на берегу Гумисты.

Кроме пленных, Комиссии занимаются обменом мирных жителей: из Сухуми в Гудауту выпускают абхазов, русских, армян — за такое же количество проживающих в Гудауте и Пицунде грузин. На днях ожидается очередной обмен «гражданских». Малхаз Топурия с коллегами прибыл в Гудауту как раз для уточнения деталей. Он поясняет:

— В Тбилиси многие против таких обменов, говорят, что так изменяется демографическое соотношение. Но я думаю, что, пока война не кончится, это должно происходить, потому что сложно уже контролировать людей. Не то, что правительство грузинское или абхазское приказывает убивать, но если кто-то мать потерял, сына, брата, то остановить в этих случаях людей становится очень трудно. Тут ничего плохого нет, думаю, что, когда кончится война, все быстро назад вернутся.

— Правда ли, что попавших в грузинский плен добровольцев убивают с особой жестокостью — сажают на кол, вспарывают животы?

— Знаете, очень смешно сейчас мне доказывать, что кто-то из Москвы или Ленинграда приезжает, чтобы защитить абхазов — я этому никогда в жизни не поверю. Но вот в России говорят: Абхазия-Абхазия, а того не хотят знать, что вообще-то, если исторически, то все Черноморское побережье вплоть до Анапы — это тоже Абхазия!

— Малхаз, мамой клянусь, как мне приятно, что ты так говоришь, а то у вас все чаще слышно, что Абхазии и вовсе нет, а есть только западная часть великой Сакартвело-Грузии! — под общий хохот вставляет Беслан.

— Я не то хотел сказать, — спохватывается Малхаз. — И вообще, не надо говорить, что российский народ сторону Абхазии принял: часть большая интеллигенции Москвы — их мнение тоже надо учитывать. Лично я этих «добровольцев» оцениваю как наемников — это убийцы, они за деньги приезжают. Когда я узнаю, что они погибли, мне не больно, а когда из 80 тысяч абхазцев молодой погибает, это для меня трагедия, честное слово. Это не потому, что я здесь сижу, я это и в Тбилиси могу повторить.

— У нас нет наемников, — возражает Беслан, — не потому, может быть, что мы такие святые, а просто справедливость на нашей стороне. Кроме того, у нас нет средств, чтобы нанимать кого-то. С другой стороны — и ты, Малхаз, не сможешь это опровергнуть — официально объявлено: формируется наемная армия Грузии, названы расценки для тех, кто приглашаются на службу в грузинскую армию в качестве наемников, оплата в рублях и долларах. Это было в прессе и ТВ, это подписано Эдуардом Шеварднадзе.

— Это, Беслан, опубликовано для населения Грузии, тут человек свой дом защищает, понимаешь! Было такое по ТВ, что 800 человек из Западной Украины в Сухуми приехало, генерал Камкамидзе привез — я уверен, что это ложь.

— Но есть подтверждающие это разведданные, зафиксированы радиоперехваты переговоров между командирами танковых частей — в вашей армии есть люди, нанятые за деньги. И точно так же я могу сказать, что у нас таких нет. Что удивительного, если человек, скажем, из Петербурга, может приехать воевать за свободу Абхазии? В Испанию ведь ехали воевать за Испанию.

— В Испанию Сталин посылал! * * *

Малхаз Топурия отметил, что полностью удовлетворен условиями, созданными их Комиссии в Гудауте: есть возможность встречаться с пленными, транспорт, личная охрана — подчеркнув, что представители Абхазии во время командировок в Сухуми пользуются не меньшим вниманием. (Слава Богу, что хотя бы сотрудники обеих Комиссий находят общий язык и — на личном уровне — вполне доверяют друг другу). Нет у него претензий и к условиям содержания пленных абхазской стороной.

Беслан предложил «проинспектировать» гудаутскую гауптвахту. Во время нашего посещения там находилось пятеро пленных бойцов грузинской армии. Начальник гауптвахты — сотрудник МВД Абхазии усатый красавец капитан Шота Джопуа заявил: на его взгляд, сокрытие военнопленного недопустимо, равносильно тайному расстрелу и захоронению. Недопустимо и дурное обращение с пленными:

— Абхазцы всегда были гостеприимны — даже если он будет враг наш, мы обязаны делать, как наши предки учили: он враг, он стрелял в нас, но пока он временно содержится здесь — он гость для нас. Пленного если поймал, то, как во всех войнах, необходимо его достойно содержать: я постриг их, помыл — они бородатые были, обросшие, как дикие люди были все. Вот Гурам, сухумский житель, поступил сюда весь обожженный. И первое, что я сделал —

вызвал ему врача.

Действительно, на лице Гурама следов ожогов уже почти не осталось. Впрочем, все пленные выглядят здоровыми, подтверждают, что обращение хорошее. Держатся настороженно, но спокойно.

— Вот вы спросите у них: зачем они на нас пошли воевать? — в голосе Шоты нет злобы, только какая-то очень человеческая обида. Пленные отвечают примерно одинаково: «меня заставили», «прислали повестку, и я боялся отказаться, могли пострадать родные», «какой нормальный человек просто так с ТУ-154 на СУ-25 пересядет?».

Размещаются пленные на двухэтажных койках. Одеты тепло, в армейские бушлаты — погода стоит холодная. Дневной рацион питания — 120 грамм хлеба и чай с сахаром утром и вечером, в обед та же порция хлеба и первое. В общем, по выражению пленных, «все, как своим».

«Свои» — это сидящие в соседней камере нарушившие дисциплину бойцы абхазской армии. Шота рассказал, что один из них, сухумчанин, оказался одноклассником того самого обожженного Гурама, сидевшим с ним когда-то за одной партой. «И как они встретились?» — «Еле мы нашего удержали!» — «А что?» — «Так, допусти мы, он бы у него полжизни отнял!». * * *

— Я-то дурак — в 25 лет уже женился. А вот мой дед женился в 80 лет, взял молоденькую, пятерых детей имел и умер в 126 лет!

— А чего же он так долго не женился?

— Так молодой был, слушай!

В Абхазии принято жениться поздно, когда мужчина встанет на ноги, а на фронте убивают молодых холостяков. Местная газета печатает списки погибших, после многих фамилий — приписка: «неженатый». В мирной жизни мы говорим: «Какое горе, дети остались сиротами!». А тут большее — как ни страшно сравнивать — горе, когда погибает бездетный парень: «ведь после него никого не осталось»… Война не оставляет времени на чинные ухаживания: парни играют свадьбы на коротких побывках, а их юные супруги одна за другой повязывают черные платки. Весь бабий век: невеста — жена — вдова — для них безжалостно стиснут в несколько мгновений, и считается большим счастьем, если успела хотя бы зачать дитя. Дитя, осиротевшее еще в материнской утробе, — из таких, по старинному поверью, вырастают самые непримиримые мстители. * * *

14 декабря 1992 года над грузинским высокогорным селом Лата был сбит вертолет, эвакуирующий женщин и детей из блокадного Ткварчели. Погибло 72 человека. Для маленькой Абхазии это национальная трагедия, с кем не заговоришь, обязательно скажут: «У меня в нем погиб ребенок (двоюродный брат, друг, соседка)». Перед отъездом из Москвы мне позвонил знакомый журналист: «Я в Литературном институте учился с Асланом Зантария из Очамчиры — может, что-нибудь известно о нем». Командир партизанского отряда Аслан Зантария тоже летел на этом вертолете — вместе с беременной женой Наташей. * * *

С художником Леварсой Бутба мы подружились так быстро, как бывает только в дороге и на войне. А после дня, заполненного исповедями, встречами и черными платками, он пришел к нам в холодный гостиничный номер. Мы пили кофе, курили, разговаривали о Фрейде, Дали и проблемах цивилизации, и все было почти как всегда, если бы на нем не было мешковатого камуфляжа, стекла не звенели тихонько от далеких разрывов «Града» и, как дороги, ведущие в Рим, все наши разговоры не сбивались постоянно на одну тему:

— Все мои картины, оставшиеся в сухумской мастерской, уничтожены. Сохранились,

наверное, только те работы, которые ушли на Запад. Впрочем, нет уже и многого изображенного на них: несколько лет назад я написал небольшую картину — «Полчаса по Сухуму» — как бы впечатления человека, приехавшего в город с автобусной экскурсией. И все знаменитые здания, которые я писал — гостиница «Рица», Дом с попугаями — теперь уже разрушены.

— В том числе — и абхазской артиллерией. Не жалко?

— Жалко, конечно… Помнишь, у Бёлля — «Бильярд в половине десятого»: архитектор, ставший солдатом, взрывает аббатство, построенное его отцом? Когда погибают люди, уже не до жалости к камню.

Леварса баюкает поврежденную правую руку, и печать обреченности на его лице невыносима. Пожалуй, нигде мне не приходилось встречать такого искренне уважительного, трепетного отношения к учению, образованию, как в Абхазии. С начала войны вся интеллигенция получила бронь. Большинство ушло на фронт. Мне рассказали про археолога Батала Кобахия: убежденный гуманист, он не смог заставить себя стрелять. Но с первых дней — на передовой, фельдшером («Уж от Батала-то, белоручки, мы такого не ожидали!»). Среди погибших — археологи Лаша Когония и Мушни Хварцкия, историки Виталий Бутба, Владислав Бжания, Даур Зантария… Кто-то, крепкий и здоровый, делает в России бизнес, а как быть после войны народу, если у него убьют художников!

— А почему жизнь художника должна быть дороже жизни крестьянина? Я мог бы сказать, что я выше этого, уехать, но как смогу потом чувствовать себя полноценным человеком, детям своим в глаза смотреть? Понимаешь, ведь нам просто не оставили возможности выбирать: я уже на второй день войны понял, что движется огромная сила, которую надо остановить. В армии служил в артполку, после на военной кафедре получил лейтенанта, но командиром себя не чувствую, воюю как рядовой. Физические кондиции у меня не очень хорошие, но делаю, что могу. Знаешь, я именно сейчас начал понимать, что жизнь очень коротка и чуть-чуть больше или меньше — уже не так важно. Даже когда приезжаю на побывку, не могу писать, не могу отключиться, хотя ты не представляешь, как я скучаю по кистям — иногда ночью, в окопах, чудится запах краски…

— Наверное, после войны начнешь писать батальные полотна?

— Никогда. Живопись должна быть красива, я любил писать красивые вещи, лица, а война привлекательна только в фильмах. Конечно, ночью летящий снаряд похож на чудесную елочную игрушку — необыкновенное зрелище. Когда я увидел это в первый раз, то просто залюбовался, провожал его взглядом — так засмотрелся, что упал уже после него, чудом уцелел. Как ты понимаешь, тут мне стало не до любований. Единственная эстетика войны — это красота человека, да и то не внешняя. Хотя, конечно, в искусстве важно не «что», а «как»: «Герника» тоже посвящена войне, но как это сделано! Впрочем, каждому свое: духовное состояние «предчувствия гражданской войны» у меня появилось давно, но заставить себя заняться этой темой я все-таки не смог.

— Зато смогли другие. Более того: и здесь, и, к примеру, в Карабахе многие считают, что именно интеллигенция, разворошившая муравейник, повинна в возникновении конфликтов.

— Интеллигенция — в силу своей большей осведомленности — первой чувствует угрозу и, естественно, бьет в колокола. А то, что происходит сегодня, в какой-то мере подтверждает ее правоту. Ведь даже в советские времена, по которым многие испытывают ностальгию, все было не так уж лучезарно. Я закончил Тбилисскую академию художеств, где среди творческой элиты национальный вопрос практически не возникал, а вот из общежития мне скоро пришлось уйти, там слишком часто давали понять: ты — чужак. Знаешь, есть старинный грузинский тост, переводится примерно так — «за родные уголки». Так вот он

часто омрачал общее застолье: кто-то считал, что «родной уголок» — это Грузия, а кто-то — Абхазия, Аджария, Кахетия. Однажды я ехал в поезде, мы с попутчиками, как водится, купили вина, и, когда был произнесен этот тост, я выпил за Абхазию. Даже не хочется рассказывать, что тут началось, тем более, что все уже были не слишком трезвые. Выручил меня парень из соседнего купе — кстати, тоже грузин. Я сейчас особенно часто думаю об одном своем сухумском друге, в честности которого не сомневаюсь: он был единственный из моих знакомых грузин, кто попытался высказать позицию, отличающуюся от позиции толпы. Это было еще до войны, его объявили врагом нации, пытались избить, а сейчас с такими тем более не церемонятся, поэтому я боюсь назвать его фамилию.

Он говорит «грузины», «Грузия», а я не могу соединить эту Грузию с той, моей Грузией печальной, где есть картины Пиросмани и стихи Табидзе, где еще совсем недавно герои «Покаяния» пели «Оду к радости» и искали Дорогу к Храму… По какой Дороге сейчас идет Тенгиз Абуладзе?

— Да, конечно, грузинский народ талантлив, я учился с очень одаренными ребятами, думаю, что они состоялись как художники. Тяжело сознавать, что мы сейчас по разные стороны баррикад — то есть фронта. Но ведь немецкий народ внес не меньший вклад в мировую культуру, однако это не уберегло его от фашизма. Примерно в такой же ситуации оказался и грузинский народ. Уверен, что там есть люди, которые это понимают, но их голоса не слышно, они боятся. Не у каждого найдется столько мужества, как у Мераба Мамардашвили, который заявил: если грузинский народ выберет вождем Гамсахурдиа, я буду вынужден пойти против своего народа. Мамардашвили для Грузии — это человек и мыслитель такого же масштаба, как Сахаров для России, он был настоящим Гражданином Мира. Однажды мне довелось его видеть: пожилой красавец в заплатанных джинсах — он даже внешне очень отличался от окружающих. До войны я сам был активным сторонником космополитизма, Сухум вообще космополитичный город. На мой взгляд, главное, что мы потеряли вместе с миром, и не знаю, сможем ли когда-нибудь восстановить, это «амритянское братство», о котором писал Фазиль Искандер. Впрочем, похоже, это сейчас общая проблема. У меня серьезное заболевание крови, часто приезжаю лечиться в Москву, и не дай Бог оказаться на моем месте: здесь в меня стреляют за то, что я абхаз, а там вслед шипят разное — ну, ты понимаешь…

— «Черный»?

— Представь себе — «жид»!

Что ж, все верно, «в России поэты от века — жиды», и не только в России, но в ней пока еще, слава Богу, за это не убивают, и мне скоро возвращаться в Москву, а ему завтра на фронт, и в Гудауте его будут ждать жена, сын и дочка Сабина, день рождения которой — 14 августа — теперь всегда будет и днем начала этой войны, а какой день станет днем окончания?

— Ребята, только давайте обязательно встретимся в Сухуме после войны! Мой адрес — улица Пушкина, дом 18. А если дома уже нет, встречаемся на набережной, в кофейне «У Акопа», где собиралась сухумская богема. Спросите Леварсу — там меня все знают.

В шесть часов вечера после войны. * * *

«Слава Богу, чувство юмора мы не потеряли!» — по местному телевидению показывают уморительный пасхальный капустник. Среди солдат ходят актуальные анекдоты (часто — переделанные «афганские»). Например: «Сидит грузин в окопе, голову за бруствер прячет, а автомат на вытянутых руках поднял и вслепую строчит по абхазским окопам. Командир его ругает:

— Куда стреляешь, хоть выгляни, посмотри!

— Э, дорогой, не могу эти противные абхазские рожи видеть!»

Или еще, про «лифчик» — жилет с карманами для гранат и запасных магазинов:

«Боец жалуется товарищу:

— У меня лифчик протерся.

— А ты одолжи у жены, — подкалывает приятель.

— Да я уже пробовал, но только два магазина входит и то от ППШ…»

Впрочем, Леварса Бутба поведал, как рождаются «эксклюзивные» анекдоты этой войны. Когда он эвакуировал семью в Гудауту, первое время было туго с газом и жена «пилила» его — принеси хотя бы баллон!

— В декабре у нас была попытка наступления. Ночью скомандовали — на Сухум! Тогда у меня и автомата не было, я забежал домой — взять хотя бы охотничий нож. Аида спросонья: «Ты куда?» Я с подъемом: «На Сухум!» Она в ответ: «А ты газ мне добыл?» Рассказал ребятам, посмеялись, а через неделю парень из соседнего отряда спрашивает: «Знаешь анекдот? Абхаз в наступление на Сухум собрался, а жена ему: „Сухум-чухум, ты мне газ достань, а потом иди куда хочешь!“»

Аида немножко обижается:

— Ну и что ты всем рассказываешь! Во-первых, я со сна была, а во-вторых, мне же надо было обед детям готовить! * * *

Сначала непонятно: почему все говорят не «Сухуми», а «Сухум»? Оказывается, у этого древнего города много жизней и много имен. В стародавние времена там стояло абхазское поселение Акуа. И по сей день, говоря на родном языке, абхазы именно так называют свою столицу. А потом рядом основали колонию греческие мореплаватели, их сменяли римляне, генуэзцы, турки, давая городу все новые имена. В начале XIX века, когда Абхазия добровольно вошла в состав Российской империи, город назывался по-турецки: Сухум-кале. «Крылились дни в Сухум-кале…», — писал в годы Гражданской войны поэт-новатор Василий Каменский. После установления советской власти турецкую приставку упразднили, и вплоть до 1936 года было: Сухум. Но в конце тридцатых многие абхазские топонимы перекроили на грузинский лад: Ткуарчал стал Ткварчели, Очамчира — Очамчири, Сухум — Сухуми. Поэтому сейчас для абхазов «Сухум» — дело принципиальное.

А страну свою абхазы называют Апсны. На русский переводится очень красиво: «Страна Души», «Страна-Душа». Каждому прибывающему журналисту непременно рассказывают легенду, как на заре времен Всевышний созвал людей и поделил между ними Землю. За два дня роздал все угодья, а тут появляется запыхавшийся абхаз. «Где же ты был? У меня уже ничего не осталось». — «Я собирался к Тебе, но тут мой дом посетил гость. Я не мог его покинуть и все это время выполнял долг гостеприимства». — «Ну, — смягчился Господь, — раз уж ты такой душевный человек, так и быть, отдам тебе кусочек самой прекрасной земли, который я припас для себя». С той поры за каждым абхазским столом первый тост — непременно за Всевышнего.

— Правда, теперь, — грустно добавляет начальник пресс-службы Минобороны Валерий Гумба, — мы эту историю стали заканчивать так: «А на следующий день Бог делил соседей…» * * *

Переговоры комиссий завершились успешно — в Гудауту прибыл транспорт с эвакуированными сухумчанами:

— Мой отец приехал наконец — я его не узнал. Это не он, это его трафарет какой-то!

У одной из женщин, Светланы, на рано поседевшей голове маленькие круглые лысинки — грузинские гвардейцы тушили окурки. Плачущие от радости спасения русские старики: «Мы ту войну помним — немец, и то такого не творил!». Их рассказы страшно слушать. В голове не укладывается: грузины — и такое… С августа не решаюсь позвонить тбилисским друзьям — боюсь разочарований, коричневая Чума — вещь заразная. Когда-то в пионерской военной игре «Зарница», чтобы никому не было обидно, воевали не «белые и красные», а «синие и зеленые». Так и сейчас не хочется говорить «грузины и абхазы».

— Не ты одна — даже многие местные растерялись от происходящего, — пожимает плечами Беслан Кобахия. — Приходится порой слышать самоуверенное: «я знаю абхазский народ, я знаю грузинский народ!» Но все эти знания устарели на восемь месяцев. У моего сухумского друга был сосед-грузин, Шота. Когда началась война, мой друг прятался, и Шота тайком принес ему документы и кое-какие вещи. «Где сейчас наши?» — «Наши на Красном мосту». То есть, «наши» — это Шота говорил тогда об Абхазской гвардии. А через несколько месяцев мы узнали, что он убит — и не рядовым, а в чине командира батальона. Значит, так против нас хорошо воевал…

Наверное, все-таки пора признать: нет, да, пожалуй, никогда и не было пресловутой «дружбы народов». Есть лишь дружба между конкретными представителями этих народов. И все равно, самое радостное для меня сегодня — услышать, как на грузинской стороне прячут абхазов, на абхазской — хлопочут за грузин. Да, в военное время бывает всякое, но чаще всего — так:

— У меня сосед — грузин, друзьями с ним не были, но никогда и не ссорились. После всего этого я к нему, конечно, охладел, но я не хочу и не допущу, чтобы его убивали! * * *

— Первые две жены у меня были русскими. И только на склоне лет, когда сыновья уже выросли, я женился в третий раз — на абхазке. А мама моя, тогда совсем уже старенькая, мечтала о невестке-абхазке, чтобы можно было с ней хоть поболтать — русского-то она почти и не знала. И вот привез я свою молодуху, мама счастлива, а половина моя молчит. Мама решила, что от смущения, начала уговаривать ласково: «Доченька, не стесняйся, поговори со мной!» Тут уж моя сестрица не выдержала: «Да оставь ты ее, она не говорит по-абхазски!» — «Да ведь она же абхазка!» — «Да мать-то у нее русская!». Так мама с горя как брякнет: «Да что же мужики находят в этих русских, что у них — по две „эти штуки“, что ли!»

Русских «абхазских невесток» действительно немало, впрочем, дело тут не только в их бесспорной привлекательности и пикантных особенностях анатомии. У абхазов — маленького народа, стремящегося избежать вырождения, очень строгая экзогамия — запрет на родственные браки. Не могут пожениться не только дальние родственники — а «отдаленность» здесь понимается совсем иначе, чем в России! — но даже и однофамильцы. Найти подходящую пару довольно сложно, поэтому старые холостяки и девы — не редкость (кстати, последние — действительно «девы», здесь с этим строго, потерявшую невинность замуж никто не возьмет). Что греха таить, каждые родители изначально хотели бы «свою», но жизнь все расставляет по-своему:

— Вот, показывали кино «Анна Каренина». А у нас в деревне была своя Анна Каренина: сын двоюродной сестры моей бабушки в начале 60-х служил в России и привез оттуда невесту. Родственники не одобрили, что она русская, женили его на местной красавице, а этой девушке дали в деревне дом, работу — чтобы не обижалась. И они стали жить так: днем он с женой, а ночью идет к своей любимой. И русская девушка не выдержала, однажды ночью зарубила его топором, сложила их паспорта вместе и написала записку: «Не дали вы нам вместе быть на этом свете — мы встретимся на том». Ушла и бросилась под поезд. С тех пор у нас в деревне поняли, что с настоящей любовью ничего нельзя поделать и никогда больше не препятствовали…

А еще в Абхазии терпеть не могут слова «русскоязычный»: «У нас ни слова, ни понятия такого никогда не было! Если говоришь по-русски — значит, русский!» * * *

Чуть ли не каждое знакомство начинается так: а вот почему Россия («российские журналисты») себя так нечестно ведет?! Чертовски неприятно, но нельзя не признать, что претензии в большинстве своем обоснованы. Раздражает лишь, что любители подобных обвинений сами стараются держаться подальше от линии фронта. Приходится объяснять, что президент Ельцин, министр иностранных дел Козырев, их придворные правозащитники и работники культуры — это далеко не вся Россия. Оправдываться в чужих грехах очень обидно и утомительно. Хорошо еще, что у здешнего народа суровости хватает ненадолго, да и мои августовские похождения смягчали ситуацию.

Наверное, надо просто с максимальной точностью определить для самого себя — зачем ты здесь. Можно ли назвать посторонними людей, которые всего лишь полтора года назад были твоими соотечественниками? Можно ли считать чужой войну, которая расшатывает фундамент твоего дома? Можно ли пренебречь предостережением фронтовика Великой Отечественной Виктора Астафьева: «Чем больше наврешь про войну прошлую, тем ближе сделаешь войну грядущую»? * * *

Постоянно ловишь себя на мысли — где-то это уже было. Наверное, все войны похожи, но эта больше всего — на Испанскую. «По ком звонит колокол» — только замени «Испания» на «Абхазия»: та же звонкая гордость и достоинство, то же обреченное отсутствие выбора, та же бессмыслица и тот же бардак.

Кстати, здешние добровольцы тоже считают себя наследниками интербригадовцев. На стене гудаутского штаба Конфедерации народов Кавказа — на куске ватмана плакатным пером — лозунг: «Нас не пройти!». Американский журналист интересуется: «What is it?» — что там написано? Москвичка-переводчица, улыбнувшись, отвечает по-испански:

— No pasaran!

— О!!!

Мое сообщение, что дедушка воевал в Испании, кабардинскими ребятами воспринимается с восторгом: «А внучка — в Абхазии!». Снова отзвук «Колокола»: «Если уже дед был республиканцем, значит, порода хорошая». И еще один отголосок минувшего — в 1914 году в Новоафонском монастыре приносили присягу и получали Божье благословение юные местные добровольцы, уезжавшие в Сербию, на выручку к братскому народу.

Впрочем, не стоит идеализировать: есть среди волонтеров и юные бездельники, «занимающие оборону» в тыловой Пицунде, и любители военно-полевой жизни, и приезжающие за боевым опытом, есть и просто уголовники. Правда, последние не приживаются: среда не та. Зачастую они попадаются на мародерстве или убийстве своих же — за автомат — и либо бегут, либо с ними разбираются на месте.

Но — несмотря на многочисленные уверения самых различных «источников» о наличии в абхазской армии солдат удачи, никаких особых выплат для «иностранцев» здесь нет (кроме денег на дорогу сюда и обратно). Как и местным, им положены лишь скромные пособия по ранению, по инвалидности, «похоронные» родственникам, пенсии осиротевшим семьям, оплата лечения и протезирования в российских госпиталях. Поэтому для добровольцев — особенно «испанцев» — нет оскорбления страшнее, чем «наемник». Пулеметчик Аслан Беков прячется от людей с фотоаппаратами после того, как в «Известиях» его фотография появилась с подписью «Доброволец-наемник из Кабарды Асланбеков». (Впрочем, в штабе КНК я услышала еще одну версию «фотобоязни»: «Иногда не надо, чтобы родные знали, где сын, не волновались, ведь многие тут — беженцы от матери»).

Наверняка кто-то возразит: мол, от тебя такие постыдные вещи просто скрывали. Между тем в Абхазии «военную тайну», которой к тому обладает огромное количество весьма общительных непрофессиональных солдат, как правило, сохранить невозможно (вот еще одна «испанская» черта). Кроме того, меня с каждым приездом стеснялись все меньше, а многие (особенно в конце войны) даже и не подозревали о моей профессии, принимая за медсестру-доброволку. Так что, существуй оплата на самом деле, я бы хоть что-нибудь о ней знала. * * *

Еще одна причина для беспокойства — упорные слухи, что на каждого гражданина России, принимающего участие в боевых действиях в Абхазии, заведено на родине уголовное дело.

Вернувшись в Москву, я поинтересовалась у тогдашнего Генерального прокурора РФ Валентина Степанкова — действительно ли так?

— Нет, об этом не может быть и речи. По действующему уголовному законодательству ответственность за совершаемые преступления наступает по месту их совершения, поэтому органы прокуратуры не вправе возбуждать какие-либо уголовные дела по действиям, которые совершаются в Грузии, Абхазии, Молдавии и так далее. Претензии к таким гражданам у наших правоохранительных органов возникают лишь в тех случаях, когда — как это неоднократно случалось — их задерживают на пограничных заставах при попытках незаконного ввоза оружия на территорию России. Попадается кое-кто и с награбленным добром.

— Но, если не ошибаюсь, данные действия — самостоятельный состав преступления? Я же спрашиваю именно о фактах участия в боевых действиях.

— В этой ситуации речь может идти о проблеме наемников, то есть тех, кто за это участие получает деньги.

— Недавно в Абхазии я беседовала с представителем правительственной комиссии республики Грузия — он абсолютно убежден, что не может парень из Москвы или Петербурга сражаться на абхазской стороне бесплатно, «за справедливость».

— Ну, в этом он неправ, такие люди, конечно, есть. В то же время мы располагаем данными и показаниями, что есть и те, чье участие в боевых действиях оплачивается. Однако пока Закон о наемничестве не принят Верховным Советом, в Российской Федерации ответственности за подобные действия не существует. * * *

— В начале войны совсем не было оружия, и мы его сами придумывали: карданный вал приспособили под гранатомет, а кислородные баллоны начиняли аммоналом — от такой мины танк несколько раз перекувыркивается! А помните, как-то сообщали: «абхазы применили химическое оружие»? На самом деле это было психическое оружие: испортилось несколько мешков муки, мы смешали ее с вонючей такой жидкостью для паркета, просушили и начинили этим порошком аэрозольные баллончики. И так здорово бабахнуло — на их окопы пошло большое белое пахучее облако — как они оттуда чухнули!

Голь, как известно, на выдумки хитра. Легендарный партизанский командир, археолог Мушни Хварцкия изобрел способ перехода минных полей: по принципу «через ручей — по двум кирпичам», только вместо кирпичей — специально сколоченные скамейки.

Кабардинцы, приехавшие с голыми руками («мужчина добывает оружие в бою!») рассказывали, как они захватили вражеский танк: окружили его — «как пещерные люди мамонта!» — забросали бутылками с зажигательной смесью, выскочивший экипаж расстреляли из единственного автомата, потом дружно потушили огонь и, развернув башню, остановили всю колонну противника. Эту тактику применяли еще в самом начале войны, на сухумском Красном мосту. Наверное, еще и поэтому бойцы с противоположной стороны

честят солдат абхазской армии «дикарями» и «индейцами».

Но, пожалуй, самая удивительная история — об «абхазском Сент-Экзюпери»: летчике и поэте Олеге Чанба. До сих пор некоторые считают его подвиги легендой, но одинокий мотодельтапланерист действительно летал через линию фронта в Сухуми, связками гранат бомбил вокзал. Вдвойне горько, что, возвращаясь после очередного вылета, он по ошибке был сбит своими. * * *

Санинструктор Надя Ашуба:

— Для меня на войне самое страшное — ожидание. Мне вообще всегда тяжело чего-то ждать, а здесь это — не дай Бог, кого-то ранят. Был период, когда мы четверо суток вообще нос не могли высунуть из окопов, но ребята все равно умудрялись из окопа в окоп бежать и тут у нас нервы были на пределе, потому что снайпера обстреливают каждый сантиметр, и когда ребята бегут, это страшно. Это очень страшно. Вот сейчас Гена Карданов погиб. Просто обидно, парень в самом деле вояка был… * * *

Гудаута, пустой магазин «Галантерея». Пожилая продавщица в черном платке:

— Купите эти сережки, красивые, их наш местный парень еще до войны делал. А сейчас его убили уже… * * *

Брошюра этнографа Шалвы Инал-ипа «Очерки об абхазском этикете». Издавна в абхазских семьях домом, детьми, огородом, скотиной занимались женщины. А мужчины «весной подрезали лозы, осенью принимали участие в уборке урожая, а в остальное время занимались конем и поездкам к знакомым». Чеченские добровольцы досадуют: «Абхазы такой беспечный народ!». Наверное, трудно ожесточить человека, у предков которого основная часть жизни отводилась на дружеское общение:

— Какие сволочи это грузинское руководство, что войну устроили! Когда мы Гагру освободили, там трупы их гвардейцев валялись. Какие парни — отборные, красавцы! Какое горе их матерям! * * *

С абхазской стороны воевать не заставляют никого — это дело личного выбора:

— Пусть они сейчас где-то заняты своим бизнесом. Но когда война кончится и они вернутся, то поймут, что потеряли право на эту землю. Нет, мы не будем их гнать, но они поймут это сами — по нашим глазам…

Похоже, действительно: после войны Абхазии предстоит пережить период внутренних «разборок». Те, кто это понимает, боятся их больше, чем войны. * * *

Пицунда, российская погранзастава:

— Когда началась война, для обозначения нацпринадлежности мы решили повесить на заставах российские флаги. Вышли на командование: «Вы что — обострит ситуацию!». Буквально через день передумали, пришел новый приказ: повесить. А где взять — это на митингах знамен хватает! — пришлось один переделать из морского вымпела, а другой выкрасть с госдачи. А в Гантиади на заставе ребята сами сшили: простыня, скатерть из красного уголка, да одна отдыхающая пожертвовала голубую юбку. С синей тканью самая проблема — у нас на заставе солдаты нашивки на рукав делали, так, извините, из трусов. С начала войны сидим без газет, а по ТВ видим несоответствие с тем, что на самом деле. Сначала нам казалось, что «Вести» точнее, теперь видно — все одинаковые. А вообще мы тут во всех случаях оказываемся крайними… * * *

Глубокий тыл — от Пицунды до линии фронта километров сто. Местные жители жалуются:

«психически страшно» ходить по пустынным улицам:

— Раньше в это время уже всегда отдыхающих в трусах полно было, а теперь: в центре Пицунды, днем — тишина и никого. Так жутко, как на кладбище!

Многолюдно лишь у кинотеатра: сегодня здесь премьера художественно-публицистического фильма «Свидетель», посвященного абхазской истории и культуре — от первобытных времен до наших дней. Режиссер-постановщик фильма — Михаил Мархолия:

— Я работал в Абхазском научно-исследовательском институте — том самом, который сейчас сожгли — изучил массу архивных документов, и постоянно слышал из уст грузинских историков, что абхазы — не нация, а просто какое-то племя. При «реставрации» Пицундского храма IX века взламывались полы, под которыми обнаружили тайники: древнее оружие и книги из них были вывезены в Тбилиси. Материала для фильма было собрано достаточно, однако тогда, при советской власти, особенно при нашем режиме, снять его было невозможно. Я обивал пороги и в обкоме, и в Совмине, убеждал, что наша древняя архитектура постепенно разрушается, потом будет поздно, нужно срочно выделить деньги. Никто не отказывал: мол, прекрасная идея — но никто ничего и не делал.

— В фильме — да и в только что прозвучавших ваших словах — отчетливо прослеживается: Грузия присвоила абхазскую культуру. Возможно, это и так, но не боитесь ли вы впасть в противоположную крайность, способствовать возникновению в Абхазии явления, которое у нас когда-то называлось: «Россия — родина слонов»?

— Понимаю. Однако судите сами: грузинская национальная одежда — «черкеска», национальный танец — «лезгинка». Я старался избегать крайностей, пригласил в качестве научного консультанта профессора Георгия Шамба, в Москве «Свидетеля» просмотрел грузин, академик Гиви Цулая, сотрудник Общества содействия культуре при ООН. Я попросил его честно сказать, какие из моих выводов выглядят надуманными. Он ответил: «Вы шли по такому лезвию ножа, по такому канату — я все время ждал, где же свалитесь. Но вы ловко вышли из этой сложной ситуации». Единственное замечание, которое он сделал — о гипотезе происхождения названия «Колхида» от абхазского «Колхста». Он уточнил, что это — спорный вопрос, существуют различные точки зрения, ибо никто из нас не слышал, как точно предводитель аргонавтов Ясон называл эту землю.

— И все-таки трудно отрицать, что именно пробуждение национального самосознания — особенно в результате войны — становится почвой для появления национализма. Ведь, как ни печально, на бытовом уровне появились случаи недружественного отношения абхазов к живущим в республике людям других национальностей.

— Я надеюсь на благоразумие своих сограждан. Может, вы не поверите, но эти случаи — тоже порождение грузинского шовинизма. Видите ли, когда один народ начинает уничтожать другой, доказывать: вы — ничто, а моя раса — гениальная, то национальное чувство у оскорбленного народа порой принимает болезненный характер. Я уверен, что истинная интеллигенция Грузии сейчас загнана в подвал, не имеет права голоса — его имеет только автомат. Я даже не уверен, управляет ли Грузией сам Шеварднадзе, его ли это дипломатия и политика или его окружения? Поэтому я ни в коем случае не стал бы обвинять в случившейся трагедии грузинский народ, и уверен, что в будущем разум победит, настанет мир и нормальные взаимоотношения. Но, конечно, на то, чтобы забыть кровавые вещи, которые здесь натворили эти тюремные молодчики, нужны года… * * *

По улице в окружении стайки пацанов идут два автоматчика:

— Дядя, дядя, дай патрон!

— Зачем тебе патрон, слушай!

— Грузинов убивать!

— Что ты такое говоришь! Нельзя людей убивать!

— А-а, а ты же убиваешь?

Примет мира на абхазской земле пока не видно.

Июль. 1993

Наверное, каждый из моих ровесников хоть раз в жизни да досадовал, услышав от старших их вечное: «Только бы не было войны…» Впрочем, все мы, побывавшие на какой-нибудь из войн, расплодившихся на территории бывшего великого и могучего, рискуем прослыть такими же безнадежными занудами. * * *

Приехав в Гудауту, первым делом обегаю друзей, читаю свежие списки на стене морга гудаутского госпиталя. Слава Богу, почти все «мои» живы. Только Сережки с Урала уже нет — погиб при Цугуровке.

Июльское наступление абхазской армии — бои за стратегические высоты, с которых контролируется лежащий в долине Сухум: Шрома, Цугуровка, Одиши. Там погиб парень из армянского батальона, а через неделю, в день взятия Шромы, у него родился сын. Мальчика назвали Аиааира — что по-абхазски значит «Победа». * * *

В бою за СухумГЭС абхазскими бойцами была захвачена в плен группа грузинских солдат во главе с генералом Мамулашвили. Честно говоря, все время нашей беседы в гудаутском госпитале с одним из них — раненым тбилисцем Георгием Дзебимашвили — меня не покидало ощущение, что пытаюсь бить лежачего. Впрочем, к этому моменту Георгий уже понимал, что на абхазской территории он в безопасности. И после неоднократных интервью с журналистами, похоже, самое страшное, что ему грозит — обмен.

— Вы довольны условиями вашего содержания и лечения?

— Вполне. Кстати, те ребята, которые меня ранили, меня сюда и доставили.

— Вы — военнослужащий армии Республики Грузия?

— Нет, я гражданский, работал в Управлении грузинской железной дороги, в военизированной охране. Но мы занимались совершенно другими делами: сопровождали до Тбилиси грузы, поступавшие в Батуми и Поти, чистая коммерция, государственная коммерция. Была еще частная коммерция — когда приходили люди с просьбой отправить, к примеру, коньяк, шампанское в Россию, Прибалтику, на Украину.

— В августе прошлого года руководство РГ назвало необходимость охраны железной дороги одной из главных причин ввода войск в Абхазию. Вам, как служащему УЖД, должно быть известно: действительно ли на территории этой республики совершались нападения на составы?

— Не знаю, может, пара случаев и было, а вот в самой Грузии и частично в Мингрелии такое постоянно происходило. Так что насчет причины — чепуха это.

— Какова же настоящая причина?

— Грабить. Как можно больше грабить. За то время, что я здесь нахожусь, приходили ребята-абхазцы и все, что они рассказывали, полностью сходится с теми фактами, которые я знал раньше. А вообще, вся эта цепочка пошла с Тбилиси, когда выгнали законного президента Гамсахурдиа. Сначала войска зашли в Западную Грузию — Мингрелию, хотя в этом не было необходимости, наша служба располагала достаточными силами для того, чтобы контролировать дорогу. Не надо было вводить туда солдат: это стало самой грубой, самой страшной ошибкой. Тогда они и вошли во вкус: взял и положил в карман. А потом дошли и до абхазцев.

— Вы поддерживали Звиада Гамсахурдиа?

— Нет. Так, пятьдесят на пятьдесят. Хотя у меня были разговоры в Тбилиси, и в Кутаиси я съездил к родственникам. Но, к примеру, Лоти Кобалия я ни разу в жизни не видел.

— Командира звиадистов в Западной Грузии?

— Да, он взял все в свои руки. Не знаю, может, в каких-то вопросах Лоти неправ, но в том, что он защищает свою землю, своих людей — я его оправдываю.

— От кого защищает?

— От бандитизма.

— С чьей стороны?

— Назвать вам эти фамилии? Помните, был такой Военный Совет: Тенгиз Китовани, Джаба Иоселиани и другие. Я еще не знаю, вырвусь ли отсюда, но если вырвусь, все это им в лицо скажу. У меня будут большие неприятности, вплоть до убийства. Но мне это надо когда-нибудь сделать, а то все молчок-молчок, но грузин на грузина не должен идти с оружием.

— Почему же вы позволили втянуть себя в эту войну?

— Нам в Тбилиси заявили, что посылают в Сухуми, чтобы контролировать железную дорогу. А потом пришли люди из штаба, обманули нас и отправили на СухумГЭС. Однако когда-нибудь я должен был сюда приехать и сказать правду: все это ерунда, братцы, вы с кем воюете? Конечно, некоторые идут не только грабить, а за идею. Но своими действиями они ставят местных грузин, которые здесь живут по шестьдесят-семьдесят лет, в очень, очень неудобное положение. Когда мы на электростанцию приехали, один парень — сейчас уже покойный — мне сказал: уезжай домой. Кстати, я прибыл сюда без оружия, получил его только здесь, на второй день. И если скажу, что не стрелял — вы поверите? Я сидел во дворе на скамеечке с автоматом, и мне уже было на все наплевать.

— Но вас же ранили в бою?

— В бою, да… Но нас окружили.

— Вы первый раз в Абхазии?

— Нет, почему, в мирное время, Господи, мое любимое место было Леселидзе! Друзья абхазцы были, — еще какие! Когда меня в плен взяли, я сразу спросил: «Гудаутские есть? Фридон Авидзба живой?» — «Нет, его убили».

— Как семья отнеслась к вашему отъезду?

— Отрицательно. Жена говорила: не надо ехать — как чувствовала. Нужно остановиться и прекратить огонь, прекратить войну: люди устали, они уже третий год не могут нормально

жить. Если вы придете в Тбилиси — там ужас. На базаре стоят вооруженные люди, чтобы как-нибудь продать свои товары. А еще вместо нормальных денег эти несчастные купоны — кому они вообще были нужны! Но у нас в Тбилиси такие великие стратеги сидят…

— Вы согласитесь на обмен?

— Посмотрим…

Недели через две я узнала, что, по ходатайству родственников покойного Фридона Авидзба, Георгий Дзебимашвили был освобожден и вывезен в Россию. * * *

От греха подальше пленного Георгия разместили на первом этаже инфекционного отделения — в домик на отшибе. После беседы старшая сестра отделения — миниатюрная черноглазая Тося — приглашает меня на чашечку кофе:

— Иногда насмотришься, как целый день ребят изуродованных с фронта привозят, такая ненависть комом к горлу подступает — жалеешь, что в белом халате. Но я клятву давала, приходится, как положено, помощь оказывать. Вот лежит здесь этот Дзебимашвили — сорок три года, уже внучка у него… Сидел бы дома и воспитывал ее, так нет, приехал сюда порядок наводить! Да если бы мой муж или сын собрались в Тбилиси — людей убивать, за порог бы не выпустила, своими руками убила! У нас по телевидению письма читали, которые нашли у их погибших: «Жена, тебе такой-то должен меха привезти, но если не отдаст, молчи, я все равно тебе тут бриллиантов набрал, ты ведь любишь». Мой муж во взятии Гагры участвовал. Когда он уходил, я пошутила — глупо, конечно, нельзя так было: ты бы мне, мол, чего-нибудь привез. Так он шутки не понял, покраснел весь: «Как ты могла такое сказать! Как язык повернулся! Не дай Бог, соседи бы услышали, как потом в глаза смотреть?!».

А вообще, девочки, уже никаких сил от этой войны нет. Только бы она кончилась, я бы всю жизнь за бесплатно круглые сутки работала, только бы она наконец кончилась… * * *

Вместе с генералом Мамулашвили в плен попал и его пятнадцатилетний сын Мамука. Тбилиси поднял большой шум, требуя «освободить ребенка» (Беслан Кобахия, смеясь, похвастался честью: в очередном обращении «ко всем честным абхазам», его помянули в качестве такового наряду с самим Фазилем Искандером). Причем корреспондент «Останкино» Нана Гунгадзе в своих репортажах почему-то называла юного тбилисского воина «мирным жителем села Шрома». Впрочем, сам Мамука не слишком волновался: освободив из-под стражи, его поселили в одной из гудаутских семей, где с ним, что называется, носились. Спокойно беседуя с иностранными корреспондентами, он с увлечением выдувал жвачечные пузыри.

Сначала абхазы хотели — в качестве жеста доброй воли — отдать Мамуку без всяких условий. Однако выяснилось, что в Сухуме находится в плену семнадцатилетний абхаз Эдвард Джинджолия. Поскольку в отношении него таковой воли проявлено не было, Беслан принял решение — «мальчика на мальчика».

После обмена выяснилось, что абхазскому мальчику в плену жилось несравненно хуже. Экспертиза показала: отбиты почки. Эдик пояснил, что ежедневные избиения прекратились только после визита представителей Красного Креста и наметившегося варианта обмена. Впрочем, он говорит, что ему — как мальчишке — доставалось меньше, чем захваченным вместе с ним сухумчанам Сергею и Георгию Дереберинym. Вообще их было сначала четверо, но раненого Гурама Хашиг добили на месте, а Джинджолия и Деребериных отвезли в Сухум, где содержали в помещении МВД. Беслан Кобахия обратился к грузинскому командованию с предложением об обмене братьев. Согласие было получено, однако к своим попал только Сергей Дереберин. Вместе с ним свободу получил другой русский парень — очамчирец Слава Юров, которого до сих пор грузинская сторона отказывалась обменять:

— До того, как сам оказался в плену, я видел, как здесь относятся к пленным грузинам. И как к пленным относятся там — это очень большая разница. Практически каждый вечер кто-нибудь из охранников выводил меня, как они говорили, на «воспитательные процедуры»: подвешивали за руки и били. Ставили к стенке и делали вид, что расстреливают — стреляли поверх головы. Есть давали кусок хлеба и воду — только чтобы не умереть. А главное — убивают человека морально. Со мной сидел парень, он, наверное, духовно слабый человек, даже не хотел обмениваться, говорил: «Если сейчас скажут: иди против абхазов воевать, я пойду, лишь бы жрать дали». Они его психологически просто убили. Но у меня предчувствие было, что выйду из этого ужаса живым, верил, хотя мне постоянно твердили: тебя, русского, абхазы менять не будут.

Рассказывает Сергей Дереберин:

— Первое время страшно били, особенно меня, потому что я старший, к тому же — командир расчета. Всю правую ногу истыкали ножом, пытали током. Кстати, на нас приходил смотреть сам Шеварднадзе, но не в камеры — нас вывели ему показать. Он ничего не сказал, посмотрел и ушел, а после него зашел какой-то генерал и ударил меня ребром ладони по шее. Держали нас с братом в разных камерах. Когда везли на обмен, велели требовать, чтобы за него отдали троих их раненых пленных, которые здесь, в Гудауте.

Беслан поясняет:

— Подобные действия — очередное нарушение договоренности: вплоть до самого последнего момента нам обещали отдать обоих братьев. Оставлять одного заложником — откровенный шантаж. Но, знаешь, мы решили покончить со старой практикой, когда меняли «всех на всех». Эти великодушные (поскольку у нас, как правило, находилось больше пленных солдат противника) жесты в итоге приносили сильный вред: мы честно отдаем всех, потом же оказывается, что еще кто-то из наших ребят остался там. Теперь позиция однозначна — только «человека на человека». Мы вынуждены так действовать еще и потому, что грузинская сторона до сих пор отказывается предоставить нам списки находящихся у них пленных абхазских бойцов, сообщая лишь, что их «около сорока». Я могу начинать переговоры, только когда получаю — самыми разными путями — точные данные о ком-то из наших. В Сухуме упираются: мол, согласно Женевским конвенциям, воюющие стороны могут удерживать у себя пленных до конца войны. Что ж, хоть так признали нашу независимость — ведь эти конвенции устанавливают гуманитарные нормы для межгосударственных конфликтов…

Впрочем, Сергей и Слава ничем конкретно помочь не могли: «Когда ко мне пришли из Красного Креста, я смог через дверь услышать, что в соседней камере тоже сидит абхаз», «В восьмой камере — никого, в девятой — трое, в десятой — два абхаза, в одиннадцатой — один, в тринадцатой — еще два человека».

В комнату набиваются люди — родственники пропавших без вести. Ребят засыпают вопросами. Сергей, увидев белокурую немолодую женщину, отводит глаза: «Я про вашего сына знаю — погиб». Мать заходится в страшном крике. Эсма и Лена — сотрудницы Комиссии — бегут с водой, каплями, обняв, уводят ее в соседнюю комнату.

— Если бы ты знала, сколько раз мне вот так приходилось первому сообщать родителям, что сын уже не вернется, — тихо говорит Беслан, когда все уходят. — И ведь каждый день несчастные родственники заходят, спрашивают, есть ли какие-нибудь вести. Если нет, упрекают, что ничего не делаем, если известно, что в плену — почему не меняем, как будто все от нас зависит. И ответить нечего — исстрадались люди. Чокнусь я скоро на этой работе…

В конце июля работавшие в Сухуме представители швейцарского Красного Креста направили

в ООН сообщение о противоречащих гуманитарным нормам условиях содержания абхазских пленных. Только тогда — почти через год после начала войны — Эдуард Шеварднадзе отдал приказ, чтобы с пленными обращались по-человечески. Между тем, когда после обмена Юрова и Дереберина абхазская Комиссия по делам военнопленных выступила с соответствующими обвинениями в адрес сухумских властей, возмущению грузинской стороны по поводу «инсинуаций» не было предела. И только через неделю после заключения 27 августа Соглашения о прекращении огня удалось обменять Георгия Дереберина и еще одного местного парня — Александра Трапезникова — на двух грузинских военнопленных. * * *

Журналистов селят в местном «Президент-отеле» — пансионате «Черноморец». Вечерами на пляже собираются его обитатели — сухумские беженцы, тоскуя, смотрят на другую сторону бухты: там видны огни ночной столицы. Зурик — худющий шебутной парнишка с цыганскими глазами — жил на окраине, в Новом районе, так что можно даже дом разглядеть. С осени нет никаких известий о близких — родителях, жене, двух маленьких дочках.

— Хочешь — верь, хочешь — нет: я до войны пузо имел! Тридцать килограммов сбросил за это время.

— А раньше чем занимался?

Отвечает уклончиво. И только потом, когда стали настоящими друзьями, признался — «вором был»:

— С детства дружил с грузинами, мингрелами да сванами — даже абхазского языка не знаю. В нашей бригаде один был абхазом, и кличка моя — «Абхаз». Мы такие были друзья — если надо помочь друг другу или там денег на адвоката — нет проблем! Я за каждого готов был голову положить! Когда война началась, мы все сидели в кафе, отмечали два года моей дочки. Тут арбузы привезли, я выбежал купить пару к столу, встретил крестного, тот кричит: «Тбилисские бляди пошли к нам порядок наводить!» Вернулся, рассказал пацанам, они заорали дружно: «Мы сухумчане — не допустим!» — так тепло стало. Потом меня соседи-мингрелы прятали, выбрался сюда только в октябре, через российскую воинскую часть. И за эти три месяца я пережил страшное — один за другим терял друзей… Из нашей компании, насколько я знаю, только трое уехали, не взяли оружие. Остальные, если живы, сейчас стреляют в меня… * * *

Спецкор «Рейтера» москвич Вадик Аллахвердиев, съездив в освобожденную Шрому и поснимав от души, просто обалдел, когда по возвращении в Гудауту услышал по телевизору: «Агентство „Рейтер“ сообщает — Шрому контролируют грузинские войска». Срочно побежал звонить в Москву, в бюро: «Ребята, я только что из Шромы — она абхазская!». Абсурд продолжался: из вечернего выпуска новостей мы узнали, что генерал Каркарашвили выдвинул ультиматум — если абхазы не отдадут Шрому, то с полуночи он начинает широкомасштабное наступление на Гудауту.

Мы сидели в «Черноморце» и ехидно рассуждали: может, пока не поздно, пойти на пляже окопчик вырыть… Впрочем, как и ожидалось, наступления не было: сейчас перевес явно на стороне абхазов. Зурик сочинил анекдот: «В Тбилиси выпустили новые часы, называются „Сакартвело“ — „Великая Грузия“. Стрелка только одна — на двенадцати — а вместо кукушки сам Каркарашвили выскакивает и кричит: „Кукареку!“» * * *

Тост Валерия Гумба — начальника пресс-центра Минобороны:

— Давайте выпьем за мир. Конечно, я хочу, чтобы мы победили. Но главное — пусть восторжествует справедливость: если правы мы — пусть мы победим, если они — пусть Бог им даст Победу. * * *

Все яснее становится, что уповать на помощь или хотя бы объективность мирового сообщества, питающего ностальгическую любовь к горбачевскому министру иностранных дел СССР, могильщику Варшавского договора Эдуарду Шеварднадзе, не приходится. Последняя гудаутская хохма: оказывается, предки-то Генерального секретаря ООН Бутроса Гали — уроженцы Гали, абхазского города, в котором преобладает грузинское население, вот он и покровительствует землякам.

Впрочем, удивительнее то, что иллюзии в отношении ООН столь живучи. Ведь еще в сентябре минувшего года специально посланная миссия под руководством Густава Фейсела собирала материал для доклада в Совете Безопасности, жуя тбилисские шашлыки (о чем горделиво заявил в интервью республиканскому телевидению первый замминистра иностранных дел Грузии Тедо Джапаридзе). Усилия поваров не пропали даром: в подготовленном миссией докладе Абхазия фигурировала как «тюркоязычная и преимущественно мусульманская страна». * * *

Аида Капш работает машинисткой в пресс-центре Минобороны:

— Из Сухума мне удалось выбраться лишь 1 июля, да и то контрабандой. Потому что те, кто хочет уехать, заносятся властями в списки, а у меня брат семнадцатилетний, мы его все это время дома прятали: они ходили по домам и хватали первых попавшихся людей, чтобы потом обменять их на своих пленных. У одной женщины мать забрали больную восьмидесятилетнюю. Она плакала, просила оставить мать: «Лучше меня возьмите!» — бесполезно. К счастью, друзья наши, армяне, взяли нас с братом с собой, сказали, что мы — члены их семьи. Так и выбрались, а мама там осталась.

Перед самой войной я устроилась в Министерство образования секретаршей. И в сентябре волей-неволей вышла на работу — семью кормить как-то было надо. Там, в министерстве, вообще многонациональный коллектив был — русские, армяне, гречанки. А потом с каждым днем их все меньше становилось, все больше приходило новых сотрудников-грузин. И я уже чувствовала, что надо мной тучи сгущаются, но совсем невозможно стало после мартовского наступления наших. Я несколько дней на работу не выходила, затем пришла — все в одной комнате сидят, что-то бурно обсуждают. Я вошла — сразу замолчали, посмотрели недобро: «А мы уже собрались фасоль варить — поминки по тебе устраивать».

Если бы ты смогла пройти по городу, поговорить с людьми, почувствовать, как и чем они живут! Голодуха, ни электричества, ни воды, ни газа. Спасал только «кофе», мы на него и пшено, и горох, и геркулес пережарили. Вечером за чашечкой с соседями соберемся — стариками в основном — и они говорят: «Бог с ним, с городом, новый построим, лишь бы наши дети поскорее пришли — живые!» А многие так отупели от этого кошмара, что уже ничего не хотят — только бы все кончилось, а как — уже неважно. И еще выручала «Просто Мария». Правда-правда, вроде бы такой этот сериал глупый, но все так скучают по нормальной, пусть хоть в Бразилии, жизни, что, если вдруг свет дают и телевизор работает, люди даже на обстрел внимания не обращают, в укрытие не бегут: сидят и смотрят, не отрываясь…

И знаешь, я здесь, в Гудауте, так обнаглела! В Сухуме после часу дня нос из дома высунуть боялась. А тут — в шесть часов вечера спокойно иду по улице и, самое удивительное, ловлю себя на мысли, что иду — и просто так улыбаюсь! * * *

Вечером заходит Зурик, мертвецки — до трезвости — пьяный. Оказывается, он узнал: на днях в Сухуме повесили его друга детства, грека — отказался идти воевать. Осталась двухлетняя дочка. * * *

— Ты вот говоришь — в Москве кавказцев-преступников много. Что ж, это правда. Но знаешь, как готовят мамалыгу? Кукурузную муку высыпают в воду и размешивают: добрая мука

оседает, а вся шелуха всплывает на поверхность. Вот наша шелуха к вам и подалась — здесь жизнь сейчас не по ним… * * *

Диктора республиканского телевидения Зураба Аргун дразнят «абхазским Левитаном» — именно ему в августе пришлось читать правительственное сообщение о начале войны. Кстати, АбхазТВ стала одной из немногих организаций, сотрудники которой сумели не растеряться в августовской панике и эвакуировать из Сухума всю необходимую для вещания аппаратуру. Результаты этого подвига трудно переоценить: в военной Абхазии телевидение стало основным источником информации.

Телестудия в Гудауте располагается в детском саду, корреспонденты делают ежедневные выпуски за низенькими столами, сидя на крошечных стульчиках. Там всегда можно было пообщаться со «своими» — журналистами Русланом Хашиг, Жорой Гулиа, Радой Аргун, Эсмой Ходжаа, Дауром Инапшба, Энвером Арджения.

Амиран Гамгиа и Славик Сакания, летевшие на вертолете из блокадного Ткварчели, были сбиты, побывали в плену. После их рассказов о пережитом прекраснодушные рассуждения московских правозащитников о международных конвенциях в отношении журналистов выглядят, мягко говоря, наивными. * * *

В Гудауте несложно поймать и тбилисскую программу. С интересом наблюдаю за трансляцией заседания грузинского парламента — даже не зная языка, легко лишний раз убедиться: депутат — это диагноз. Далее в программе «Семнадцать мгновений весны» — тоже на государственном языке: «Гамарджоба, батоно Мюллер!» * * *

— Слушай, ты к нам на позиции хочешь — и не боишься?

Смуглая, невысокая, глаза шалые. Камуфляж, автомат на плече.

— Конечно, боюсь — только дураки ничего не боятся.

— Значит, я — дура. После второго выстрела зверею и уже совсем не страшно. Но ничего, не бойся — убережем!

Потом, уже в Верхней Эшере, ее боевые товарищи подтвердили: «Она правда ничего не боится! Вообще Ляля — удивительный человек: в ней сочетается все. Вот она курит — не как женщина, а по-мужски, — и выпить может, а на язык ей вообще лучше не попадаться! Но когда спускаемся в тыл, она оденется, подкрасится — смотришь и удивляешься: „Неужели эта красавица — наша Лялька?!“»

Ляля — санинструктор кабардинского отряда под командованием Ибрагима Яганова. Если в начале войны подразделения абхазского ополчения были смешанными, то уже к зиме армия разделилась на несколько мононациональных отрядов: абхазские, кабардинские, чеченские, славянские («казачьи»), армянский — имени маршала Великой Отечественной Ивана Баграмяна. Произошло это вполне естественным образом: во-первых, у каждого народа свои боевые традиции, во-вторых, взаимопонимание (в том числе и языковое) легче, наконец, перед земляками труднее струсить, тем более сподличать. Впрочем, жесткого разделения все равно нет: к примеру, в отряде Ибрагима есть и осетин, и несколько абхазов.

— Ляля, ты профессиональная медсестра?

— Нет, но когда папа болел, никого, кроме меня, не подпускал, так что и уколы, и капельницы — это я давно умею. Вообще-то я в Москве живу, двое детей там, старший сейчас в институт поступать будет. Однако, как только война началась, сразу приехала — я же абхазка! Сама себе дала слово: до Победы отсюда ни шагу.

Недавно Ляля отмечала день рождения. Ребята подарили магазин патронов.

И еще один рассказ о Ляльке:

— Однажды под обстрелом мы с ней побежали за нашим пацаном раненым. Она несется прямо во весь рост, даже не пригнется. Вокруг же так и свистит — страшно, сил нет! Но делать нечего — приходится тоже во весь рост бежать, а то стыдно. И вот я бегу, не отстаю и только шепотом Богу молюсь: «Господи, ну когда же эта блядь пригнется!» * * *

Отряд несет службу в Верхней Эшере, на переднем крае Гумистинского фронта. Грузинские позиции на противоположном берегу видны невооруженным глазом. Спускаются сумерки. Мы сидим в саду, под персиковым деревом — аромат необыкновенный, тишина, только пчелы жужжат.

— Ребята, да у вас тут прямо рай!

— Подожди, скоро ад начнется…

А пока «ад», то есть еженощный обстрел, не начался, Ибрагим угощает меня солдатской кашей.

— Ибрагим, не обижает вас, когда воюющих в Абхазии северокавказских добровольцев называют наемниками?

— Не обращаю на это внимания. Такие люди в лучшем случае судят по себе, в худшем — сознательно лгут. Покажите мне здесь хоть одного, кто получает деньги! Я тут не из-за каких-то политических идей, просто помогаю друзьям: до войны часто сюда ездил, в августе прошлого года, когда начались бои, проводил в Сухуме медовый месяц. Отвез жену в Нальчик и с 20 августа — в Абхазии, потому что человек, у которого есть чувство справедливости — не только по отношению к своему, но и к соседскому народу — сейчас не может сидеть дома.

— А я считала, что вы приехали по линии Конфедерации народов Кавказа.

— К ней — и вообще к политике — не имею никакого отношения. Я фермер, занимаюсь разведением знаменитых кабардинских скакунов, а до этого служил в угрозыске. С КНК я столкнулся уже здесь, на войне. Вообще, Конфедерация — отдельная тема. Само это слово у многих ассоциируется с терроризмом, экстремизмом, фундаментализмом. Но я думаю, что в Москве должны если не полностью признать КНК, то хотя бы найти с ней точки соприкосновения. Пока же все то, что России не нравится на Кавказе, моментально связывают с Конфедерацией, ее преподносят как какую-то надправительственную структуру, стремящуюся захватить власть в регионе. Но, во-первых, главы правительств кавказских республик этого не позволят. Во-вторых, у КНК нет для подобного реальных возможностей. В-третьих, это обыкновенная общественная организация и именно так к ней и нужно подходить.

— Ничего себе общественная организация — с собственной армией!

— Могу вполне компетентно заявить: войск Конфедерации нет и не было. Это миф, сочиненный самими конфедератами для поднятия своего престижа. На самом деле у КНК есть штаб, президент, парламент — и все! Конечно, у любого общественного объединения существуют как положительные, так и отрицательные стороны.

— Последние часто называют «чеченским синдромом».

— Что ж, и я, и многие другие признают: в Чечне сильно развит экстремизм, да и вообще вся политика пошла совершенно не по тому руслу. О свободе мечтают все народы, но там ее

пытаются добиться путем борьбы с так называемым великодержавным русским шовинизмом, священной войны с русскими. Однако история доказывает, что сегодня решать проблемы при помощи силы невозможно. Свой экстремизм чеченцы пытаются экспортировать в остальные кавказские республики — в том числе и через некоторых лидеров Конфедерации. Но право голоса имеет каждый из двенадцати членов КНК. Ни в Кабарде, ни в Дагестане — я уж не говорю о прочих — с этим не согласны, Чечня — еще не весь Кавказ. Так вот, о негативных моментах в работе Конфедерации Россия рассуждает очень много и обоснованно, но нельзя же забывать и о хороших сторонах ее деятельности. Я отлично помню предвыборную кампанию известного политика Сергея Шахрая, специалиста по национальным вопросам. Он тогда очень любил повторять, что изучал опыт работы парламентов ряда европейских стран. Вероятно, он действительно неплохо в этом разбирается, только упустил один момент: когда в Европе оказывается на грани исчезновения растение или какая-нибудь птичка, это серьезно обсуждается в парламенте. А когда в Абхазии такая угроза нависла над целым народом, никто, кроме Конфедерации, не встал на его защиту. И теперь, спустя год, необходимо признать, что КНК сыграла немалую роль в деле помощи абхазам. Еще одно большое дело конфедератов — налаживание принципиально новых отношений с казачеством. В старину казаков использовали как живой забор, сдерживавший набеги кавказцев. Слава Богу, нынче мы все начали понимать, что возрождение — прежде всего в культурном, экономическом, этническом плане — без единства и взаимопомощи невозможно. Помимо того, хотя кое-кто не желает это признавать, между нами уже есть и определенное этническое родство. Казачество признало Конфедерацию и, думаю, в ближайшее время войдет в нее как одна из народностей Северного Кавказа, что очень благоприятно скажется на ситуации в регионе.

— А насколько на эту ситуацию влияет грузино-абхазская война?

— Уверен на сто процентов: сейчас тут решается судьба Северного Кавказа как части Российской Федерации. Абхазия тоже когда-то была ее частью, между тем Россия до сих пор старалась остаться в стороне при решении абхазского вопроса. Лично я всегда считал: Северный Кавказ — ее неотъемлемая часть, но с особым статусом и правом требовать к себе соответствующего уважения. Поэтому такое непонятное отношение Москвы к своей южной окраине, участи малого народа заставляет нас задуматься — а как в случае чего поступят с нами? Кстати, это тоже стимулирует развитие Конфедерации как структуры, необходимой для самосохранения. Но почему Россия должна ставить нас в такое положение, когда приходится думать о самосохранении? Если так будет и впредь, в наших республиках обязательно встанет вопрос о дальнейшем пребывании в составе Федерации.

— Не в обиду вам будет сказано, это непонимание во многом обусловлено страхом перед кавказцами, в возникновении которого повинны ваши земляки, устроившие в Москве криминальный беспредел.

— С этим трудно спорить. Только почему так получилось? Сейчас Кабарда перенаселена и большинство ее жителей — безработные. Причина же в том, что когда-то один идиот написал диссертацию: у подножия Эльбруса надо построить гидрометаллургический завод! Его строят, требуются рабочие, а кругом одни пастухи и чабаны — значит, давайте вербовать в России. Хорошие специалисты нужны и там, соответственно, едут не лучшие представители. Чтобы построить им жилье, отбирают у крестьянина пастбище и штампуют на нем пятиэтажные бараки. Парень, оставшийся без скота и земли, приезжает в город и поселяется в общаге — гадюшнике, где он быстро становится наркоманом и преступником. И вот из этого слоя выходят люди, которые со школы практически ничем не занимаются, — такие подонки есть в любом народе. В Нальчике ему трудно жить — здесь его знают, он отправляется в Москву и разворачивает там преступную деятельность. Кстати, с приезжими рабочими часто получается то же самое, потому что заводы стоят из-за отсутствия сырья. Извините, но Москва чего добивалась, то и получила!

— Где же выход из положения?

— Надо предоставить всем субъектам Федерации самостоятельность, дать им возможность восстанавливать традиционные национальные промыслы. Кавказ — это здравница: у нас альпийские луга, плодородные земли — все наши республики сугубо аграрные. Но до этого никому нет дела — власти заинтересованы в сохранении подобной ситуации: ведь тогда в любой момент можно ввести войска! Возьмем ингушей — они на Москву молились, отделились от Чечни, чтобы остаться в России. Несколько лет ездили, просили решить вопрос о Пригородном районе и их исконных землях. Вместо того туда присылают главой администрации генерала, подливающего в этот огонь бензин. А тяга к войне и оружию у кавказцев в крови, этого не отнимешь. Ингуши нападают на осетин, и в регион моментально стягиваются войска. Такого погашения очага напряженности я врагу не пожелаю. Между кабардинцами и балкарцами тоже есть территориальные споры, назревает взрыв, но Россия не вмешивается — а вдруг Кабарда тоже захочет отделиться? Чтобы это остановить, нужно перессорить людей, потом бросить туда армию и взять все под контроль!

— Тогда получается, что вмешательство России только портит дело.

— Смотря как вмешиваться. Раз Москва несколько веков выступала в роли Старшего брата, она и должна заниматься ликвидацией последствий этой политики — по крайней мере, пока все не урегулируется и не встанет на свои места. На сегодняшний день говорить об отделении Балкарии от Кабарды бессмысленно, надо — чисто дипломатическими методами — дать балкарцам понять: как жили, так пока и живите.

— Вряд ли балкарцев удовлетворит этот вариант…

— Но не Кабарда же хочет отсоединиться, вопрос поднят балкарцами — и не чабанами, пасущими лошадей в горах, а кучкой интеллигенции, которой в Нальчике не хватило министерских портфелей. Ныне не та ситуация, пожар абхазского конфликта может в любую минуту перекинуться на эту сторону границы. Вот когда народы будут психологически и экономически готовы самостоятельно решать свои проблемы — ради Бога.

А потом с того берега ударили минометы. И в аду уже было не до разговоров. * * *

После крупных боев на пару дней объявлялось перемирие для обмена трупами погибших. На Кавказе быть похороненным не родственниками — против всех обычаев. Но бывало, что осиротевшие родители говорили:

— Не надо перемирия, ведь они за это время смогут получше укрепиться, чтобы потом убить больше наших ребят. Наш сын и так лежит в своей земле. Это мы должны придти к нему… * * *

Ночь. Мы сидим на лавочке в беседке «Черноморца».

Мне не спится, а Катька ждет, когда с позиции приедет Он. Темнота такая, что не то что ее лица — собственной руки не видно. Только огонек сигареты и сбивчивый, негромкий голос:

— Ты не подумай, что я голодная, что за этим приехала: у меня дома семья, сын, муж, и я его люблю, на самом деле люблю. Попала сюда случайно, с делегацией народной дипломатии, и вот застряла… Потому что у меня тут с этим парнем — не блядство. Это — Разговор с Богом.

Если б не война, мы никогда не то, что вместе — в одной компании бы не оказались. Он на шесть лет моложе, веселый, холостой, состоятельный — сам говорит, что в мирное время через день в ресторан ходил. И приехала бы я — старая баба с жалкой своей сотней тысяч. Да он и взгляд бы не задержал, а нашел бы восемнадцатилетнюю, с двухметровыми ногами и в платье от Диора. И я бы по-другому его оценила — гладкий, самоуверенный — типичный курортный контингент. А теперь война нас всех очистила и всех выровняла.

Вот он вечером приезжает, и я его хотя бы хлебом с маслом могу накормить, а иногда даже коньяка купить бутылку. Он каждый день под обстрелом — видела, их машина вся пулями и осколками продырявлена, — а назавтра ему опять на передний край и каждая ночь может стать последней. И я в такую ночь — как Последняя Женщина на Земле. Мы говорим друг другу такие слова, которые никогда и никому, наверное, не сказали бы. А потом он спрашивает: «Мы после войны встретимся?» Я отвечаю: «Конечно, обязательно встретимся!» Радостно переспросит: «Правда? Ты правда этого хочешь?» — «Ну конечно!»

На самом деле мы никогда больше не увидимся. Никогда в жизни сюда даже отдыхать не приеду. Только тогда я это навсегда сохраню, и никто это у меня не отнимет. Потому что знаю: он вскользь посмотрит — и не узнает. А узнает — так еще хуже… * * *

— Когда ехал в Москву лечиться, со мной в купе бабушка русская села. Ты бы видела, как она по бумажке собирала, чтобы за белье расплатиться. А потом мы разговорились, она заплакала, в сумке покопалась и достает деньги: «Сыночек, у вас война, возьми, в дороге пригодится!» Конечно, я их не взял, но представляешь, что для этой бедной бабушки тысяча рублей! Я тоже заплакал… * * *

При первом знакомстве с абхазским языком сразу бросается в глаза забавное изобилие слов на букву «А» — амагазин, афильм, асувенир.

На эту тему даже есть анекдот: «Русский спрашивает абхаза:

— Почему у вас все слова начинаются с буквы „А“?

— Афиг его знает!»

Вообще же на такие вопросы, особенно заданные с насмешкой, абхазы здорово злятся. Объясняют: это обычные в каждом языке заимствованные слова, графика в абхазском языке на основе кириллицы, пресловутая буква «А» — сродни английскому неопределенному артиклю «а», обозначает у существительных именительный падеж единственного числа, только вот пишется слитно. А обижаются потому, что, во-первых, достали. Во-вторых, это для них больной вопрос, связанный с пережитой выкорчевкой всего абхазского. Именно поэтому при бывшей власти, построив, к примеру, торговую точку, на вывеске ляпали «амагазин», хотя есть хорошее абхазское слово — «адукьан».

История абхазского языка трагична, как и история народа:

— У нас в отряде воюют два парня-добровольца из Турции, потомки наших изгнанников-махаджиров: Хаджарат и Багры. Так Хаджарат влюбился в нашу медсестру, захотел жениться. Но надо же с ней объясниться, а в его семье за годы изгнания забыли абхазский язык, он говорит только по-турецки, только Багры абхазский знает, он при нем переводчик. А сама девочка, хоть и абхазка, местная, родного языка не знает. И вот представляешь себе этот свадебный прикол: сначала Хаджарат слова своей любви по-турецки говорит Багры. Багры идет искать другую нашу медсестру, говорит ей о влюбленном джигите по-абхазски. Та находит красавицу и уже по-русски объясняет ей, что к чему. Видно, так доходчиво объяснила, что та согласилась. И ее согласие тоже прошло по цепочке в обратном порядке. Теперь Хаджарат ради нее учит русский, а она — ради него — турецкий. Но ты не представляешь, как мне больно, что они и не собираются учить абхазский — если не ради друг друга, то хотя бы ради своих будущих детей… * * *

Операция Госкомитета России по чрезвычайным ситуациям по доставке гуманитарной помощи в блокадный шахтерский город Ткварчели шла четыре месяца. Первый зампред ГКЧС Юрий Леонидович Воробьев говорил мне потом, что из множества проведенных операций эта запомнилась больше всех:

— Тогда мы спасли пять тысяч человек — и вы бы видели, какие это были несчастные люди! После я получил письмо от сухумской общины Церкви евангельских христиан-баптистов: «Да благословит Вас Бог, да благословит Бог Россию, всех живущих в ней, и да даст Он Вам силу и желание и впредь не оставлять нас в беде…» * * *

Анатолий из Очамчиры, 54 года, закончил Московский инженерно-строительный институт:

— Что с моей семьей — не знаю. Сам чудом уцелел: поставили к стенке, стреляли вокруг головы, прострелили ноги. Раньше строил жилые дома, общественные здания, после войны, если выживу, будет нужна моя профессия. А сейчас приходится только разрушать. Вы этого не испытали, понять не можете… * * *

Пицундские пацаны, превратившие сувенирный магазин на территории древнего Храма в свой детский штаб, объяснили: «А над входом мы повесим наш флаг». «Какой „ваш“ — абхазский?» — «Нет, флаг Бога — белый с красным крестом. Это нас так один солдат научил…»

Гудаутский госпиталь. Министр здравоохранения республики Отар Владимирович Осия печально изучает длиннющий список самого необходимого:

— Вот взгляни — ампула этого лекарства стоит 10 тысяч. А знаешь, сколько их нужно на курс лечения только одного раненого? Тридцать четыре…

В дверях появляется Вячеслав Абухба — теперь он работает здесь хирургом:

— У нас сейчас много коллег из всего бывшего Союза трудится. Все бесплатно — добровольцы, кто в очередном отпуске, кто «за свой счет». Из Саратова приехали Андрей Тусеев и супруги Лепихины — Наталья и Владимир, из Нальчика — Аслан Шаов, из Еревана — Артур Сепян. А вот, видите, в окне второго этажа: врачи чай пьют? Это наши сибиряки из Сургута: Михаил Отроков и Николай Васильевич Иванов, заслуженный врач РСФСР, главный хирург своего города. Хотите познакомиться?

Поднимаемся, знакомимся. Михаил наливает нам чаю.

— Вы здесь по линии Красного Креста?

— Нет, ко мне в конце июня друзья из Ткварчели приехали, я у них в доме не раз отдыхал, — рассказывает Николай Васильевич. — Страшно слушать было, что здесь творится! Не помочь — просто нельзя, мы решили ехать и правильно сделали. Уладили все вопросы с администрацией и нас отпустили без проблем. Кстати, были и еще желающие помочь.

— Нам никто не предлагал, — подхватывает Михаил, — мы добровольцы. Ведь раньше здесь люди со всего Союза здоровье поправляли: сам я на юге впервые, но, работая в Сургуте, постоянно в медицинских картах встречал названия абхазских курортных городов. И вот сейчас — как будто в знакомые места приехал…

Сибиряки оперируют в одном из самых сложных отделений — реанимации: «Время летит очень быстро, как один бесконечный день». Последнее время 90 процентов ранений — осколочные и взрывные, пулевых практически нет:

— Ребята говорят — если бы лицом к лицу, в честном бою — не так обидно. Ранения все нестандартные, тяжелые, причем, как говорится, не «образца сорок первого года». С тех пор вооружение значительно усовершенствовалось — раны большие, с поражением нескольких органов. А мы ведь вообще-то «мирные» хирурги.

— С другой стороны, — замечает Николай Иванович, — сориентировались довольно быстро. Я работаю хирургом тридцать лет, приходилось оказывать помощь и за пределами Сургута,

вылетал на места крупных катастроф в Тарко-Сале, Нижневартовск. Охотников в Сибири много, так что нас ни огнестрельными, ни дробовыми, ни ножевыми ранами не удивишь. Правда, вот осколочных, действительно, не попадалось.

— Тут на днях привезли ребенка — сильно покусан собственной собакой. Наверное, состояние человеческого страдания, ожесточение — то, что мы иногда не можем выразить словами — передается даже домашним животным.

По госпиталю летают стайки юных практикантов, студентов Нальчикского мединститута. Старшие товарищи отзываются о них с уважением: «Если на практику сюда, а не куда поспокойней приехали — значит, не случайные в нашем деле люди»:

— Один практикант на днях ассистировал нам на операции: хороший парень, интересуется хирургией — чувствуется, что из него толк выйдет. Сейчас ведь идти в медицину особого рвения у молодых нет — тяжелая, низкооплачиваемая работа. Но нас жвачкой торговать не заставишь, хоть миллионы давай! Это не бизнес, а спекуляция кругом идет, и в Сургуте и в Москве, только вам материально тяжелее живется, у нас все-таки заработки повыше.

— Семьи не боялись вас сюда отпускать?

Михаил пожимает плечами:

— Нормально поняли — на войне как на войне. Вы правильно отметили — мы вечно чего-то боимся. Но ведь именно мы — сами! — должны определять жизнь своей страны. А то в российском руководстве сейчас находятся люди, которые, как чеховский человек в футляре, всегда боятся — как бы чего не вышло. Но Россия же имеет громадное влияние на судьбы народов нашей бывшей страны, она должна, просто обязана помочь Абхазии: горстка народа бьется с такой махиной…

Прощаемся — врачам пора на очередную операцию. Уже за дверями Вячеслав тихонько говорит:

— Вам они еще многое из скромности не сказали. Ведь, как и мы, работают круглые сутки, живут прямо тут, в госпитале, Николай Васильевич своим огромным опытом делится. Кстати, привезли с собой на 60 миллионов гуманитарной помощи — около тонны медикаментов, перевязочный материал, инструменты — собрали подарок сибирские коллеги. Когда такие люди приезжают, тверже веришь: справедливость — на нашей стороне. И усталость уже не так чувствуется… * * *

— Знаешь, есть такой карточный пасьянс, по преданию, его придумала сама Мария Стюарт. Он вообще-то простой, вот только складывается очень редко, и есть поверье, что это происходит перед какими-то значительными событиями: у самой Марии он сложился единственный раз — накануне дня ее казни. И вот 13 августа я вечером вдруг решила его раскинуть — получилось! Я подумала — ошибка, раскинула еще раз. Опять сложилось. Я, дурочка, обрадовалась — не иначе как замуж выйду! А на следующий день война началась…

Мы с Макой сидим на лавочке в госпитальном дворе — надеялись спастись от духоты ординаторской. Но и здесь полуденный воздух густой от зноя и скороговорки кузнечиков. Несколько разномастных собак, млеющих поодаль, ленятся даже хвостом вильнуть.

— У нас уже целый собачий приют при госпитале образовался: хозяева уезжают, а своих дворовых псов бросают на произвол судьбы. А вот этот, Черныш, — он вообще беженец из Шромы, прибыл вместе с ранеными на санитарной машине. Парень-шофер рассказал: пока раненых заносили, песик забился под носилки и ни в какую вылезать не хотел. Не было времени с ним под обстрелом возиться, да и жалко. Так вот и спасли Божью тварь…

Идиллию нарушают протопавшие мимо нашей лавочки мужики с автоматами. Беженец Черныш недовольно косится вслед.

— А знаешь, какой у меня был первый раненый на этой войне? Когда в Сухуме началась стрельба, я с перепугу побежала к подруге в соседний дом. Смотрю — дверь квартиры настежь раскрыта, в комнатах все вверх дном и тут истошный вопль: «Сто-о-й!» И вижу: на кровати в позе роженицы лежит здоровенный окровавленный детина с автоматом. «Опустите автомат, я врач, окажу вам помощь». Подхожу, осматриваю: ого! — пулевое ранение прямо между ног, мошонка вдребезги! Я рву халат подруги на бинты, спрашиваю: «Откуда ты сам?» — «Из Телави». — «Ага-а, — думаю, — ты сюда из Телави пришел порядок наводить… Метко стреляют абхазские воины!» Перевязала, подошла к окну — там как раз напротив стоит Первая городская больница, кричу по-русски: «Помогите, раненый!» Никого и ничего. Понятно — там почти одни грузины работали. Тогда я то же самое — по-грузински, я от соседей немножко научилась. Тут, смотрю, зашевелились, выбегают с носилками, значит, пора мне исчезать. И, пока я бежала домой, я всеми силами души молилась, чтобы не встретить никого из знакомых! Потому что платье мое белое все в крови и сперме, и запах совершенно недвусмысленный, попадись я кому-нибудь на глаза, уже никогда в жизни бы не доказала, что не утратила чести! И, видно, Бог на меня посмотрел — ни одной живой души по дороге не встретила.

Но самое интересное — на днях соседи мои сухумские эвакуировались и рассказали, что меня недавно искал какой-то громила с ящиком тушенки. Вот ты представляешь, как они вычисляют! А соседка по площадке, грузинка, на него погнала: «Ты ей тушенку принес, а она фашистка, она сейчас в Гудауте, против нас воюет!» — «Ну и пусть воюет, она доктор, она мне жизнь спасла! Тогда бери хоть ты этот ящик — не обратно же тащить!» И ведь не постеснялась эта змея, взяла и даже ни с кем из соседей голодных «гонораром» моим не поделилась…

А теперь я раненым, что через мои руки прошли, уже и счет потеряла — круглые сутки работаем. И еще за маму очень беспокоюсь, она в оккупации, в селении застряла. Я сначала представляла, как здорово будет: мы село освобождаем, а мама меня ждет, встречает. Кто ж думал, что это все так всерьез затянется! Теперь вот дни и ночи думаю, как бы только мне ее вызволить… * * *

На дверях кабинета, где живут офтальмологи Лепихины, самодельный плакатик: «Здесь живут врачи» — и большой Глаз. Наташа чистит картошку для супчика:

— Хуже всего то, что нет микроскопа и другой необходимой аппаратуры для микрохирургии. По сути дела, работаем топором, а ведь это все-таки глаза… Я двадцать лет оперирую, с такими повреждениями до сих пор сталкиваться не приходилось, но ничего, делаем, что можем. Ведь в сочинских больницах одно содержание раненого в пять тысяч в день обходится! Так представляешь, сколько мы с Володей денег Абхазии сэкономили?

Саратовскую больницу, где работают супруги, на два месяца закрыли на ремонт, а тут приехал врач-абхаз, знакомый их главного: очень нужна помощь хирургов-окулистов. Володя тут же согласился.

— Я, как узнала, сразу: «Тоже хочу!» Володя рассердился — нечего, мол, там бабам делать! А когда поехала в аэропорт провожать, тихонько у Джамала спросила: «Второй хирург вам не нужен?» — «Конечно, очень нужен!» И ты знаешь, за эти три дня, пока сама не прилетела, я за мужа вся извелась, от телевизора не отходила! А теперь — вместе, и мне спокойно.

Отпуск у супругов без содержания, да и он уже кончился. Денег здесь не получают, спасибо, главврач саратовский — порядочный человек, рабочие дни ставит. Зато абхазы щедро платят любовью и благодарностью, зовут и в гости в село, и на рыбалку.

— Мы тоже здешний народ полюбили. Обидно только, что наши возможности не до конца использовались: могли бы за это время и профилактические осмотры провести, и консультации дать. Теперь вот уговаривают остаться насовсем. В этой больнице раньше работал хирург — кстати, очень неплохой, я одну бабушку смотрела, он ее десять лет назад оперировал — красиво сделано! Но он грузин, кто знает, вернется ли. И я уже Володе говорю: «Может, правда, останемся? Ну что у нас в Саратове — двадцать человек хирургов! А здесь на самом деле нужны будем людям…» * * *

Сформирован батальон старейшин (от 55 и старше) для несения внутренней службы под командованием шестидесятилетнего Хасана Ходжаева из Грозного, отца погибшего в Абхазии добровольца. Самый старший в батальоне — дедушка Расим из Очамчиры, 84 года: «Вообще я шофер, только один глаз у меня плохой, водить не могу, но из автомата стрелять сумею». Воевал в Отечественную и еще в 89-м, когда были грузино-абхазские столкновения на Галидзгинском мосту. Дочь Этери тоже сражается: «Нет, не медсестра, а сама фронтовичка». Двадцатидвухлетний внук Тенгиз поправляется после ранения. «А ты, дочка, замужем? А то смотри, в невестки возьму!» * * *

Гудаутское кладбище. Похороны добровольца — донского казака Володи Лукашина:

— Сынок, здесь стоят абхазы, чеченцы, кабардинцы — тебя хоронит весь Кавказ. Ты пришел, когда мы оказались в беде, погиб за нашу свободу. И если, не дай Бог, горе посетит твою Родину, Абхазия обязательно придет на помощь… * * *

Вид у меня по-прежнему «не местный», поэтому для поездок ближе к фронту приходится накидывать пятнистую куртку, а то в штатском принимают за привидение отдыхающей и провожают дикими взглядами.

В Новом Афоне у начмедслужбы Льва Аргун прибавилось забот. За прошедшие месяцы с той стороны неплохо пристрелялись: многострадальную Дорогу Грешников раздолбали вконец, снаряды ложатся уже у самых госпитальных стен.

Пришлось вскрыть знаменитые монастырские подвалы. Кладов там, увы, не обнаружилось, зато удалось оборудовать «бункер»: операционную и палаты, где в случае беды можно срочно разместить всех пациентов. К счастью, до этого пока не дошло, но оперировать стали все-таки под землей — там потише.

В соседнем помещении — пункт переливания крови.

— Ну, показывайте гостье свое хозяйство. Только, чур, кровь не брать — а то знаю я вас! — с шутливой строгостью предупреждает Лев.

Женщины в белых халатах весело смеются. Особенно старшая: маленькая, кругленькая, задорная украинка. Когда тетя Валя потом сказала, что ей шестьдесят четыре — я ушам своим не поверила.

В Новый Афон терапевт Валентина Николаевна Ревина переехала в 79-м — климат для приболевшего сына полезный: «Приехала, посмотрела вокруг и почувствовала — моя земля, мои люди. Отныне нам друг без друга никуда».

— А что такое грузинский национализм, я еще несколько лет назад поняла, когда съездила в Тбилиси на курсы повышения квалификации. Курсы — всесоюзные, были врачи и с Белоруссии, и из Средней Азии, и из России, а документацию нам показывают только на грузинском языке! И когда мы возмутились, они так уж были недовольны. Лекцию по сексологии нам читал такой пожилой, матерый красавец. И вот он начал сокрушаться: мол, со времен царицы Тамары трудно найти чистокровных грузин, я очень боюсь, что мой сын не найдет себе чистокровную жену… Я не стерпела и выступила: мол, я женщина старая, в

сексологии, может быть, не очень, а вот в генетике кое-что понимаю. Есть у меня собачка с длиннющей родословной. Решили мы ее с таким же породистым кобельком свести, нашли жениха аж в Новороссийске. Приехали мы с ней, а из собачьего клуба интересуются: она у вас девочка? Нет, отвечаю, согрешила раз с черным армянским кобелем — замечательные щеночки получились! Мне в ответ: ну и забирайте ее обратно к нему — она всю свою родословную из-за этого потеряла. Так вот, вы все так русских женщин любите, что о грузинской чистокровности и говорить смешно! А ваша царица Тамара и вовсе вроде нашей Катерины была — клейма ставить негде! Он весь покраснел, от злобы затрясся — вылетел, дверью хлопнул! И как они меня там не прибили — а ведь грозились!

Когда началась война, тетя Валя стала начальницей службы переливания крови. Теперь все афонцы, рискнувшие остаться жить в городе, где ежедневно идет артобстрел, у нее «под колпаком». В большой амбарной книге переписаны все прифронтовые жители — с адресами и группами крови:

— Если для кого-нибудь из раненых нужна кровь, выезжаем прямо к донорам на дом. Система отлажена, проблемы возникают, только если требуется редкая группа крови. Вот Женя Бондаренко — единственная в городе с третьей группой, резус отрицательный — молодец, опять 500 миллилитров сдала. Так и зовем себя: «вампирши» да «кровопийцы». Коллектив у нас весь женский, дружный. Вчера был праздник, день рождения у Маши, лаборантки, так мы дома всяких лакомств — кто что наскреб — наготовили. И стихи ей на открытку сочинили — как в студенческие годы:

Ты — чудесный человек! Не забыть тебя вовек!

Прикоснутся твои руки — и солдаты вновь в строю.

Вот с Победою вернутся и на радостях напьются,

Нарожают нам ребят, босоногих абхазят!

Вспомним мы, как их встречали,

Как мы кровушку их брали —

Не забыть нам год войны!

Конечно, такого не забыть… Вчера ночью у нас в госпитале парень умер. Его мать — молодая женщина, сорок с небольшим, пятеро сыновей у нее было, старшему всего двадцать три. Так эта война уже четвертого сына отняла, остался последний, десятилетний. И она в уме повредилась: сидит — и то закричит, то засмеется страшно…

На всякий случай я решила проверить свою группу крови. Оказалось — вторая, резус отрицательный.

— Ах, какая кровь редкая, королевская, — мечтательно качает головой тетя Валя. — Жаль, что ты больше в Гудауте находишься. Но, знаешь, если не против, оставь свой тамошний адрес: вдруг кому-то из раненых понадобится… * * *

В госпитальный двор заезжает министерская красная «Нива». Отар Осия знакомит: «Это француз, доктор Морис Негрэ из международной организации „Врачи без границ“. А это корреспондент из Москвы». Морис скептически разглядывает мой боевой наряд. Я напрягаюсь и гордо выдаю: «А ля герр ком а ля герр!». Полный восторг.

Госпитальный шеф-повар Роза угощает нас обедом. Между делом Морис объясняет, что его организации уже 22 года, она объединяет более тысячи врачей-добровольцев из разных стран. Ее представители работают в 76 государствах, там, где разразились крупные стихийные бедствия или идет война:

— Мы не получаем денег за свою работу. Меня и коллег — Рене Латаста и Сильвена Лафрана — сюда привела солидарность, сочувствие к людям. Кстати, согласно нашему уставу, мы абсолютно нейтральны: коммунисты, капиталисты, мусульмане, христиане — раны у всех болят одинаково. В Гудауту приехала наша, французская секция, в Сухуми — испанская. Работа на обеих сторонах — принцип организации, это связано и с заботой о безопасности сотрудников.

— Но ведь существуют Международные конвенции о неприкосновенности врачей?

— На войне никогда нельзя обеспечить стопроцентную безопасность. К примеру, чтобы избежать подозрений в шпионаже, данные о состоянии дел мы сообщаем только в центральное бюро организации. По нашей рации мы можем беседовать с Москвой, Ереваном или Парижем, но никогда даже не будем пробовать поговорить с Сухуми.

— Что вы можете сказать об организации медслужбы в Абхазии?

Морис уважительно качает головой:

— У работающих здесь врачей высокая квалификация и культура. Я в организации с 79-го года, однако нигде не видел таких хороших специалистов. Отлично организована и административная сторона, единственно, где пригодился бы наш опыт — организация аптечных складов. Огромная проблема — ампутации, ведь многие молодые люди стали инвалидами и это очень тяжело для них… * * *

Обед закончен. Морис резюмирует: «Самая лучшая кухня в Абхазии — в новоафонском госпитале!». Французы, как известно, в этом деле толк знают, и теперь слава повара Розы станет международной. Впрочем, она ее вполне заслужила: готовит, как дома, с травками, пряностями — по традициям армянской кухни. Причем зелень, фрукты, овощи Роза, как и все новоафонки, приносит с собственного огорода.

Когда госпиталь обстреливали особенно мощно, случалось, что обед задерживался: очень повар боится «Града». Впрочем, это действительно пострашнее грозы, и, признается Роза, если бы не безмерно уважаемый начальник — Лев Забетович Аргун, может, и эвакуировалась бы. Для Льва Забетовича и гостей у нее всегда найдется «сок из монастырских подвалов» — знаменитое «черное» домашнее вино. При этом Роза доверительно сообщает, что припасла немного и другого — просто замечательного! — вина: «Но его — берегу до Победы…» * * *

— Скажите, это вы — Гелин? — московская тележурналистка Света Беклемищева — талантливый и благородный человек — наклоняется над госпитальной койкой. — А как вас зовут?

— Владилен, — отвечает Дед с невинным видом.

— А отчество?

— Авраамович, — еще невиннее.

Света, растерянно:

— Вы меня разыгрываете, да?

— Да нет, — ехидно улыбается Дед. — Так и есть — Владилен Авраамович.

Накануне ему ампутировали обе ноги.

На передовой его все звали «Дедом». Наверное, из-за бороды, ведь москвичу-добровольцу Гелину — всего 55 лет. Впервые он попал в зону конфликта в январе 1992-го, в составе правозащитной миссии, побывал на обеих сторонах, принимал участие в освобождении пленных и заложников. Разобравшись в происходящем, принял решение: в начале июля 1993 вступил в абхазскую армию. Специалист по взрывчатым веществам, на фронте Дед занимался обезвреживанием мин — успел «снять» более 100, не считая четырех авиабомб. 22 июля, отступая под обстрелом, в темноте наскочил на пластиковую мину-ловушку.

Если на передовой слагали легенды о его храбрости, то после ранения — о мужестве. В таком возрасте перенести несколько операций, потерять ноги и при этом — ни слова жалобы. Попросил, чтобы из Афона его перевезли в Гудаутский госпиталь — там легче будет консультировать уже появившихся у него учеников. Прилетела выхаживать жена — Зоя Николаевна.

На долечивание и протезирование Деда перевезли в Москву. По его словам — ненадолго: «Там по моей специальности еще на много лет работы хватит. Сам уже возиться с минами не смогу, но займусь подготовкой саперов-профессионалов». * * *

— Вот, говорят — пуля не выбирает. На самом деле она очень даже выбирает — именно тех, кто нес в себе лучшие черты абхаза…

Погибла санинструктор Инга Габния: у Шромы она и еще один боец укрылись в пустом доме, забились в угол, Инга положила голову на его колени. Залетевший в окно осколок попал девушке в висок. Парень просто обезумел, ходил, повторял: «Она же меня собой прикрыла». * * *

Эльдар — азербайджанец из Карабаха. Круглый сирота, три года боевого стажа. Утверждает, что ему семнадцать, на вид — не больше четырнадцати, хорошенький, как картинка. Совсем по-детски неравнодушен к жвачке.

— Что значит — почему приехал? Если так рассуждать — почему другой должен воевать, почему не я — никто бы не приехал.

— Но у тебя дома тоже война…

— Там не воюют — там торгуют!

— С местными армянами не ссоришься?

Изумленный взмах ресниц:

— Зачем ссориться? Есть плохие армяне, есть хорошие — все люди разные, мы у Шромы с армянским батальоном вместе были — отличные ребята. А после войны хочу здесь остаться: женюсь на абхазке, виноград разводить буду. * * *

— Все-таки 70 лет Союз был одним целым, делить его по живому невозможно, это больно! И кто спрашивал сам народ — хочет ли он этого?

Советские времена здесь часто поминают добрым словом, многие добровольцы всерьез считают, что воюют «за восстановление Союза». Да, конечно, сегодня рвануло то, что копилось годами, именно с тех, тридцатых советских лет, но — «войны тогда не было». * * *

Заведующий отделом истории средних веков Абхазского государственного музея Ермолай Аджинджал — вылитый Хранитель музея Лебедев из фильма «Белое солнце пустыни»: две андерсеновские «невинные души», затянутые водоворотом войны. К счастью, в отличие от

своего несчастного коллеги, Аджинджалу чудом удалось выжить.

— Когда в Сухум вошли грузинские солдаты, во всем городе начались пожары и грабежи. Люди так ужасно грабили! Я шел по улице, а там двое ребят выносят водку из магазина прямо ящиками, говорят: «Возьми ящик, пригодится!» Не так мне, наверное, надо было сказать, но я ответил: «Нет — я Бога боюсь». Пришлось от них убегать, и я понял, что надо выбираться из города. Пешком добрался до Гумисты, где жил один армянин, он показал брод, где можно перейти. А через несколько дней, по заданию нашей разведки, я вернулся. Знакомые старушки мне дали очень важный материал — про аэродром, расположение войск. Я его спрятал, извините, сюда — за резинку — и вернулся к своим уже как настоящий разведчик. И, знаете, такой гордый был: теперь, если даже и убьют, все-таки успел что-то полезное сделать!

Месяца через два на Гумисте уже стояли заставы, но мне опять пришлось перейти через фронт, потому что надо было окна в нашем музее забить. И вот тогда я начал переправлять по знакомому броду людей, которые хотели уехать, но не имели возможности: женщин своих отвел, некоторых наших сотрудников. Кроме нас, там и другие пытались перейти, только не сумели, потому что гвардейцы начали их обстреливать.

Потом мне сказали, что нужно выручить нашего сотрудника Игоря Мархолия, который скрывался у своих русских родственников: его за книгу «Об абхазах и Абхазии» объявили врагом грузинской нации. Отвел его, возвращался уже вечером. За мостом две машины стояли с грузинами-гвардейцами. Кричат по-грузински: «А ну, иди-ка сюда!» Подхожу, говорю по-русски: «Здравствуйте». Один уже по-русски спрашивает: «Какой ты нации?» — добавил нехорошие слова. — «Что это ты ходишь туда-сюда?» Я не мог скрыть, кто я, это же легко проверить: «Абхаз я, ребята».

Они измученные, наверное, были — ведь целый день там сидели — и на меня озлобленные: «А, ты абхаз, это вы чеченцев привели!» В общем, начали бить сильно палками, ногами, ножом колоть. Дождь пошел, я стал таким грязным, как обезьяна — весь в крови и грязи. Потом потребовали документы, вытащили все бумаги и среди них нашли письмо на английском языке, которое из Голландии пришло нашему сотруднику, а я его взял перевести. Вот это-то письмо меня и спасло.

Спрашивают: «Что это?» Я подумал: если скажу, что по истории Абхазии, еще хуже будет, этого они больше всего боятся. Отвечаю: «Это по работе, я завотделом музея». Забросили меня в машину, повезли туда, где люди арестованные. Я сознание потерял, пришел в себя, когда стали мокрым полотенцем по лицу бить и за волосы лицом по стенке возить, как бы круг такой из крови рисовать. Рядом были две девочки-армянки с отцом, матерью и бабушкой. И эти молодые ребята из Кутаиси так ужасно себя вели, так к этим девчонкам приставали — вообще невозможно было! Я не мог стоять на ногах, как тряпка лежал. Тут заходит какой-то мужчина: «Уберите эту обезьяну, сейчас сюда Шеварднадзе может зайти!» Оттащили меня в угол, люди загородили, но никто не зашел.

Через некоторое время меня опять заметили, лицо чуть-чуть обмыли, посадили и этот человек говорит: «Это ты, Ермолай? Не узнаешь? Посмотри мне в глаза — это я, Кингурадзе!» Я вспомнил: он в КГБ работал, был прикреплен ко мне, когда в 78-м у нас были волнения на национальной почве и на абхазов гонение. «А где твои друзья?» И про одного человека спросил, которого я на днях переправил. Ну, мне, конечно, пришлось быть немножко неискренним, отвечаю: «Не знаю». А Кингурадзе: «Он где-то здесь скрывается, вы все в списке, вас всех повесят!»

Тут ему сообщили, что у меня английское письмо. Он взглянул: «Что здесь написано?» Я сказал, что не успел еще перевести. Ребята, которые меня привели, говорят: «Он же директор музея, значит, должен выступить для пропаганды по телевидению, по радио!» (Я

вообще-то не директор, но так уж они сказали). Кингурадзе заявляет: «Я не сделаю так, чтобы твой народ плюнул тебе в лицо. Просто скажешь там о мире, дружбе, но ты должен дать оценку деятельности Ардзинба, сказать, что он неофашист!» И написал протокол, что я буду выступать. Ну, тут уже, знаете, не дай Бог, лучше вообще умереть. Пистолет не достать, но я слышал, что, если сонного порошка очень много выпьешь, навсегда уснешь. И я начал мечтать: может, Бог поможет и кто-нибудь мне достанет такой порошок — лишь бы не выступать! Правда, подпись мою под протоколом они взять забыли, отвлеклись: кто-то зашел, что-то опять про Шеварднадзе сказал. Потом говорят: «Отправьте его в больницу, приставьте к нему автоматчиков, дней через десять синяки уйдут, и тогда выступит».

Увезли меня в больницу, а там одна абхазка работает, узнала меня, спиртом обтерла, перевязала, укол сделала. Сказала, что у меня ребра переломаны: «Не бойся, от этого даже не лечат — так заживет». Уснул. Наутро обход врачей, я опух, плохо вижу. Вдруг слышу: «Ермолай, ты?» Смотрю: наш сухумский врач, Марлен Папава, у него мать абхазка, а по отцу — грузин, мы большими друзьями были, он интересный такой человек, философ. И я ему все рассказал.

На другой день — уже ни кашлять, ни шевельнуться не могу. Около полудня Марлен пришел: «Ты должен уйти отсюда». — «Я даже встать не могу!» — «Еще как встанешь! Но домой не ходи, дней двадцать прячься там, где никогда не бывал». Перевязал еще раз, позвал женщину, мингрелку, она мне обезболивающий укол сделала. «Ступай, а если спросят солдаты, говори, что на анализы идешь». И я на самом деле поднялся, эта женщина — на всю жизнь ее запомню! — меня под руку вывела и через черный ход выпустила на улицу.

Я потихоньку пошел, пошел и ушел из больницы. Неподалеку живет моя сестра старая, уборщицей работает. Увидела, плачет: «Попался ты!» В соседней квартире гвардейцы жили, так она меня внизу, в подвале, положила. Потом слышал, как приходили, меня искали, а сестра: «Где он, не знаю!»

В то время и сожгли наш институт — Абхазский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы имени Дмитрия Гулиа — и Государственный архив Республики Абхазия. Знаете, это даже вандализмом назвать нельзя, ведь древние вандалы не понимали, что делают… В один и тот же день, 23 октября, часа в три, солдаты подъехали к этим учреждениям, вошли, стреляли по книгам из автоматов — там у нас такие книги были прекрасные, редкие! Прошлись по этажам, соляркой везде полили и подожгли. Управляющий архивом был грузин, он тоже пришел, кричал: «Что вы делаете, не сжигайте, это же не только абхазский, это и грузинский архив!» Сотрудники института, музея и просто соседи бросились тушить пламя. Почти погасили, но тут опять солдаты на какой-то бронированной машине подъехали, привезли еще солярки, начали палить по людям, всех разогнали. И сидели они там до двух часов ночи, пока не сгорело все до последней бумажки, потом еще проверили, не осталось ли чего целого.

Потом в Гудауту с какой-то делегацией приезжал Джемали Гамахария. Он был не совсем плохой человек, лектор общества «Знание», а потом стал таким ястребом! И, встретив здесь нашего сотрудника, с которым раньше дружил, заявил: «Мы сожгли ваш архив, потому что вы на его материалах написали антигрузинскую книгу!» Он имел в виду «Документы свидетельствуют: 1937–1953», это сборник архивных документов, вышел перед самой войной. Там рассказывается, как при Сталине закрывались наши школы, меняли нашу историю, названия наших городов и селений, как через трест «Абхазпереселенстрой» даже в разгар Великой Отечественной войны к нам шло массовое переселение грузин, из-за которого сейчас в меньшинстве остались абхазы в Абхазии.

Отлежавшись немножко, я перебрался домой. Скрывался у соседа, Яши Цацуа (он грузин, женат на абхазке). Потом разыскал своего сына, инвалида второй группы, его прятал один очень известный в городе человек, Александр Мильченко, отец его друга. Уберег он моего

мальчика. И просто каким-то чудом мы сумели вместе перейти Гумисту.

Сначала я хотел к племяннику в Россию уехать, но передумал, потому что мне сказали: «Ермолай, а кто же будет писать историю войны, это же тоже история нашего народа?» Вот только без книг очень тяжело. Я в 81-м разошелся с семьей, жил один и, кроме книг, ничего не имел. Кто-то потом мне рассказывал, что в Сухуме несколько месяцев не было света, и мои книги сожгли — соседи на них готовили себе кушать. Так меня только то и утешает, что книги эти все же какую-то благородную роль выполняли.

Сколько мне лет? Без малого шестьдесят. Но, знаете, я после всего этого почувствовал, что я очень древний человек… * * *

Из Чечни прибыло пополнение. Пока командиры в штабе КНК решают оргвопросы, новобранцы, встав в круг, устроили бешеную пляску — просто от полноты жизни. Стоя за деревом, за ними украдкой наблюдает девушка-абхазка. Обернувшись, с тоской шепчет: «Господи, сколько огня в этих ребятах!». * * *

— Эта война превратила нас в станки для убийства — мы тоже начали звереть. Но если ни один человек из грузинской интеллигенции не выступил с осуждением этой войны — они не достойны ненависти. Такой народ достоин только жалости…

Больно читать в газете слова милого Мимино — Вахтанга Кикабидзе: «Мы их всех уничтожим». Наверное, правда, мир перевернулся.

Руслан Барцыц рассказывал: когда национализм в Грузии при Гамсахурдиа достиг кульминации, местные «патриоты» на автобусах выезжали из Гагры митинговать на большое поле близ российской границы:

— Ты бы видела — это было страшно. Пошел дождь, земля превратилась в грязь, но никто не уходит. И представляешь, девушки — такие холеные грузинские девочки! — заходились в экстазе, падали в эту грязь, ели ее, крича: «Чеми мица! Чеми мица!» — «Наша земля!» И знаешь, именно тогда — за несколько лет до войны — я впервые отчетливо понял, что она будет…

И все-таки — черт поймет этих абхазов: в разгаре наступление на Сухуми, идут активные боевые действия, а по местному телевидению объявляют довыборы в Верховный Совет Абхазии по двум гагрским округам — вместо отозванных Тамаза Нодарейшвили (главы коллаборационистского Совета обороны Абхазии) и еще кого-то. По республиканскому законодательству депутаты от этих избирательных округов должны быть грузинской национальности. «Есть у нас такие достойные люди!» — с воодушевлением сообщает диктор. И называет кандидатов: оба — грузины. * * *

— Что скрывать — попадаются и среди нас наркоманы, в нашем отряде был один. Его ранило в руку, сестра хочет сделать укол наркотика от боли, а он: «Меня не надо, оставь ребятам, кого сильней зацепило». И ты знаешь, я его раньше сильно не любил, но в тот момент — просто зауважал! * * *

Афонская «вампирша» тетя Валя Ревина как в воду глядела: срочно понадобилась моя уникальная «вторая-отрицательная» — только в гудаутском госпитале. Я так как-то и не спросила имени парня, у которого теперь и моя кровь. Знаю только, что чеченец, что выжил. * * *

— Когда война началась, я пошла в медсестры. Но через два дня брат отыскал на позициях, заставил уйти, чуть не побил. С ума сошла, говорит, хорошо еще, если убьют, а если искалечат, что с тобой делать будем?! Сейчас вот работаю в Комиссии по делам военнопленных…

За окном — проливной дождь. Столь холодного и дождливого лета в Абхазии Эсма и не упомнит.

— В такую погоду надо лежать дома, на диване. Только не тут, в Гудауте, а именно ДОМА, в Сухуми. Конечно, дивана своего я, наверное, уже не увижу. Впрочем, Бог с ним, с диваном — хоть стены бы остались да потолок. Здесь просыпаюсь ночью в пансионате — потолок чужой. А был бы свой потолок — легла бы хоть прямо на пол и смотрела, смотрела…

— Эсма, у тебя жених есть?

— Нет. Да пока и не дай Бог, и так вся испереживалась за братьев. Ребят наших жалко, столько ампутаций, но даже на протезах не удержишь дома — на позиции бегают. Один мой одноклассник — он еще в детстве руку потерял — с первых дней оттуда не уходит, автоматчик отличный. Правда, у него правая целая…

В комнате у телевизора на программу «Вести» начинают собираться люди. Женщины — в черном, мужчины — в разномастном камуфляже. После новостей передают сюжет о последних тенденциях моды: «Наиболее популярные цвета в этом сезоне — черный и оттенки зеленого».

— Значит, — задумчиво произносит Эсма, — сейчас Абхазия — самая модная страна… * * *

Казалось, за три года работы в российском парламенте привыкла ко всякому политическому лицемерию. Но когда Эдуард Шеварднадзе — человек, который отдал приказ о вводе войск в Абхазию, назначил своим министром обороны офицера, объявившего о готовности положить жизни ста тысяч грузин ради уничтожения всех ста тысяч абхазов, причитает на весь мир: «Эту войну нам навязали»…

По оценкам российского Генштаба, в ходе удачного наступления абхазская армия могла бы освободить Сухум в течение еще 2–3 дней. Запаниковавший Шеварднадзе запросил мира — как всегда, через Россию. В голове вертится хрестоматийное: «И волчью вашу я давно натуру знаю; А потому обычай мой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой». Но под давлением Москвы 27 июля 1993 года заключается очередное трехстороннее Соглашение о прекращении огня.

Ни один из тех, с кем я разговаривала в те дни, не верил в его выполнение. Не верила и я — через два дня после подписания Соглашения из окопов Верхней Эшеры видела, как на той стороне Гумисты активно ремонтируются боевые укрепления.

Сентябрь. 1993

Народная война — это когда комбат отдает своим солдатам приказ: «Ребята, по-братски, — возьмите мост!».

Привыкшему к российским просторам нелегко представить себе абхазские масштабы: от линии Гумистинского фронта до центра Сухуми — всего 5–6 километров. Последнее, сентябрьское наступление, шло по ним десять дней. Здесь это не красивая фраза — кровью заплачено действительно за каждую пядь земли. * * *

С начала сентября я собралась в отпуск. Вопроса, куда ехать, естественно, не возникало. Но так получилось, что в поезд я села только шестнадцатого — то из-за болезни, то из-за разных мелких дел, а, может быть, потому, что и вправду «там» наши судьбы расписаны, и никто не знает, когда он встает на свою Дорогу Грешников.

Утром по вагонному радио услышала, что «эпоха Великого Соглашения» закончилась.

В его нарушении принято обвинять абхазов, предпринявших четвертое наступление на Сухуми. Но — если уж распределять ответственность — кто вероломней: Абхазия, выполнившая все пункты мирного Соглашения от 27 июля, или Грузия — не выполнившая ни одного? Кто снимет вину с посредников и миротворцев, не желавших слушать неоднократные предупреждения руководителя группы наблюдателей Председателя ГКЧС России Сергея Шойгу: Грузия срывает договоренности — войска и техника не выводятся, законное правительство не имеет возможности вернуться в столицу? Не поэтому ли Шойгу был вскоре отозван в Москву?

«А потому обычай мой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой»… Странно, что в российских газетах заголовки типа «Как же надо не любить свой город, чтобы разрушать его артиллерией» сочиняют правнуки тех, кто поджег Москву, отступая перед Наполеоном, а потомки инсургентов, давших миру Декларацию Независимости, поддерживают «малую империю». * * *

В Гудауте — страшно. По залитым солнцем пустым улицам медленно едет легковушка с репродуктором на крыше. Передается обращение Председателя Верховного Совета Республики Абхазия Владислава Ардзинба: это есть наш последний и решительный бой, Родина или смерть, каждый, кто уклоняется от фронта — предатель Родины, лучше умереть стоя, чем жить на коленях, все для фронта, все для Победы…

Когда-то, в детстве, прочитав книгу или посмотрев фильм «про войну», ночью видела сон: вроде бы идет Отечественная, но я — там, даже принимаю участие в происходящем. И сейчас: как будто вернулись те сны, вот только война — другая, да и не сон это вовсе. * * *

Первым делом — по недоброй традиции — бегу читать списки погибших на стене морга гудаутского госпиталя. Среди фамилий одна знакомая — Мирод Гожба. В Москве сотрудница абхазского постпредства Бела Кур-оглы посоветовала: «Обязательно разыщи Мирода, это замечательный старик, настоящий носитель народной мудрости». Я опоздала на два дня.

У госпиталя — огромная черная толпа женщин. Прибывают машины с ранеными, их проносят через живой коридор, люди со страхом и надеждой всматриваются в окровавленные лица. Молодой парнишка тащит на руках раненого, обессилев, просит помощи. Несколько пожилых, но вполне еще крепких мужчин в толпе застыли в оцепенении, из которого их выводит только отчаянный женский крик: «Да помогите же ему, гады!»

Не выдержали нервы и у Капы Тванба, с начала войны работавшей в госпитале санитаркой. На одной из санитарных машин она совершила марш-бросок на «брехаловку». Там горячо и авторитетно обсуждала перипетии боевых действий та немногочисленная часть абхазской интеллигенции, которая восприняла полученную бронь как должное — как же, мы же генофонд нации! Под дулом одолженного автомата отчаянная Капитолина набила полную «Скорую» генофонда, доставила в госпиталь и не отпустила, пока каждый не сдал по 600 миллилитров своей драгоценной крови. * * *

Вечером «на огонек» в номер «Черноморца» никто не пришел — все друзья на передовой. Впрочем, и огонек-то был жалкий, свечечный — российское правительство отключило подачу электроэнергии, срочно наложив на абхазских ослушников экономические санкции. Проявили завидную оперативность — в отличие от минувшего сентября, когда Верховный Совет России рекомендовал наложить такие санкции на Грузию. Хорошо, что хоть в госпиталях есть дизельные движки. * * *

Утром сразу бегу в пресс-центр за аккредитацией и пропуском на фронт. Сталкиваемся с июльским другом-коллегой — фотокорреспондентом Андреем Соловьевым, смеемся: «Слетаются соколы!». С пропусками мчимся в штаб, влезаем в попутку — грузовик, везущий

солдат на передовую. Плача, нас провожают русские женщины-поварихи, умоляют поберечься.

Мы едем и сбивчиво говорим, что, похоже, не этот раз наступление будет удачным, вот-вот конец войне! В Эшере заместитель комбата Аслан Дгебия ведет меня на наблюдательный пункт в разрушенной школе, а Андрей, махнув на прощание рукой, уходит снимать переправу бойцов через Гумисту.

Вечером в штабе Эшерского направления узнала, что Андрей легко ранен. Наутро на эвакопункте врач Ляля Джения объясняет: легких ранений в голову не бывает, из раны извлекли осколки кости, но от госпитализации в Афоне он отказался, уехал в Гудауту передавать в агентство отснятые пленки. Появляется ставшая совсем прозрачной Вика Хашиг, блестя глазами, хитро улыбается: «Ну что — в Сухум хочешь?» — «Конечно!» * * *

Часть города — уже абхазская, бои идут в районе «Универсама». В санитарной машине едем на передний край за ранеными. За рулем — зампотех медсанбата Мурман Сабекия.

При въезде в город — «экологическая» наглядная агитация для курортников. В центре — плакат с оленем: «Не поднимай ружья на красоту!»

На верхнеэшерском эвакопункте Вика, уже раскаявшись в своей необдуманной «доброте», делает попытку меня высадить. Упираюсь, едем дальше. Грохает. Полевой медпункт — в полуразрушенном универмаге, девчонки сидят под лестницей — так безопасней. Обнимаемся с чумазой, но счастливой Саидой Тыркба. Грохает.

Бойцы бегом тащат раненого, заносят в машину. На полном газу Мурка рвет обратно. Вика оборачивается с переднего сиденья:

— Сайка, как он?

— Поздно… Погиб.

Как только выезжаем из-под обстрела, Вика останавливает Мурку:

— Подожди — не надо везти его так…

Заскочив в салон, мягко закрывает парню глаза, бережно связывает ноги и кисти бинтом — чтобы не растрясло.

В тот день — 21 сентября — через нижнеэшерский эвакопункт, прикрывающий прибрежный, самый тяжелый в те дни участок наступления, прошло более сотни раненых. Кстати, потом многие «знатоки» утверждали, что Сухуми освобождали то чеченцы, то русский суперспецназ — да кто угодно, только не абхазы. Я не хочу с ними спорить — их самих я там не встречала. Но тем, кто хочет знать правду, я бы просто предложила перелистать пухлую общую тетрадь, где медсестры записывали фамилии поступавших на эвакопункт раненых.

22 сентября — полтораста раненых. Район Учхоза сплошь накрыт тяжелой артиллерией противника (той самой, которую по «Великому Соглашению» Грузия обязалась вывести с территории Абхазии). Девчонки сбиваются с ног. Толпу у гудаутского госпиталя вспоминаю почти с ненавистью: коли уж так переживаете, шли бы сюда — твоего к тебе первой привезут, первая ему помочь сможешь! * * *

— Сайка, как он?

— Дышит.

— Мурка, в Гудауту!

Ночь, возвращаемся с эвакопункта из горного селения Каман. В машине семеро раненых. Один очень тяжелый — черепно-мозговая травма. Поэтому Вика командует ехать не в Афон, а прямиком в гудаутский госпиталь: там — единственный на всю Абхазию нейрохирург.

Сайка — рядом с «черепником», поддерживает ему голову. Вика — на докторском сиденье, я, поджав ноги, посередине, на моторе. Мурману не позавидуешь: ехать медленно — не довезешь парня, быстро — растрясешь остальных.

Двигаемся в густой темноте: путь идет прямо над городом, на высоте наши фары — отличная мишень, поэтому на самых опасных участках Мурка выключает их вообще, едет практически вслепую, шепотом поминая то ли Бога, то ли черта. Дорога даже днем абсолютно непроезжая — щебень, раскуроченный снарядами и дождями. Потом — на зеленых подфарниках и только после бесконечно долгой четверти часа — полный свет. Наконец выезжаем на трассу — полный газ!

— Как он? — оборачивается Вика.

— Дышит.

— Мурочка, побыстрей…

Абхазские медсестры заслужили свою славу. Но все-таки было бы несправедливо, если бы она заслонила ежедневный героизм скромной мужской части медсанбата — санитарных шоферов. Машины с красным крестом, проскакивавшие под любым огнем, вылетающие на передовую — иногда даже впереди солдат! — стали излюбленной целью противника (это к вопросу о международных конвенциях). Один из ребят, попав под обстрел, чудом уцелел, спрятавшись за колесо. Потом посчитал — в «Скорой» почти сотня пробоин.

— Мур, ты кем до войны был?

— Шоферил, а потом ночной бар открыл.

— А после Победы чем займешься?

— Дожить еще надо. Одно знаю — ни дня на «Скорой» работать не буду! Неприятно, понимаешь — едешь, даже если пустой, на тебя встречные такими дикими глазами смотрят — не их ли близкого везу — как вестник беды. Так, знаешь, неприятно…

Варлам Кекелия, Мизан Кур-оглы, Рафик Барцыц, Гурам Квициния, Мераб Бигуаа, Гарик Джикирба, его брат Гена, не увидевший Победы — им действительно хватит подвигов на всю оставшуюся жизнь. Юра, отец троих детей, потерявший в юности левую руку, возивший на своем «Москвиче» легкораненых. Другой Юра, Акаба — директор совхоза, выкраивающий для раненых каждую свободную минуту, дядя Гурам, застенчивый машинист санитарного поезда Феликс…

— У Шромы — обстрел такой, что головы не поднять, — рассказывали мне бойцы в Гудауте. — И тут вдруг на дикой скорости вылетает «Скорая», шофер выскакивает, сам помогает занести раненых, разворачивается — и ходу! Нет, в натуре мужик этот пацан!

— Сайка, как парень?

— Погиб… Эх, вертолет нам — довезли бы!

— Мурка… вези в Афон… * * *

24 сентября — противник перешел в успешную контратаку. Наступление начинает захлебываться. Главный хирург эвакопункта Лев Ачба, темнея лицом, в сердцах бьет кулаком

по стене.

С Северного Кавказа прибывает подмога — возвращаются уехавшие после подписания мирного Соглашения добровольцы. * * *

Высоко-высоко над Новым Афоном самолет. Люди, стоя в госпитальном дворе, наблюдают за ним, задрав головы. Вдруг на меня налетает Вика, схватив за шиворот, силой волочет в подвал.

— Вик, да ты чего?

Прислонившись к стене, она переводит дыхание:

— Да нет, все уже… Просто знаешь, у каждого свое… Вроде не труслива, но вот после тех бомбежек вижу в небе самолет — и не могу…

Когда по рации сообщили, что сбит летящий из Тбилиси самолет с отборными бойцами «Мхедриони» и боеприпасами, девчонки прыгали и хлопали в ладоши от счастья. * * *

Иногда с одним раненым прибывает сразу десяток сопровождающих — один тащит его автомат, другой — вещмешок и т. д. — целый «взвод почетного караула». Впрочем, трудно осуждать тех, кто воспользовался случаем хоть ненадолго вынырнуть из ада.

Непонятней другое — в разгар наступления бойцы отлучаются с передовой на похороны погибшего товарища. И вот тут — отнюдь не трусость, нет: так велит древний обычай. Но должен ли он работать в такой ситуации: разве продолжать бой — не лучший способ отдать последний долг другу? Делюсь сомнениями с товарищами-абхазами — кто-то соглашается, но кто-то убежден: сохранение традиций стоит жертв.

Конечно, некорректно со своей колокольни судить об обычаях другого народа. Но то, что и спустя месяцы после Победы не удается справиться с преступностью — тоже порождение местного уклада. Общепризнанные меры здесь не срабатывают — расстрел мародера будет воспринят многочисленной родней как тяжелейшее оскорбление, повод для мести. Особенно сложно с мародерами-абхазами, логика приблизительно такая: «нас и так мало, и сколько погибло в войну — как же можно расстрелять абхаза!» Говорят, в старину родня действовала несколько иначе: так же не давали трогать своих, но зато предельно жестко разбирались сами — чтобы фамилию не позорил.

И критиковать друг друга тоже, к сожалению, не принято. Что особенно тревожно, поскольку все нынешние пороки Грузии начались с утраты реального самовосприятия. * * *

— Надо для Льва Николаича баночку сгущенки припрятать. Какое счастье, что он у нас на эвакопункте работает! А сколько ранений в тазовую область — ребята же стесняются… Без мужчины бы не справились.

— Э, нет! — энергично жестикулируя, вмешивается шумная толстушка Джульетта Капикян. — Вика, моя золотая, я тебя умоляю — если не дай Бог чего, посмотри меня сама, Леве — у-у-убийце — ни за что не отдавай!

— Джуль, да тебе с такой задней мишенью подальше прятаться нужно! — поддразнивают подружки. Джуля молодец — не из обидчивых.

Сам «у-убийца» ходит мрачный — от работы в полусогнутом состоянии «проснулся» радикулит. * * *

— Когда началось формирование медсанбата, мы агитировали в санитарные шоферы ребят, у которых были собственные микроавтобусы. Я к Мизану подошел, объяснил, что к чему. Он

отвечает: «Нет проблем, я согласен, только учти — я задний ход не имею!» А это такой чисто сухумский жаргон — «дать задний ход», в смысле, струсить, отступить. Я отвечаю: мол, все мы здесь ребята храбрые, ты прямо скажи, согласен или нет. А он опять: «Да согласен я, только знай — я задний ход не имею!» Ладно, думаю, ну комплексы такие у человека. Сняли сиденья, установили пару носилок, красный крест на боку и крыше оттрафаретили — а тут сразу с передовой вызывают по рации «Скорую». Приехали, раненых погрузили, и тут по машине как начался обстрел! Я кричу: «Сдай назад!» А он тоже кричит, чуть не плача: «Да я же тебе сколько повторял, что машина задний ход не имеет!» * * *

— Ой, девочки, не к столу будь сказано, но мы люди военные… * * *

— Когда в первый раз конкретно ударили артиллерией по эвакопункту, как раз к нам раненых привезли. Я одному помощь оказываю и тут такой грохот, как конец света. Я со страху просто ума лишилась, в беспамятстве забилась под каталку. Мой бедный раненый сам встал, меня из-под нее еле вытащил, стал успокаивать: «Не бойся, сестренка», и так и увел меня в укрытие. Ну, понятно: сколько мне тогда всего было — восемнадцать лет! — снисходительно говорит она с высоты своих девятнадцати… * * *

— А вот интересно, в их армии девочки воюют?

— Да, ребята рассказывали: подбили танк, экипаж выскочил, его расстреляли, потом подошли — среди них одна девочка. И такая необыкновенная красавица, что ребята просто заплакали, увидев, какую девочку убили.

— Бедная! Заморочили ей голову пропагандой, а за что она погибла…

— А, может, и хорошо, что так получилось. Попала бы она в плен — не дай Бог, нашелся бы среди наших какой-нибудь мерзавец — осквернил бы эту красоту… * * *

Иногда по присоединенному к автомобильному аккумулятору приемнику удается послушать радионовости. Судя по постановке вопросов — «не двинутся ли абхазы за пограничную реку Ингури», западные корреспонденты считают победу Абхазии решенным делом. В Москве — осложнение политической обстановки, резко обострилось противостояние между Президентом Ельциным и Верховным Советом, идет чрезвычайный депутатский съезд.

— М-да, — произносит Лев Ачба, — глядишь, так придется тебе здесь политического убежища просить. Скорее, скорее продвигаться надо, пока Москве не до нас! * * *

— Раньше мы думали: хуже, чем Гамсахурдиа, ничего и быть не может: ведь именно при нем Грузия стала настоящей «малой империей». Хотя, с другой стороны, их национализм еще раньше пышно расцвел — иначе бы его так единодушно не выбрали. И резню в Южной Осетии единодушно одобрили. Теперь понимаешь: лучше бы уж он остался, ему никто в мире руки не подавал. А вот Эдуард Бомбосбросович для них — голубь мира: он и СССР развалил, и Варшавский договор, поэтому Госсовет его и призвал на власть, чтобы получить на Западе поддержку. Грузию сразу в ООН приняли — и это как раз в то время, когда вовсю шла война в Мингрелии. Через месяц и у нас началось, а Аслан Абашидзе, президент Аджарии, давал интервью в российских газетах, что был план одновременно ввести войска и к ним, чтобы обе «мятежные автономии» разом задавить. Вот только аджарцы сразу резко дали понять, что разберутся без Тбилиси, а наши, абхазские грузины, оказались пятой колонной. А ведь если бы они тогда выступили против вторжения, мы бы, дураки, их на руках носили! Вот что значит — жадность сгубила. Беда в том, что Шеварднадзе и в России большую поддержку имеет, не зря они с Ельциным вместе в Политбюро сидели. Ведь за месяц до начала войны с российской правительственной дачи в Пицунде вывезли в Сочи все карты, оружие, боеприпасы, необходимые для ее охраны — только рации оставили. Даже карт у нас в начале войны не было: в мае 1992 через командование Закавказского военного округа со всех военкоматов Абхазии были затребованы в Тбилиси карты гражданской обороны. Я

больше чем уверен: в Москве знали, что здесь готовится. * * *

— Вот если какая опасность — я задницей чую! Сколько ж раз было: приказывают — переходите вот в тот дом! А я говорю: та ни, хлопцы, задницей чую — подождем чуток! И шо ж: через несколько минут — туда прямое попадание!

Через пару дней беднягу доставили к нам на эвакопункт — с простреленной навылет задницей.

А вообще в тот день таких обидных ранений было пять или шесть: отдельные группы вырывались вперед и получали в дыму и неразберихе «по тылам» от своих же, приотставших. И назвали его девчонки: «Задний день». * * *

25 сентября — контратака отбита. Наступление пошло с высот над столицей, по Каманскому направлению. Столпившись у рации, слушаем: «Противник отступает в район свалки!»

— Слава Богу, — почти благоговейно произносит Асида Квициния, — нашли они себе наконец достойное место…

До центра Сухума — полкилометра. * * *

Вечером захожу в штаб Эшерского направления — заместитель начштаба Василий Кове говорит с Гудаутой:

— Послушайте, у вас там пары-тройки наших флагов нет? Пора бойцам выдавать… Ну да, для здания Совмина… Понял, высылаю людей!

… Мы ехали и пели про Победу — одну на всех, мы за ценой не постоим, про последний бой, который трудный самый, про красивое имя, высокую честь — Сухумская волость в Абхазии есть, и даже — трижды сплюнув — про радость со слезами на глазах, которых уже действительно невозможно удержать…

В Генштабе Василий торжественно принимает государственные флаги Республики у Министра обороны Султана Сосналиева и Главного военного комиссара Сергея Шамба. Все, кто был в здании, собрались в кабинете — действительно исторический момент.

На обратном пути заезжаем на минутку в дом к Васиной родне. Старая женщина в глубоком трауре просит: «Дайте хоть взглянуть, за что мы умирали!» — прячет в складках флага просветлевшее лицо, целует и плачет, плачет навзрыд. * * *

— Я раньше думал — любого грузина голыми руками удавлю — хоть старика, хоть ребенка! А когда вот так сталкиваешься — не могу обидеть. В дом зашли: мать и четверо детей — голодные, сил нет! Дали пацанам хлеба — плачут, но не берут, оказывается, их пропаганда стращала, что абхазы будут отравленное давать. На обратном пути завез им арбуз — тут только дети лопать начали… * * *

В бою погибли военврач Виталий Матосян и девятнадцатилетняя санинструктор Виолетта Клиевская, выносившая его из-под огня. Снайпер развлекался — ранив девушку в ногу, потом прострелил ей руку, немного погодя — голову. * * *

— Когда шли уличные бои, мы укрылись во дворе, где жил мой друг, Лаша Когония, погибший в мартовское наступление. А на днях погиб и его младший брат. К нам выбежала их мать — они с отцом всю войну здесь, в оккупации были — узнала меня, вынесла воды попить. Я одним духом выпил и скорее бросился прочь, пока она не успела ничего спросить. Ведь еще не знает, что обоих ее сыновей нет в живых — и не дай Бог первому такую весть матери принести… * * *

Ненавижу формулировки типа «братоубийственная война», «геноцид против собственного народа». Что же, если не братья — позволено убивать? Или геноцид «чужого» народа — меньшее преступление?

Любопытно, как события на театре военных действий влияют на лексикон Шеварднадзе: только абхазы нажимают, в его патетических заявлениях вместо «Великой Сакартвело» начинает фигурировать «маленькая Грузия». * * *

27 сентября 1993 года около трех пополудни мы узнали, что Совет Министров — здешний «Рейхстаг» — взят.

Потом Машка-пулеметчик (не потому что «Мария», а потому что «мащька» по-кабардински — «пацан»), тот самый «наемник-доброволец Асланбеков», рассказывал:

— Мы Совмин со всех сторон окружили, а подойти не можем — место вокруг высотного здания открытое, только ребят положишь. Я в армии связистом служил и поэтому на рации сидел. Вышел на их частоту — наверное, полчаса с ними базарил. Предъявили ультиматум: сдавайтесь. Они: мы смертники, нам идти некуда. Через некоторое время опять предложили сдаться — снова отказ. А снайперы с верхних этажей так и садят — одного нашего кабардинца убили, девчонку-медсестру и потом парня русского, корреспондента. Тут ребята совсем озверели, я дал им последние пять минут — глухо. Тогда мы ударили «зушками», загорелось шесть этажей. Тут-то они сразу выскочили с белым флагом — дайте нам коридор, чтобы уйти. Счас, конечно, дали им после всего этого… коридор… * * *

Трагически провозгласивший, что разделит судьбу жителей Сухума, Эдуард Шеварднадзе в последний момент удрал в Тбилиси — на российском военном самолете. Согласно «данным, полученным из абхазских высокопоставленных военных источников», когда стало припекать, он взмолился о помощи в Москву. Москва вышла на Гудауту, там рассудили, что не стоит из-за этого персонажа ссориться с Россией и дали воздушный коридор на полчаса — сухумский аэропорт уже давно контролировался абхазами. А личный самолет президента Шеварднадзе остался на взлетной полосе — почетный трофей.

Интересно, что в тот день по шестичасовым российским теленовостям показали, как храбрец Шеварднадзе стоит на крыльце Совмина (к тому времени уже взятого) — с успокоительным комментарием.

Кстати, после этого в Абхазии резко изменилось отношение к Шеварднадзе. До этого — ненавидели, но признавали за ним определенную личную храбрость. После осталось одно — презрение: если ты, мужчина, обещал «до конца» — что бы ни случилось, сдержи слово.

Есть в этой истории и еще одна большая подлость грузинского лидера. Именно благодаря его «торжественному обещанию» из города не эвакуировалось немало впоследствии пострадавших в горячке уличных боев мирных жителей, застряли в здании Совмина и члены коллаборационистского правительства Абхазии. Несколько из них впоследствии были расстреляны. * * *

Неподалеку, в штабе, шла гулянка с гармошкой. А девочки на эвакопункте пили разбавленный НЗ, вспоминали и плакали. В тот день еще привозили раненых и убитых, у здания Совмина погибла санинструктор Марина Таниа.

— Я часто мечтала, как встречу эту весть, как буду радоваться и смеяться. А сейчас — самой жутко: нет радости, только в душе пустота смертная и все ребята наши бедные перед глазами стоят, как живые. И ведь не было у нас иного выбора, но как вспомнишь, какой ценой мы за эту Победу заплатили — ну никакой радости…

А вечером по московскому радио сообщили: в Сухуме убит российский фотокорреспондент

Андрей Соловьев. * * *

— Вы, корреспонденты, вообще большие сволочи, — важно объявил вечно пьяненький пожилой зенитчик дядя Дима, когда мы с Андреем завернули на батарею в Эшере. — Один только раз у нас был отличный мужик, как вы, москвич — в мартовское наступление в руку его ранило. Вместе с нами везде лез, снимал — ничего не боялся!

— Дядь Дим, уж не этот ли? — киваю на скромно сидящего в сторонке улыбающегося Андрея.

Дядя Дима недоверчиво приглядывается — в блиндаже темновато. Узнав, с радостным воплем раскрывает объятия, сзывает товарищей: «наш приехал!»

В Абхазии отношение к корреспондентам, скажем так, дифференцированное. Но Андрея — без преувеличения — любили все. И оплакивали — все.

В июле мы с ним часто мотались вместе («только одно условие — в кадр не лезь!»). А из вечерних разговоров выяснилось, что давно живем «в параллель» и впервые могли встретиться еще в разрушенном землетрясением армянском городе Ленинакане. Я там работала в студенческом спасательном отряде, а для него это была одна из первых журналистских командировок. Мы вспоминали стылый ужас тех дней: он рассказывал, как в какой-то момент не выдержал, бросил снимать, заплакал, побежал кого-то искать, кому-то помогать… Снимки, сделанные тогда Андреем Соловьевым, были удостоены одной из самых престижных в мире журналистских наград — премии «Золотой глаз» конкурса World Press Photo.

После ранения в голову ему приказали возвращаться в Москву. Потом в Москве рассказывали, что он не мог усидеть дома, отправился к мятежному Белому Дому, снимал. А потом, в тот же вечер, как-то смог убедить свое руководство, что должен вернуться в Абхазию.

Вокруг его гибели уже насочиняли немало: и за боевика его из-за перевязанной головы приняли, и вообще чуть ли не сами абхазы его убили. Но очевидец — хирург Второй горбольницы Руслан Арсенович — рассказывал так:

— Андрей бежал по улице Кирова со стороны рынка, вместе с ребятами из третьего батальона. Я стоял на углу, у хлебного магазина и среди них вдруг увидел своего брата, о котором больше года ничего не знал. Мы обнялись, Андрей нас сфотографировал. Тут от снаряда загорелся дом напротив хлебного, выскочила женщина с детьми и стала звать на помощь. Они втроем повернулись и побежали к ней: Андрей, Гена Айба и еще один парень. И тут Андрея из здания Совмина — снайпер, в шею. Гена над ним, бедным, плакал и все повторял: «Ну почему, почему его, а не меня!»

Невозможно средь бела дня, глядя в прицел снайперской винтовки, перепутать с боевиком даже раненого в голову безоружного парня в штатском, с огромным фотоаппаратом на груди. Тем более, что рядом было полно «бесспорных» боевиков. Андрей Соловьев погиб не от осколка, не от шальной пули — снайпер целил именно в него, журналиста, защищенного, извините за выражение, международными конвенциями.

Россия наградила его Орденом Мужества (посмертно).

Абхазия присвоила ему звание «Герой Абхазии» (посмертно).

Сам рассказ о его смерти похож на легенду: погиб, бросившись на помощь женщине. Он вообще был на редкость добрым и мягким человеком, не чувствовалось в нем этакого журналистского ковбойства.

И еще одному научила меня его смерть — только потеряв на войне близкого тебе человека, получаешь моральное право призывать других к прощению.

Андрей редко бывал в Москве — кстати, мы в ней так ни разу и не виделись. До сих пор не верится, что его нет: наверное, он просто, как всегда — где-то на войне. * * *

Первое Знамя Победы — на левом крыле здания Совмина — установили бойцы Сухумского батальона. А через несколько часов, когда пламя немного утихло, два парня-добровольца: кабардинец Арсен Эфендиев по прозвищу Монгол и поляк Янош Годава пробрались на крышу, сняли висевший с 18 августа 1992 года грузинский флаг и вновь подняли над городом государственный флаг Республики Абхазия.

И Монгола и Янека уже нет в живых. * * *

— Познакомились мы в июле, в разгар наступления. Но как-то совсем не до любви было, да и вообще не знали, что с нами завтра будет. Объявили перемирие, я уехала к родственникам в Майкоп и только там начала понимать, что эта встреча — не случайная. А потом узнала, что и он меня весь тот месяц вспоминал.

Как только началось наступление, я вернулась. Где он, жив ли — не знала. И если с эвакопункта куда-то отлучалась, потом первым делом листала тетрадку, где у нас всех раненых записывали — а вдруг его, пока меня не было, привозили! Когда уже Сухум освободили, вечером, привезли женщину раненую. Мы перевязали, а потом я руки бинтом от крови оттерла — воды ведь совсем не было — и вышла из перевязочной его выкинуть. Вдруг слышу: «Ой, кто же это?» Обернулась — он стоит.

Я его сначала с бородой даже не узнала. И лицо потемнело от морщин и гари, но он все равно был необыкновенно прекрасный — форма, автомат на шее, за спиной плащ-палатка — знаешь, как настоящий солдат-освободитель из фильмов про войну. Мне даже захотелось, чтобы он меня, как немецкую девочку, на руки взял. Я подошла и молча в его плечо уткнулась. Он сказал: «Пошли». И я ответила: «Пошли», и пошла, и даже в голову не пришло спросить куда. Как он потом сказал, это был наш Край Света.

Он повел меня по ночному городу в квартиру своей сестры. Там еще ребята были, ужинали хлебом и нашей фронтовой «красной рыбой» — килькой в томате. Все разговаривали, а мы только сидели и смотрели друг на друга, не отрываясь. Потом у меня глаза стали слипаться, он отвел меня в спальню и хотел уйти обратно к ребятам. Я его удержала: «Ты вернешься?» У него просто лицо осветилось: «Ты правда хочешь, чтобы я вернулся?»

Он пришел и мы, пропыленные и измученные этим кошмарным днем, лежали рядом на белоснежных крахмальных простынях. Не подумай — ничего такого между нами в ту ночь не было. Мы просто лежали рядом, шепотом целовались, рассказывали, как искали друг друга, и не могли поверить, что все-таки, все-таки выжили. И смотри — все наступление ни разу небо не нахмурилось, а в ту ночь хлынул настоящий ливень. Это Бог послал дождь, который стер их черные следы с улиц нашего несчастного города, смыл всю кровь и грязь и плакал о тех, кому не довелось дожить до Победы.

Потом я задремала у него на плече, а, проснувшись, увидела, что он, уже одетый, стоит у окна. Я тоже оделась, подошла и сказала: «Смотри, на улице уже проясняется». А он ответил: «Главное, чтобы у людей в мозгах наконец прояснилось…» * * *

Один зарок — подняться в совминовский кабинет Сергея Багапш — выполнить не удалось — в здании еще тлел пожар. А вот обещание вернуться, данное в минувшем августе врачам Второй горбольницы, я все-таки сдержала. Именно в нее, поближе к линии фронта, после взятия города перебросили наш эвакопункт.

Первым, с кем расцеловались, был доктор Марлен Папава. Передаю ему привет от Ермолая Аджинджал, рассказываю, что он спасся, уже здоров. Потом стали приходить пережившие оккупацию врачи: самое удивительное, что меня узнавали! А вот я не сразу признала в седоватой женщине со строгим пучком очаровательного доктора Валю Чукбар: «Это я специально так причесывалась — пострашнее, чтобы не приставали!»

На улице у «Скорой» стоит худенькая темноволосая девушка. Присмотревшись, обмираю — это же она, моя августовская боевая подруга, секретарша Ира Лободенко! Только я-то ее запомнила толстушкой… * * *

Поздним вечером 28 сентября во Второй горбольнице родился первый житель освобожденного города — Юрик. Ни акушера, ни гинеколога на эвакопункте не полагалось, поэтому роды принимали хирург Размик, анестезиолог Андрей, физиотерапевт Дана и я на подхвате. Хорошо, что решительная Дана взяла на себя командование операцией: все мы занимались этим деликатным делом впервые. Но обошлось, хотя мама — сухумчанка Лариса Каневская — еле справилась: организм сильно ослаб за год недоедания. Кроме Юрика, у нее две маленькие дочки. Муж, грек, за два месяца до конца войны эвакуировался на историческую родину.

— Чего ж ты с ним не поехала?

— Не хочу — я в Сухуме родилась, мои могилы здесь: родители, сын маленький в войну умер… Знаешь, по пословице: «Где родился, там и сгодился».

— Как же ты одна троих поднимать будешь?

— Ну и что — после Отечественной и по десять детишек бабы одни поднимали. Я же не в лесу живу — мне люди не дадут пропасть. * * *

После взятия Совета Министров грузинская армия, полностью деморализованная, бежала, бросая по дороге оружие и боеприпасы. Половину республики — от Сухума до пограничной реки Ингури — абхазы прошли за двое суток, практически без боев: догнать не могли.

30 сентября 1993 года стало Днем Освобождения Абхазии. И пришла радость со слезами на глазах. * * *

Весь проспект Мира — само название звучит сейчас дико — затянут дымом. Из калитки выбегает русский дедушка — грудь в орденских колодках:

— Девочки, родные, с Победой! Господи, неужели наши пришли…

Через пару дней я столкнулась на улице с крепкой бабулькой, которая, энергично встряхнув мне руку, пионерским голосом воскликнула: «Здравствуй, подруга!» Я, если честно, слегка струхнула: после всего пережитого многие горожане были, так сказать, не в себе. И вдруг слышу: «Я в ту войну тоже санинструктором была!»

После таких встреч особенно противно было сталкиваться с отдельными «солдатами-освободителями», нацепившими на себя неизвестно каким подлым путем добытые награды той войны. * * *

На подогнанную вплотную к дверям хлебного магазина машину грузят хлеб для солдат. Столпившись вокруг, голодные сухумчане умоляют дать хоть буханку! Жалко, но объясняют: сейчас загрузим для армии, потом будем вам раздавать. Одна из девочек проползла под колесами грузовика вовнутрь, возвращается счастливая, с буханкой — невозможно отказать, когда за хлебом тянется ребенок. Увидев это, матери из толпы подталкивают вперед своих малышей. Мальчик лет семи, плача, упирается. Мама успокаивает: «Не бойся, это же наши,

они стрелять не будут!»

Через час в нескольких точках города начинают раздавать хлеб и жителям. Солдаты срывают голоса, пытаясь как-то упорядочить обезумевшую очередь. Только от настоящего голода человек будет так убиваться за буханку хлеба. Русские старухи объясняют: в оккупацию не владеющих грузинским языком выталкивали из хлебных очередей, избивали. Приходящая со всего мира гуманитарная помощь распределялась лишь среди грузин: «А вас, русских, пусть ваш Ельцин кормит!»

Действительно, опустевшие грузинские квартиры забиты едой. Сейчас много говорят о возвращении беженцев. Я не знаю, как они, вернувшись, собираются жить рядом с соседями, которым когда-то отказали в куске хлеба. * * *

Вместе с братьями Барцыц — Левардом и Русланом — заходим в здание Сухумского государственного университета. По дороге они рассказывают, как накануне тушили там пожар в спортзале: в дело пошел даже рассол из недоеденной отступавшими банки соленых огурцов.

В университете располагалась комендатура: в аудиториях ящики с боеприпасами, разбросанные документы, новенькая генеральская форма — прямо как бункер Гитлера на известной картине Кукрыниксов «Конец». Левард осматривает шкафы на своей кафедре географии:

— Ничего не осталось, все выкинули или сожгли. Все мои научные труды, сигнальный экземпляр учебника «География Абхазии» — четыре года работы пропало… И знаешь, не могу я их понять: ведь в последние годы грузинизация в республике шла такими темпами, что еще лет шесть-семь — они бы нас и так задавили, по-тихому. Неизвестно, проснулись бы абхазы когда-нибудь, если бы грузины сами не начали войну. * * *

— Когда отбили универмаг, ребята принесли нам французские духи. Мы так обрадовались, что сразу надушились! А потом мне девчонки говорят: «Ой, что у тебя на шее!» Я в зеркало глянула: мама моя, шея такая от пыли и дыма грязная, что от духов потеки пошли…

Может, кто-то осудит этих ребят и этих девочек, год не покидавших окопы. Я — не смогу.

Вообще — есть мародерство и мародерство. Есть разница между человеком, берущим еду, взявшим пару кружек в свой опустошенный дом, и тем, кто вывозит в Сочи по семь холодильников. Армия, освободив город, двинулась дальше — до Ингури. За ними выдвинулся «третий эшелон». Практически все пострадавшие твердят: «Нас освобождали отличные ребята, а потом появились грабители». Фронтовики вторят: «Я вот смотрю на тех, кто гору добра волочет — ну ни одного воина знакомого среди них не вижу! И откуда они только повылазили?» Или так:

— Ты Мамая видела? Нет? Так вот, Мамай — это бродяга по сравнению с нашими абхазцами!

«Если бы я всю оккупацию не видел, что творили грузины, я бы тоже осуждал», — заметил хирург Руслан Арсенович. И все-таки мелькнула грустная мысль: уцелей Совмин — не дай Бог, пришлось бы спустя год после августа девяносто второго писать, как его грабили абхазы…

На домах, ларьках надписи мелом «занято». Бойцы, смеясь, рассказывают: на опустевшем постаменте Ленина перед Совмином какие-то шутники начертали: «Занято. Саша Какалия». * * *

— Пришел в свой двор, люди окружили, плачут — живой вернулся. А потом сосед подошел,

говорит тихонько: «Ты что, гонишь? Головой тронулся? Ты же раньше такой веселый был…» * * *

— Ви-и-к, там дедушка русский пришел, он дома парня-грузина прячет раненого, свои же гады его бросили. Говорит, что этот мальчик его спас… Вика, чего делать-то? Жалко пидараса…

Отступая, грузинская армия бросала не только оружие — в Агудзерском госпитале на произвол судьбы остались их тяжелораненые, в крови и кале, без единой санитарки. Всех потом лечили абхазские врачи.

Невыносимо видеть, как благородство и милосердие вступают в жестокое противоречие с повседневными ужасами войны. Наверное, не случайно, что именно «люди под флагом Бога» сберегли в себе человечность и сохранили верность Долгу. Я знаю — Он им зачтет. * * *

Журналист Георгий Гулиа мрачно разглядывает гранитный памятник на могиле деда — основоположника современной абхазской литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа. Бюст изуродован автоматными очередями, отбит нос. Весь в отметинах от пуль — уже покрывшихся патиной — и стоящий у въезда в дендропарк бронзовый бюст его основателя, русского ученого-ботаника Смицкого. Расстреляны памятники на могилах Ефрема Эшба, Андрея Чочуа.

Горько, что и в абхазской армии нашелся удалец, в первые дни после освобождения снесший голову памятнику Руставели в прибрежном парке. * * *

А для Вики Хашиг конец войны совпал с началом декретного отпуска. Друзья шутят: «Ну и хитрый же у вас с Гурамом чертенок будет! До Победы и заметно не было, а теперь живот растет не по дням, а по часам: малыш понял, что теперь — можно!».

А я вспомнила, как, вернувшись ночью из Афона, мы с Викой прилегли хоть чуть-чуть поспать прямо на кушетке в перевязочной. Холодно, сбрасываем только обувь, под одним одеялом прижимаемся друг к другу. И вдруг я чувствую — округлившийся животик: «Вика! Ты что — беременна?!» А она — так спокойно: «Да нет, просто обожралась». Я и поверила — уж слишком невероятным тогда казалось мое предположение.

Чертенок оказался крепкой и горластой девчонкой. Риткой назвали. * * *

Андрей Тужба делится счастьем: мама его дождалась. Тащит знакомиться. Тетя Оля сразу начинает хлопотать:

— Вот, угощайтесь, новое слово в кулинарии — «супоборщ»: все, что в доме наскребли, в него попало. А часто «женили» еду — смешивали разные остатки. Хорошо хоть, что с соседками друг друга поддерживали, делились, чем могли. А вечером тихонько собирались и гадали на картах — я собрала колоду с разными рубашками, их когда-то мой муж, военный, у солдат отбирал.

Вообще жилось хуже, чем в ленинградскую блокаду — там хотя бы знали, что враг — на фронте, а вокруг — свои. Тут же вчерашний друг худшим врагом стал. Вот Нодар из нашего дома — до войны добрым соседом был, а всю оккупацию кричал: «Абхазов надо убивать и свиньям скармливать!» Теперь опять почтительно здоровается… Я вообще не знаю, как не убили меня, я же чуть что, выступать начинаю. Они паспорт требуют, читают мою фамилию — Тужба: «А-а-а, абхазули!» Отвечаю честно: «Нет, я украинка». Тут они примолкали, не хотели связываться, потому что украинский президент Кравчук — лучший друг Шеварднадзе. Но того они не знали, что я — донбасская, а Донбасс с самого начала за Абхазию встал, когда они ткварчельских горняков начали в блокаде голодом морить! * * *

Вопреки сомнениям Малхаза Топурия, в грузинской армии воевало немало бойцов УНСО —

отрядов Украинской национальной самообороны. Когда абхазы форсировали Гумисту, по рации слышны были переговоры противника: «Мыкола, тикай, индейцы прорвались!». Судя по репортажам общавшихся с ними коллег, парубки подрядились сражаться с «российским империализмом».

А между индейцами и абхазами действительно есть общее: и тех, и других уничтожали за их прекрасную землю. Великий испанский гуманист XVI века, ученый монах Бартоломе де Лас Касас свидетельствовал: «Все жители тех земель, которые мы покорили в Индиях, имеют законное право пойти на нас справедливой войной, чтобы стереть нас с лика земли. И это право останется за ними до самого Судного Дня». * * *

Фронтовой медбрат, археолог Батал Кобахия, потерявший за полтора года самых близких, всеми правдами и неправдами вывозил из города мирных жителей-грузин: «Нам все помогали, потому что мы были людьми, и мы должны оставаться людьми!» — «Ты вот хлопочешь, хотя ведь знаешь, как они с нашими поступали!» — «А вы не путайте оккупационный режим с государственным строем Республики Абхазия!».

Никогда не забуду сплошь залитое слезами загорелое лицо пожилого бойца: «Беременной… живот вспороли… да их надо живыми экскаватором в землю закапывать…». Человек, увидев, что враги сожгли родную хату, убили всю его семью, в беспамятстве хватает автомат, готов убить любого грузина, попавшегося навстречу. И останавливало зачастую только: «Брат, ну пусть они так с нами поступали, но они — фашисты, а мы-то — люди!»

Горячечных убийств в те дни действительно было немало. Однако практически не было издевательств и изнасилований. И отрезанные головы между лежаками сухумского пляжа, как писала одна почтенная центральная газета, не валялись.

Но пусть тем, кто начинает войны, запуская кровавый бумеранг, каждую ночь снится, как на центральной улице когда-то счастливого курортного города истощенная до предела собака грызет человеческую руку. * * *

Доктор Марлен Папава, грустно улыбаясь, демонстрирует обновы:

— Вот, видите, приодели друзья с миру по нитке: Юра Когония куртку дал, Андрей Тужба — свитер. Я же был чемпионом мира по стрельбе из пистолета, мне в Лондоне, Париже костюмы на заказ шили бесплатно, за час — для рекламы. Все сваны отняли — теперь где-нибудь в горах чабаны в них гуляют…

Марлен не смог уехать из оккупированного Сухума, бросить парализованную мать. Грузинские гвардейцы пытались заставить его бросить медицину и уйти в снайперы: выбили зубы, выводили на расстрел. А после Победы врач, спасавший очутившихся в больнице абхазов, оказался под подозрением в коллаборационизме. * * *

Лена Гулиа — полячка, выйдя за абхаза, прожила в Сухуме 15 лет.

— Когда я в начале войны прятала и вывозила абхазов, соседи-грузины поджимали губы: «Ты абхазская невестка, вот им и помогаешь!» А я отвечала: «Ничего, подождите, скоро и вам так же буду помогать!» Точно так и получилось… * * *

Во Вторую больницу привозят грузинку средних лет — попытка самоубийства, резала вены. Врачи делают все необходимое, хотя и высказывают мрачные предположения — с чистой совестью вряд ли кто на такое решится. Кстати, потом я встречала эту пациентку в городе — ничего, живехонька.

Кадры грузин, пытающихся покинуть город вслед за отступающей армией, идут по всем мировым телеканалам в рубрике «No comment». Зрелище действительно потрясает: люди

просто обезумели, штурмом берут корабли в порту, плывут, карабкаются на борт прямо из воды. Вся дорога до границы забита брошенными машинами, добром.

Те, кто не успел уехать, требуют у абхазов организовать их эвакуацию на историческую родину. Заниматься этим поручают многострадальному Беслану Кобахия и его Комиссии. Комиссию размещают в здании горсовета, под окнами толпится целый табор горячо желающих стать беженцами. Причем все сомневаются, что абхазы их вот просто так выпустят, поэтому срочно ищут блат, пытаются всучить Беслану разнообразные взятки. Самая банальная — бутылка чачи, а вот самой оригинальной мы с Леной и Эсмой признаем фотографию детсадовской группы с маленьким Бесиком в первом ряду.

— Отправьте меня в Грузию, я уехать хочу… Меня из дома выгнали, я второй день на улице, — плаксиво тянет пробившаяся к Беслану в кабинет дородная женщина.

— А я — второй год на улице! — взрывается заместитель Беслана Даур Агрба. Еле сдерживаясь, он, хромая, — потерял ногу в декабрьское наступление — выскакивает в коридор. Я выхожу следом.

— Что, видала бедную овечку? — стискивает кулаки Даур. — Эта тварь до войны у нас самой главной заводилой на всех митингах была, самая ярая националистка в городе. По совести, валить таких гадин надо, а мы ее не только отпускаем подобру-поздорову, а еще с вещами и комфортом до самой границы на «Икарусах» доставим! * * *

— У нас во внутреннем дворике клумба есть, я на ней развел огород, чтобы хоть какое-то пропитание было, а когда начинался артобстрел, шел туда и грядки перекапывал. Соседи кричат: «С ума сошел, в дом беги!». — «Да лучше пусть на земле убьет, здесь и похороните, а если в доме завалит, то еще неизвестно, когда труп из-под обломков достанут». Один раз, мне так уже все равно было, я лег в своей комнате и под этот грохот заснул. Так осколок снаряда прямо надо мной в стенку попал, кирпичной крошкой засыпало, я вскочил, весь рыжий, как демон. А в соседнюю квартиру — прямое попадание, хорошо, что они уехали: крышу пробило и пол на втором этаже. Но дом у нас старый, раньше крепко строили: у стен по полметра пола осталось. Я туда земли натаскал и тоже помидоры с тыквами высадил. Однажды пришла корреспондентка из «Демократической Абхазии» (это они здесь такую газету выпускали), говорит: «Узнала про ваш огород, расскажите подробней». Ну, я шлаком прикинулся, отвечаю: «Вот слышу отовсюду, что за землю война идет, решил натаскать хоть несколько ведрышек, пусть и у меня немножко земли будет, если она такая ценная». Та соседям: «Да он гонит!», в смысле, с ума сошел. Еле отвязался…

Вова рассказывает, а его жена варит на «буржуйке» традиционный абхазский кофе. С Лианой мы познакомились еще во время войны, в Гудаутском госпитале, — они с дочерью Яной помогали ухаживать за ранеными — а теперь сидим в ее чудом уцелевшей сухумской квартире. Впрочем, то, что они с мужем, несмотря на все пережитое, снова вместе — тоже чудо.

Вова — грузин. Лиана — абхазка.

— Меня за время оккупации не раз пытались заставить воевать. Но не мог я стрелять по Гудауте: жена, дочка там, да и сам я гудаутский родом. С ними уехать и в абхазскую армию вступить тоже, знаете, не смог — против своего народа идти. А сын наш женился на грузинке и в такую националистическую семью попал! Когда я Лиану с дочерью переправлял, хотел, чтобы и сын с невесткой уехали — та на восьмом месяце уже была. Мы ее родителей просто умоляли: «Пожалейте своего ребенка!» — бесполезно. Сын воевать отказался — арестовали, пригрозили, что расстреляют. Тогда он пошел в местную полицию. Но теперь уже все равно: взял в руки автомат — значит, считается, что воевал. Перед самым освобождением города сын вместе с семьей жены эвакуировался за Ингури, в Грузию. С тех пор никаких известий от

него не имеем.

— А думаешь, мне легко в Гудауте было? То знакомые передадут, что разговоры всякие ходят, то сама шепоток за спиной слышишь: «У нее муж — грузин, вместе с сыном в Сухуме остался, не иначе как шпионка. Дочку я на свою девичью фамилию переписала — хоть одного ребенка спасла…»

Семья — хозяева одной из старейших в городе кофеен, расположенной на первом этаже того же дома. Вывеска — на трех языках: русском, абхазском, английском.

— И вы послушайте, что придумала эта женщина: назвать кофейню — «Вселенная». В войну несколько раз гвардейцы приезжали, требовали переписать абхазскую вывеску — «Адунеи» — по-грузински. Я все тянул-тянул: то краски нет, то еще что, они злились, но ни разу не поднялась рука выстрелить по Вселенной, пусть даже «абхазской» — так и осталось. Раз пришел гвардеец, начал 50 тысяч требовать. Я ему: «Да если бы у меня такие деньги были, я бы давно отсюда уехал!» Тогда он меня — прикладом. Я хоть и не молодой, но еще крепкий: не сдержался и избил его сильно. На следующий день пришли трое: «У тебя жена абхазка и ты абхазов прячешь, показывай, где они». — «Нет у меня никого, один я». — «Врешь, один бы ты его так не отделал!» — втроем били, полжизни отняли. А когда начал выходить на улицу, тот, первый, в темноте подстерег с ножом, весь живот искромсал, только недавно меня из больницы выписали.

Пришли абхазы — явились двое с автоматами: «Идем в комендатуру!». Ну, знаю я такую «комендатуру» — за угол и в расход. Делать нечего, пошел, хорошо, что на улице встретил наших, гудаутских, они обрадовались: «Вова, Вова!». Те увидели такое дело — отпустили…

Вот Лиана сердится, говорит, что я ей своей философией двадцать с лишним лет голову морочу, но я немало этих книг прочел. И я верю: ни один негодяй — ни убийца, ни мародер, ни Шеварднадзе, что начал войну, — не доживет до двухтысячного года, когда настанет Страшный Суд. И национальность тут не имеет никакого значения, потому что мерзавцы есть и среди грузин, и среди абхазов… А сегодня вот приходил ко мне насчет дочки Юра-казак, из добровольцев. Не знаю уж, как она сама решит, а лично мне очень парень понравился, хоть сейчас бы за него отдал!

Каждый раз, когда слушаешь такие рассказы, потрясает даже не само их нечеловеческое содержание, сколько страшное спокойствие и простота переживших. Я смотрю на этих красивых немолодых людей и не могу не восхищаться их любовью и мужеством — хотя эти слова так и не были произнесены. Впрочем, ненормально другое: когда супруги вдруг вспоминают, что один из них — «не той» национальности. В Абхазии — в отличие от других зон конфликтов — такое случалось нечасто. И все-таки… Знакомая армянка из Очамчиры удивлялась: «Как война кончилась, на нашей улице уже три парня-абхаза женились. И представляешь — все, как один на своих, абхазских девочках!»

С улицы слышен гудок — приехал брат Лианы, Алик, с товарищем:

— О, журналистка из Москвы! А знаете, кто мой друг? Он грузин, а в нашей армии воевал!

— Ну и что, — хмурится тот, — я ведь не против грузин воевал, а за справедливость.

— Кстати, — радостно сообщает компании Вова, — сегодня я в коридоре видел крысу. Они же беду первые чуют, перед войной все исчезли, а если вернулась — мир настал! Я теперь специально буду давать ей кушать, приручу, чтобы знать: если, не дай Бог, пропадет, значит, снова начинается… * * *

Ночью напротив больницы загорелся дом — скорее всего, поджог. Восьмилетняя Луиза — дочка Джульетты Капикян — теребит меня за руку:

— Это кто — твари подожгли?

— Малышка, не говори так — не все грузины твари.

— Я про всех и не говорю, — удивляется девочка, — есть очень даже хорошие грузины. Дядя Жорик, наш сосед, он за абхазов всегда был. И в Эшере хорошие были…

В те дни не раз звучал тост: «За тех грузин, что не предали справедливость, остались людьми и тем самым спасли душу своего народа». * * *

Первый раз вижу Машку-пулеметчика в штатском — шлепанцы, старые штаны, пыльный турецкий свитер.

— Машка, да ты настоящий бродяга! В военном такой красавец был, на человека похож…

— Ну что ты, — улыбается Машка, — разве же солдат — это человек? Вот бродяга — это человек! * * *

Из больничного дворика доносятся душераздирающие женские крики — с Гумисты привезли двоих мальчишек, подорвавшихся на мине. Сбегаемся в перевязочную. Одного только слегка поцарапало осколками, а вот у другого, лет семи-восьми, лицо залито кровью и левая нога ниже колена — просто лохмотья. Кажется, он без сознания, Ася Квициния вкалывает обезболивающее, малыш вдруг содрогается всем телом и дико кричит: «Не делайте больно!» Когда лекарство начинает действовать, занимаемся ногой: чтобы наложить повязку, обрывки кожи и мышц доктору Лике Пачулия приходится обрезать простыми ножницами.

25 февраля 1994 года Международный Красный Крест выступил с инициативой о запрещении использования в войнах противопехотных мин, наносящих особо тяжелые, не поддающиеся лечению увечья и от которых в значительной степени страдает мирное население. Дело доброе, вот только для Абхазии эта инициатива явно запоздала.

Армия Грузии использовала и запрещенные международными конвенциями игольчатые и шариковые снаряды. Именно последним был тяжело ранен в июльское наступление корреспондент «Красной Звезды» Владимир Попов. А пулями со смещенным центром тяжести, находившимися в арсеналах бывшей Советской Армии, стреляли обе стороны. * * *

Зурик, слава Богу, жив-здоров. Ему здорово повезло: вся семья цела.

— Мне сейчас надо в церковь сходить, покаяться: я в это наступление человек двадцать убил. А один — мы друг в друга стреляли, потом у него патроны кончились, он бросил автомат, взвалил на себя труп, что рядом лежал — наверное, своего друга, — и стал отходить. Тут я тоже опустил автомат — не смог стрелять в безоружного…

— Война кончилась — опять за старое возьмешься?

— М-м-м… Знаешь, в моей квартире было два окна — от снарядов стало четыре, рамы, двери, даже линолеум с пола — все унесли. А я… не то, что отнять, не то, что украсть: валяется на земле японский магнитофон — не могу взять, стыдно!

Говорят, война меняет человека. В свое время любили повторять: «Афганистан — школа жизни, из лоботрясов сделал мужчин». Между тем сами «афганцы» — категорически: «Никого Афган не сделал лучше или хуже, только усилил то, что было заложено в каждом». * * *

— Посмотри, из этого отреза платье хочу выходное сшить — будет в чем на похороны ходить. Чего ты удивляешься — какие у нас еще теперь торжества: только похороны да поминки. * * *

Ребята просят переписать кассету военных песен израильского барда Александра Алона.

Особенно им по душе «Высота», написанная в семьдесят третьем году — о боях за Голаны. Наверное, потому, что все войны похожи друг на друга, и в этой войне тоже есть свои горькие высоты — Шрома, Одиши, Цугуровка:

По дорогам войны лег наш рубчатый след в изобилье,

На равнинах атак от свинца не прогнулась броня.

Мне хотелось бы верить, что павшие нас не забыли,

И в окопах могил нашу общую землю храня.

Вместе с теми, кто был, я мечтал о вершине об этой.

Вместо тех, кого нет, я ладонью здесь слезы утру…

Это тяжко порой и оправдано только Победой.

Это ясно, как кровь, что мерцает росой поутру.

Но самая популярная фронтовая песня — «Помнишь, товарищ…» У нее удивительная история: мелодия написанного в тридцатых годах лирического танго «про любовь» была подхвачена в Великую Отечественную. С новыми, написанными самими воинами словами, она стала гимном альпинистских отрядов, освободивших Кавказ, скинувших с вершины Эльбруса фашистский флаг:

Помнишь, товарищ, белые снега,

Стройный лес Баксана, блиндажи врага…

Потом ее запели «афганцы»:

Вспомним, ребята, мы Афганистан…

А здесь поют так:

Помнишь, абхазец, Гумистинский бой,

Зарево пожарищ, взрывы за рекой…

За войны и десятилетия некоторые строки «Баксанской» потерялись. А теперь вот вышло так, что снова пригодился старый куплет:

День придет решительным ударом —

В бой с врагом пойдем в последний раз.

И тогда все скажут, что недаром

Мы стояли насмерть за Кавказ!

* * *

Всхлипывая, Ингрид утыкается мне в плечо:

— Когда-нибудь ты напишешь обо мне роман — вроде «Анжелики»…

— Я бы предпочла написать о тебе вроде «Унесенных ветром».

— А-а, потому что она тоже мужей теряла, да?..

— Нет — потому что она выстояла назло всему.

Ей всего восемнадцать: высокая, красивая, еще по-детски угловатая и грациозная, как жеребенок. Приехала из Эстонии — добровольцем, вместе с другом-латышом:

— Я в Тартусском университете на первом курсе училась, а с Каспаром мы раньше знакомы не были, только слышала от друзей, что есть такой замечательный парень, с осени в Абхазии воюет. На Новый год он приехал в отпуск, а пятого января ему исполнялось двадцать три года. Девчонки потащили меня на день рождения. И знаешь — это была любовь с первого взгляда: мы весь вечер смотрели только друг на друга. Седьмого мы в первый раз целовались. А шестнадцатого уже были здесь, в Абхазии.

— Как же Каспар тебя с собой взял?

— Он не хотел, но я сказала, что все равно приеду — лучше уж сразу вместе. Он ПТУРСист, я — медсестрой. В марте решили расписаться, назначили свадьбу на двадцатое, но пятнадцатого началось наступление…

Вернувшиеся из боя рассказали: Каспар погиб у них на глазах. Пытаясь одолеть проволочную изгородь, он был прошит автоматной очередью — тело так и осталось висеть, вытащить не удалось.

После провала наступления в Гудауте провели собрание родственников погибших. Когда кто-то из них, обезумев от горя, стал панически призывать к капитуляции перед противником, Ингрид первая демонстративно покинула зал.

Она не уехала домой — стала санинструктором черкесской группы, участвовала во всех боевых операциях. На досуге научила боевых товарищей нескольким эстонским словам и они любили приветствовать ее на родном языке: «Тере, Лапс!» — «Здравствуй, Малыш!». Однажды это услышали ребята-абхазы и безмерно возмутились: «Как ты посмел эту девочку так назвать, слушай!» Дело чуть не дошло до вооруженного конфликта, но, к счастью, недоразумение — под общий смех — разъяснилось. Дело в том, что, оказывается, по-абхазски «лапс» значит «сука». Черкесы все-таки здорово расстроились — как можно даже подумать, что они так обидят свою сестренку!

16 октября Ингрид исполнилось девятнадцать. А через несколько дней она приняла предложение Али — бойца черкесской группы. Конечно, нашлось немало желающих осудить.

Не осуждали лишь друзья, те, кто знал Ингрид, Каспара и Али, кто понимал, как бесценно и безжалостно время на войне.

После провала мартовского наступления грузинская сторона отказалась выдать абхазам тела погибших солдат. Их закопали экскаватором в овраге, в районе республиканской больницы. В начале ноября руководство республики приняло решение перенести останки в один из центральных парков города, где впоследствии будет сооружен мемориал.

Эксгумация и опознание шли три дня. Между бесконечными рядами носилок с полуистлевшими останками ходили плачущие люди, пытаясь хоть по уцелевшим клочкам одежды найти близкого человека, беспомощно проклиная: «Чтобы у этого Шеварднадзе в доме каждый день такое горе было!»

На третий день Ингрид нашла Каспара.

Она узнала его сразу, откинув с носилок залитую дождем целлофановую пленку. Склонившись, плакала навзрыд, гладя то, что осталось от любимого, рукой в резиновой перчатке и в беспамятстве твердила: «Малыш, малыш, что же ты наделал!» А я тоже выла в голос, погибая от невыносимой жалости к этим несчастным детям, обнимала ее за талию и больше всего боялась, что, потеряй она сейчас сознание, упадет на него прямо лицом и не удержу ведь, не удержу…

Каспара похоронили в сухумском центральном парке, в братской могиле — Ингрид решила: «Пусть лежит вместе со своими ребятами». Гроб вместе с бойцами несли Леонид Лакербая и Отар Осия — вице-премьер и министр здравоохранения Республики Абхазия.

— Ингрид, заметь место, где его положили — напротив сосны.

— Сосна — прямо как дома… Господи, за что же это! Но я все равно ни о чем не жалею, правильно сделала, что сюда поехала — хоть два месяца с Каспаром пожила!

Через два дня Али погиб в автомобильной катастрофе.

Наверно, Ингрид останется жить в Абхазии. Возвращаться с войны всегда нелегко, а каково ей будет дома, в Эстонии, среди друзей-подростков, которые — как и должно быть в этом возрасте! — раскатывают на мотоциклах и танцуют на дискотеках: «Они на меня смотрят, как на дикую!». Правительство выделило квартиру, работа найдется, но девочке надо учиться. Впрочем, в приемной комиссии сухумского университета меня заверили — пусть приходит:

— Но у нее из документов — только студенческий.

— Ничего, для зачисления вполне достаточно — не Сорбонна. В крайнем случае, сгодится копия по факсу. Ее биография — лучший документ…

Девочка в черном платке идет по улицам Сухуми — маленький отважный жеребенок. Встречные узнают ее, ласково здороваются.

— Ингрид, смотри — на калитке написано «Здесь живут эстонцы».

— У-у-у, давай зайдем, вдруг они язык знают! Ты не представляешь, как мне хочется с кем-нибудь поговорить по-эстонски… * * *

Всю войну сотрудники гудаутского пресс-центра Верховного Совета Республики Абхазия ежедневно приклеивали на дверь новый листок самодельного календаря: «2 сентября — 17-й день агрессии… 42-й день агрессии… 121-й день… 368-й…» И, наконец: «1 октября — 1-й день Мира».

Оптимисты.

Впрочем, в таких вещах все мы обманываться рады.

— Весь, весь народ же искалечен, — печально качая головой, повторял добродушный крепыш Аслан Шаов, врач-доброволец из Нальчика. — Лучший генофонд, молодые парни, истреблен, сколько ампутаций — и до сих пор чуть не каждый день на Гумисте люди подрываются! Не зря говорят, что Абхазия скоро станет страной одноногих… Через несколько лет начнут сказываться последствия ранений и контузий. У всех, кто провел зиму в окопах, как минимум, почки застужены. Я уж не говорю о тяжелейших психологических травмах, их вообще никто не избежал…

«Господи, что они сделали с нами! За что?» — страшный рефрен первых послевоенных дней. Раньше в Абхазии и слова-то такого — «мародер» — не знали. А теперь появилась горькая шутка — тыловая Гудаута от награбленного «по данным ученых, на полметра в землю осела». Непоправимый ущерб нанесен памятникам культуры, истории и архитектуры, сожжены архивы, убиты актеры, поэты, ученые, художники. Увеличилось число наркоманов — роль «наркомовских ста грамм» здесь выполнял «косяк» анаши. Хозяйство разорено, осиротевшие пляжи, в панике брошенные отдыхающими, еще долго будут пустовать.

— Сегодня приснилось: сижу у Гумисты в окопах, вдруг приходит отец и рассказывает, что Леву, брата моего Левку убили! И такая тоска сжала, что вот с Левушкой такое случилось — я просто встал на четвереньки и завыл от горя, как зверь. А потом в беспамятстве вскочил в полный рост из окопа, сразу грохот! — просто физически почувствовал, как осколки рвут мое тело, и от кошмарной боли и смерти — проснулся.

Слишком многое я потерял в этой войне. Друзья, родственники — кто погиб, кто инвалид. Даже с теми, кто выжил, невозможно собираться вместе — слишком явно и тягостно видны потери. Я тоже теперь как бы наполовину мертвый — по крайней мере, тот, довоенный, Руслан Барцыц умер и вряд ли оживет.

Сразу после Победы я вообще хотел надолго уйти в горы — подальше, чтобы людей не видеть. В моем Пицундском историко-архитектурном заповеднике дел невпроворот, а еще придется одновременно заниматься Гагрским заповедником, директор которого, мой близкий друг Анатолий Лагвилава, погиб в последние дни войны. А я с трудом заставляю себя заниматься делом, одно время даже хотел вообще бросить археологию. Пора заканчивать в Москве аспирантуру — полтора года вынужденного прогула, работы, готовые к публикации, сгорели в Сухуме, организовать раскопки смогу в лучшем случае года через два. Так что и у тех, кто выжил, жизнь скатилась куда-то. Но все это ерунда по сравнению с гибелью друзей, с которой я никогда не смогу смириться.

Были раньше, конечно, у меня и друзья-грузины. К университетскому другу, Бадрику Анджапаридзе, я прибежал в дом сразу после освобождения Сухума. Дома пусто, но соседи рассказали, что Бадрик воевал против нас — против меня! — с первого же дня, в Шроме, где и погиб. И не один он такой…

Грузин для меня отныне нет. Просто не существует. Я могу с ними общаться, но не доверяю ни одному. Не хочу жить с ними, они не заслужили права жить на моей земле. Где гарантия, что они опять не начнут кричать: «Абхазия — грузинская земля, абхазы, убирайтесь в горы, откуда спустились». Это неправда, что время лечит. Если время лечит — пусть тогда те, кого я потерял, оживут и встанут рядом со мной. И тогда я все прощу.

Руслан Барцыц надеется на помощь российских коллег — уникальный Пицундский Храм нуждается в реставрации. Пока же сам из двух железных балок смастерил крест, прикрепив на спину, взобрался на купол Храма, установил — взамен скинутого в двадцатые. А вот в Новоафонском монастыре впервые с 1924 года возобновились православные службы,

залатали асфальт на Дороге грешников, расчистили тропу к гроту Св. Апостола Симона Кананита. Начали работать промышленные предприятия, восстановлен знаменитый Гагрский парк, готовятся к курортному сезону пицундские пансионаты — абхазское «потерянное поколение» не может позволить себе роскоши теряться:

— Если мы отдадим нашу Победу, мертвые нам не простят! Да, за нее заплачено очень дорого: ведь Грузия посылала сюда воевать уголовников, а у нас шли вперед и первыми погибали самые лучшие. Но мы знали, ради чего умирали, знаем, ради чего живем теперь. Мы на могилах своих ребят напишем: «Погиб за Родину». А они? Что сумеют написать они?..

При посредничестве России и ООН вновь начаты мирные переговоры, но в Тбилиси настойчиво требуют «освободить Абхазию от абхазских оккупантов», отменить решение о вступлении Грузии в СНГ, отмечают День независимости военным парадом — «на холмах Грузии лежит ночная мгла и так еще далёко до рассвета»… А сотрудники пресс-центра, как будто заклиная судьбу, каждое утро продолжают писать на календарных листках: «День Мира».

Анна Бройдо.

20 мая 1994 года.

Абхазия — Москва.